

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

НАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№2 Иркутск – 2015

*Научно-популярный
художественно-публицистический
альманах*

НАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 2

**Высшая народная школа
Педагогический институт
Иркутский государственный университет
Иркутск – 2015**

**УДК 808.2-82
ББК 84Р7
Н 30**

Народное обозрение / научно-популярный художественно-публицистический альманах – Иркутск: «Репроцентр А1», № 2. – 2015. – 159 с.

**Автор идеи – А. Гордин
Редактор-составитель - А. Гордин
Литературный редактор - М. Гордина
Ответственный секретарь –
Т. Лукьяненко**

ISBN 978-5-904740-28-3

**Высшая народная школа
Педагогический институт
Иркутский государственный университет
г. Иркутск – 2015**

Содержание

• Вступление	
<i>А. Гордин.</i> Радуга в феврале.....	4
• Научно-популярная литература	
<i>А. Гордин.</i> СМИ как культурная имитация	10
<i>В. Зоркин.</i> О телеграфисте Петре Жолтикове, истории «Гранатового браслета» и писателе Александре Куприне	18
<i>П. Мигалёв.</i> Охотники за бумагами Сибирского приказа	27
<i>М. Кулехов.</i> Русь многоликая.....	31
• Публицистика	
<i>А. Байбородин.</i> Счастье.....	41
<i>Е. Пешкова.</i> Дело всей жизни.....	47
<i>А. Богачёв.</i> Неуходящий энтузиазм.....	49
<i>М. Жилина.</i> Солнце внутри.....	53
<i>Е. Постнова.</i> Женщина с одухотворённым лицом	56
<i>М. Люлько.</i> Жизнь только началась.....	60
<i>М. Люлько.</i> Владимир Скиф.....	62
<i>М. Люлько.</i> Магнит для радости.....	66
<i>М. Люлько.</i> Человек, который знает, что и во имя чего он делает.....	69
<i>К. Богачёв.</i> Раскопки в датском языке.....	72
<i>А. Бендер.</i> Поэт и гражданин.....	76
<i>Д. Смирнова.</i> А в ней огонь	80
<i>А. Бендер.</i> Знаток русского слова.....	82
<i>А. Богачёв.</i> Песня остаётся с человеком	85
<i>Л. Чернова.</i> Писатель души	87
<i>Е. Пешкова.</i> Пристань алых грёз	90
<i>М. Жилина.</i> Школа, освящённая радугой.....	93
<i>В. Семнадцатый.</i> О времени и себе	97
• Проза	
<i>В. Крестьянников.</i> Каникулы на Тунгуске.....	105
• Поэзия	
<i>В. Скиф.</i> Новые стихи.....	116
• Будушелы	
<i>Е. Шапов.</i> Странный народный умелец.....	122
<i>Я. Князев.</i> По байкальским ветрам к берегам Америки.....	127
<i>Э. Бальжамиев.</i> Шахматы в движении.....	131
<i>Е. Соболева.</i> Детский сад	134
<i>Я. Шутова.</i> Они называют свою Родину Суоми.....	137
<i>И. Рыжакова.</i> Возвращение к чужим пенатам.....	142
<i>Е. Тимофеева.</i> Большая игра в большой пустыне.....	148
<i>В. Тарасенко.</i> Шкатулка драгоценностей.....	151
Краткие сведения об авторах.....	157

● Вступление
РАДУГА В ФЕВРАЛЕ

Прошло шесть лет с того момента, как небо над Иркутском в феврале озарила радуга¹, в честь того, что в этом старинном сибирском городе открылась первая в Восточной Сибири Высшая народная школа (ВНШ). Так шутят все, кто был причастен к этому уникальному общественно-образовательному событию. Вслед за этим, при методической и методологической поддержке Иркутской ВНШ, подобное учреждение неформального образования взрослых для людей третьего возраста появилось в Усолье-Сибирском². Далее по такому же принципу в селе Карымское Куйтунского района Иркутской области³. Год за годом «по этой же схеме», то есть при содействии педагогов Педагогического института Иркутского государственного университета⁴, в Иркутске и других городах Иркутской области появились десятки подобных школ. Сегодня только при

¹ Это исторический факт. Аномальное природное явление произошло ... февраля 2009 года в г.Иркутске

² Инициаторы - педагог и первый директор Усольской ВНШ – Колпакова Н. Е. и директор школы №16 Панькова Л. Н.

³ Инициатор – директор Карымской средней общеобразовательной школы Ващенко Н. Ф.

⁴ Доценты кафедры социальной педагогики и психологии Гордина О. В и Гордин А. И.

общественных организациях ветеранов Иркутска и Иркутской области, по инициативе Областного совета ветеранов⁵ и методической помощи педагогического института ИГУ, созданы десятки Высших народных школ, которые объединяют на основе общественно-образовательной деятельности тысячи людей третьего возраста. Кроме того, в период с 2010 по 2014 годы добровольцами, для которых педагогическим институтом проводились обучающие методические семинары и издавалась специальная научно-практическая литература⁶, открыты на разной материально-технической основе подобного рода школы в городах Черемхово, Тайшете, Братске, Усть-Илимске и др.

Такая бурная общественно-образовательная деятельность Высшей народной школы была бы невозможна без административной поддержки педагогического института, который в разное время был структурным подразделением ИГПУ, ВСГАО, а ныне Иркутского государственного университета. Без добровольческой, патриотической деятельности педагогов ВНШ, известных в Иркутске писателей, деятелей культуры, представителей общественности и администрации, таких как С.Ф. Шмид, С.А. Язев, В.И. Зоркин, С.А. Захарян, О.Н. Ивлевой, О.Ю. Юрьевой, В.П. Скифа, А.Г. Байбородина, В.П. Максимова и многих других. Без активного участия в жизни школы волонтеров-студентов педагогического института и кафедры журналистики и медиаменеджмента филологического факультета ИГУ. Без научно-практической поддержки кафедры социальной педагогики и психологии педагогического института ИГУ, прежде всего, заведующей И.В. Федосовой и руководителя волонтерского движения «Добровольный выбор» А.В. Кибальник. Без плодотворного социального сотрудничества с десятками общественных организаций, учреждениями культуры, государственными организациями Иркутска и Иркутской области, среди которых особое место занимает областной совет ветеранов в лице Е.Е. Лавыгина. В ВНШ работает совет самоуправления, в который входят староста школы Н.Г. Увакина, старосты всех учебных групп и просто активные слушатели школы. Особых добрых слов заслуживает отдел по связям с общественностью при городской администрации – руководитель О.А. Куриленкова, а также президент российской общественной организации

⁵ Инициатор – Лавыгин А.Е.

⁶ Областной семинар для директоров школ-депутатов совместно с Законодательным собранием Иркутской области (2009 г.); № 4 (5) общественно-литературной газеты «Народное обозрение», ред. Гордии А.И. (2009 г.); № 5 (6) общественно-литературной газеты «Народное обозрение», ред. Гордин А.И. (2011 г.); два областных семинара для представителей разных территориальных ветеранских организаций (2011 г.) семинары, мастер-классы при областном совете ветеранов для потенциальных руководителей народных школ (2012 г.); первый номер художественно-публицистический альманах «Родные берега», ред. Гордин А.И. (2014 г.), пилотный номер художественно-публицистического, научно-популярного альманаха «Народное обозрение» (2014 г.), ред. Гордин А.И.; *Высшие народные школы в образовательном пространстве современной России: вопросы теории и практики*. Коллективная монография / Под ред. Н.П. Литвиновой, О.В. Гординой. Иркутск-СПб.: «ВСГАО», 2009. 294 с.; Гордина О.В., Гордин А.И. *Информальное и неформальное образование взрослых: вопросы теории и практики: монография*. Иркутск: «ВСГАО», 2010. 184 с.; Гордина О.В. *Народная школа: ретроспектива, экстраполяция в современное социальное пространство Сибири*. – Иркутск: ФГБОУ ВПО «ВСГАО», 2014. – 152 с.

«Дом Европы в Санкт-Петербурге» Н.П. Литвинова, по инициативе которой в 1999 году было возрождено общероссийское движение Высших народных школ.

Как же все эти годы ВНШ города Иркутска жила? Каков её вклад в формирование образовательного пространства Иркутска и Иркутской области? Чтобы ничего не сочинять, обратимся к тексту аналитической справки, подготовленной членом Совета директоров ВНШ Ольгой Васильевной Гординой.

«Учебный план школы формируется с учётом запросов слушателей. В ВНШ востребованы знания по ряду направлений – «История и литература», «Психология и экология», «Экономика и право», «Изящное и прикладное искусство», «Физическое совершенствование и оздоровление» и пр.

Этой проблематике посвящены лекции, которые читают в народной школе ведущие специалисты города каждый четверг в течение всего учебного года. Еженедельно идут занятия учебных групп: «Практический английский», «Практический немецкий», «Я и компьютер» (во втором семестре), «Твоё здоровье в твоих руках», «Изобразительное искусство», «Квиллинг».

В ВНШ работают кружки и клубы по интересам слушателей: литературный клуб, танцевальный кружок, хор, кружок вязания крючком, кружок бисероплетения, клуб «Пойдём в театр!» (обсуждение просмотренных спектаклей с ведущими театральными критиками, режиссёрами, актёрами).

Литературный клуб в 2014 году выпустил два альманаха: «Родные берега», «Народное обозрение», в которых опубликованы произведения слушателей, студентов и рассказывается об общественно-образовательной деятельности ВНШ. Танцевальный кружок сформировал свой репертуар, сшил костюмы. Выступление этого коллектива является украшением общешкольных праздников. В 2015 году танцевальный кружок ВНШ готовится встретить свой 5-летний юбилей. Клуб любителей кино снял фильм о ВНШ. С 2014 года в ВНШ открыта студия художественного слова. Уже проведены вечера поэзии С. Есенина, Е. Евтушенко, костюмированный вечер, посвящённый исполнению басен И. Крылова и С. Михалкова. Есть хорошая перспектива создания театра.

Школа курирует социальное поселение «Исток» (для детей с ограниченными возможностями), школу для умственно отсталых детей «Прибайкальский талисман». Слушатели школы посещают поселение, готовят концерты для детей, проводят с ними праздники.

На базе санаторного детского дома № 2 создана «Бабушкина и дедушкина школа». Слушатели-добровольцы закреплены за определёнными группами воспитанников детского дома. Они еженедельно общаются с детьми, проводят совместные занятия по рукоделию, читают книги, устраивают «семейные» праздники. Завели каждому ребёнку

фотоальбом, печатают для них фотографии, что способствует написанию собственной истории, осмыслению собственной биографии.

Школа принимает активное участие в многочисленных общественных событиях и акциях, проводимых в городе: марафоны, субботники, городской карнавал, конкурс «Миллион на добрые дела» (1-3 места) и др.

При нашем непосредственном участии в Иркутске проводится «Неделя неформального образования» (1-6 марта), началась реализация проекта «Иркутск – обучающийся город».

...Однако наиболее важной ценностью является царящая в школе атмосфера добра, сердечности, тот удивительный климат, при котором культура становится образом жизни, а понятие «высшая» несёт в себе не приобретение узконаправленной специальности, а помощь людям лучше понять самих себя и окружающий их мир».

Уникальность и высокий гуманистический пафос Высшей народной школы в том, что она принимает пожилых людей как студентов, у которых ещё многое впереди. Наверное, поэтому наши слушатели так молоды и энергичны. А студенты, активно включённые в образовательный процесс ВНШ, так по-взрослому ответственны, интересны и успешны в профессиональном и в личностном плане».

Всё вышеперечисленное даёт основание говорить, что Высшая народная школа и инициированное ею развитие образования взрослых людей третьего возраста на территории Иркутска и Иркутской области – уникальное, вернее, к сожалению, образно говоря – «аномальное явление», потому что ничего подобного в сравнимых масштабах в России пока нет. Достаточно сказать, что во всём нашем Отечестве сегодня существует всего немногим более десяти Высших народных школ... Тогда как в Восточной Сибири они существуют в 20 территориях и общая их численность составляет более 50 школ!

Как вы уже догадались, уважаемый читатель, сегодняшней номер нашего альманаха в основном посвящён общественно-образовательной деятельности Высшей народной школы города Иркутска. В большинстве материалов раздела «Публицистика» рассказывается о слушателях и преподавателях ВНШ. Тому, какими вы их увидите, мы обязаны бывшим и настоящим студентам Иркутского государственного университета. Их же журналистские «пробы пера» представлены в разделе «Будушелы». Образцы научно-популярной литературы принадлежат перу профессиональных журналистов, которые в разные времена учились в Иркутском государственном университете, некоторые из них преподают в альма-матер и ВНШ. А своими новыми художественными произведениями делятся с вами большой друг ВНШ – Владимир Скиф и член литературного кружка – Владимир Крестьянников.

Хотелось бы верить, что ваше знакомство со слушателями, преподавателями, волонтерами и их творчеством на страницах нашего альманаха произведут на вас такое же душевное впечатление, как некогда произвела на них летняя радуга в небе над стылым Иркутском в феврале 2009 года...

Александр Гордин

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ

ЛИТЕРАТУРА

Александр Гордин

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК КУЛЬТУРНАЯ ИМИТАЦИЯ

Проблемы массовой коммуникации в современном информационном сообществе во многом связаны с развитием информационной культуры. То есть с той ролью, которую играет информация в жизнедеятельности общества и его отдельных членов. Условно информационную культуру можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, имея в виду имманентные свойства информации (её количество и форму, скорость передачи и обработки и др.), во-вторых, её социокультурную функцию. Эти два аспекта не просто взаимосвязаны, но и взаимообусловлены. Зацикленность в деятельности человека на любой из них приводит к искажению смысла информационной культуры, вырывая её из контекста культуры общечеловеческой.

Например, без эффективного использования имманентных свойств информации начинаются процессы регресса, для которых характерен крайне нежелательный информационно-деятельностный консерватизм, приводящий к неоперативности, неэффективности, а иногда к нецелесообразности деятельности человека. В том числе и экономической нецелесообразности, что является в некоторых видах деятельности человека определяющим фактором.

А без социокультурной составляющей или недопонимания её важности происходит перерождение культуры в технологию. Важнейший признак этого явления – подмена (в том числе и прежде всего в социальном институте СМИ!) содержания понятия «культура».

С точки зрения формальной логики, более широкое по объёму понятие «культура» включает в себя понятия «массовая культура», «информационная культура» и т.п. Этот тип логической связи называется соподчинением и вполне адекватно раскрывает необходимость действительно корректного соотношения в социальной практике этих «культурных» явлений.

Несоблюдение этого соотношения, недопонимание «важности этого момента» приводит к тому, что технократизм мышления самогипертрофируется и начинает доминировать в деятельности общества, искажая социокультурные ценности бытия человека. Так, технологии, выполняющие важные, но всё-таки служебные функции в жизнедеятельности человека, начинают конструировать сознание человека и управлять через это его нормами и ценностями поведения. Главенствующим становится тезис: «что не технологично (не рационально), то не имеет право быть», и происходит стремительное перерождение культуры в технологию [6].

Поэтому именно содержание социокультурной функции информации является сегодня принципиально важным для определения духовно-нравственного развития общества. В связи с этим крайне нежелательна трактовка деятельности средств массовой информации как обыкновенной технологии по поиску, подготовке и распространению информации. Любая информация имеет социокультурно-образовательный смысл уже только потому, что «коммуникация – процесс обмена различного рода сообщениями, в котором субъекты воздействуют на поведение друг друга» [7, с.8].

Для изучения проблем массовой коммуникации в современном обществе важно разобраться, что такое «массовая коммуникация», «человек массы» и «массовое общество». От интерпретации этих понятий, в конечном итоге, зависит, как мы будем понимать содержание понятия «средства массовой информации».

Массовая коммуникация, по утверждению В.В. Касьянова, обладает рядом специфических черт. Она, как правило, однонаправлена. То есть получатель сообщения не имеет возможности «ответить» на него. Это целенаправленное информационное воздействие со стороны «коммуникатора», которое может вызвать разнообразные социально-психологические последствия (поведенческие, установочные и т.п.). В таком случае массовая коммуникация осуществляется специализированными организациями и представляет собой отдельную институциональную сферу профессиональной деятельности. Сообщения адресованы огромной аудитории, состав которой весьма неоднороден (неструктурирован), анонимен и автономен. Отправителями сообщений выступают, как правило, не индивиды, а некие коллективные субъекты (ТВ, РВ, печатные СМИ, политические партии, общественные организации и т.п.). Коммуникация осуществляется с

помощью технических устройств, тип которых влияет на характер восприятия сообщений. Массовая информация, как правило, многоканальная (печатный текст, изображение, устная речь). Институты массовой коммуникации многофункциональны. Их задачи выходят далеко за рамки передачи информационных сообщений. В частности, они играют заметную роль в политическом процессе, выполняют важные академические функции, являются одним из наиболее значимых агентов социализации и т.п. [7, с.17].

Из этого мы можем заключить, что массовая коммуникация – это многофункциональное, многоканальное, технологическое, однонаправленное и целенаправленное информационное воздействие коммуникатора(ов) на массового потребителя информации, именуемого аудиторией, отличительными чертами которой являются: анонимность, слабая структурированность (изолированность), бессубъектность (атомизированность) и психологическая (поведенческая, установочная и т.п.) управляемость.

Такой вид коммуникации превращает человека, от природы являющегося «изнутри-ориентированной личностью» (Д. Рисмен), в «человека массы». В философской и социальной науках существует в целом негативная трактовка содержания понятия «масса». «Масса – это атомизированное, неструктурированное, аморфное множество людей, каждый из которых действует на основе собственного выбора и личной инициативы» [7, с.24]. «Масса лишена черт общности... У неё нет никакой социальной организации, никакого корпуса обычаев и традиций, никакого устоявшегося набора правил или ритуалов, никакой организованной группы установок, никакой структуры статусных ролей. Она просто состоит из некоего конгломерата индивидов, которые обособлены, изолированы, анонимны... Индивиды отделены друг от друга и неизвестны друг другу... Форма массового поведения парадоксальным образом выстраивается из индивидуальных линий деятельности, а не согласованного действия» [2].

Г. Лебон и Хосе Ортега-и-Гассет считали, что «человек массы» иррационален, враждебен достижениям культуры, избегает ответственности и имеет ничем необоснованные непомерные потребности и запросы. Человек массы, или толпы, склонен к бездумному разрушению и стихийной агрессии. Господство массового человека – синдром одичания. Эпоха господства массового человека – массовое общество – предстаёт в этой концепции как эпоха заката человеческой цивилизации [7, с.24]. По мнению Ханне Арендта, «масса» – это «бесструктурное множество людей, дезориентированных, утративших чувство социальной солидарности, ощущающих угрозу своему благополучию и даже физическому состоянию» [7, с.25]. «Истина в том, – утверждает Х. Арендт, – что массы выросли из осколков чрезвычайно атомизированного общества, конкурентная структура которого и сопутствующее ей одиночество индивида сдерживалась лишь его

включённостью в класс. Главная черта человека массы не жестокость и отсталость, а его изоляция и нехватка нормальных социальных взаимоотношений» [1].

Эта нехватка «нормальных социальных взаимоотношений», т.е. отношений, свойственных именно человеческому обществу, создаёт предпосылки для превращения его в «массу», толпу, которая будет легко управляема вожаком стаи или в человеческом обществе харизматичным лидером, который пообещает простые и понятные идеи этой массе, объясняющие причины их бедствий и конкретный, такой же «простой» путь избавления от них.

Опасность массовитизации сознания заключается в том, что она порождает на основе стереотипизации и мифологизации фантомные социально-психологические явления, называемые «симуляцией реальности». Проще говоря, большие массы людей начинают верить в то, чего на самом деле нет и по объективным социально-экономическим причинам быть не может. Мифологемы появляются не на пустом месте. В основе их лежат отдельные достоверные факты, которые гипертрофированы массовым сознанием и доведены до абсурда.

Ещё одна опасность заключается в том, что массовое сознание начинает порождать и закреплять в ценностях и нормах поведения людей свои собственные «информационные продукты» в виде парадоксальных или логически некорректных понятий.

Рассмотрим под этим углом зрения распространённое в научных кругах понятие «массовое общество». На наш взгляд, это неудачное определение Э. Шизла является своеобразным «продуктом», произведённым массовым сознанием, которое (устаи нечего не подозревающего учёного) внесло не просто очередную логическую путаницу в деятельность человека, а направило какую-то часть научного сообщества по ложному пути понимания этого явления, которое по сути «оправдывает» его целесообразность, обосновывая его объективное существование.

Сочетание этих двух слов (имён) в одном понятии логически некорректно. Во-первых, и общество и масса эта некая большая совокупность людей. С этой точки зрения, данное понятие – «массовое общество» – классический образец тавтологии.

Более того, в свете рассуждений о массах Г. Лебона, Г. Тарда и Хосе Ортега-и-Гассета (*элитарная концепция*) получается, что массовое общество – это совокупность бессубъектных индивидов. По *антитоталитарной концепции* Х. Аренд, Э. Ледерера, Ж. Бодрийера, масса, а, следовательно, и массовое общество – это «аморфное образование, функционирующее как гигантская чёрная дыра», масса – «молчаливое большинство, загипнотизированное информацией», насыщенное эмоциями, «которыми следует управлять». Согласно *либеральной концепции* Р. Иттлса и Д. Рисмена, «масса – это пассивное множество полубразованных людей,

объединённых общими интересами в «одинокую» толпу», которую контролирует с помощью различных социально-психологических манипуляций (симуляций реальности, образов, фантомных явлений и т.п.) бюрократический аппарат.

Несмотря на столь критическое отношение к содержанию понятия «масса», появляется *демократическая концепция* (Д. Бэлл, С. Липсет и И. Шизл), в которой масса рассматривается под «углом развития». Теоретики этой концепции утверждают, что появляется некая новая масса, которая создаётся под воздействием средств массовой информации, массовой культуры, главный потребитель которой многочисленный (массовый) средний класс. Возможность осуществления прогрессивной деятельности такой массы объясняется с позиции теории «общественного спектакля» Й. Хейзинги. Его «человек играющий», по мнению Э.Ф. Макаревича, О.И. Карпухина и В.А. Лукова [8], представитель западной политической системы, в которой «насилие над личностью не столь заметно, потому что несёт в себе элемент игры». Далее они продолжают: «И чем разнообразнее формы и приёмы социальных и политических игр, тем стабильнее, устойчивее социальная система и управляемое массовое общество».

Невооружённым глазом видно, что в вышеприведённой цитате дано описание игровой технологии. Авторы, очевидно, незаметно для себя (в лучшем случае!) говорят о необходимости доминирования технологического компонента над социокультурным в жизни общества [8].

При всём уважении к гипотезе данных исследователей, мы должны заметить, что в свете происходящих сегодня в мире событий данные высказывания о привлекательности западной политической системы выглядят, по меньшей мере, смехотворно. Западные политики «заигрались» с обществом. Их политические технологии, направленные на вовлечение больших масс людей в политические игры, сеют кровь, голод и смерть на Земле. Большое количество людей в мире оскорблено тем, что их воспринимают как материал для организации массовых политических, имеющих экономическую подоплёку шоу. Они совсем не понарошку выходят на улицу и превращаются из «массового общества» просто в массу, т.е. в толпу.

Поэтому никакого социального контроля масс априори не может быть. Это не очень удачная игра слов. Сочинившие термин «социальный контроль масс», т.е. общественный контроль масс, попали в ту же логическую ловушку, которая представляет из себя абсурдную конфигурацию – «общественный контроль толпы». В лучшем случае можно было бы рассуждать по этому поводу о «контроле общества над массами». Но в данный момент, очевидно, в силу неразвитости человеческого общества это означает контроль какой-то части общества (партии, бюрократического аппарата) над массами, которые вышеупомянутые исследователи и их сторонники «игриво» называют «массовым обществом».

Во-вторых, «массовое общество», с точки зрения формальной логики и филологии, может изучаться как оксюморон. То есть художественный троп, содержание которого формируется двумя противоположными по смыслу именами, объединёнными в одном понятии. Например, «живой труп». Вряд ли реальная социальная деятельность человека удачное место для такого рода филологических упражнений. А противопоставление смыслов, содержащихся в понятиях «масса» и «общество», совершенно очевидно. Об этом противопоставлении сказано лучшими умами человечества от Аристотеля и Сократа до Гегеля и Маркса достаточно много и полно [9].

Гораздо интереснее вспомнить, что по мере рационализации мышления человек уже как продукт технократического общества в лице некоторых своих представителей начал говорить о том, что общество – совокупность абстрактных индивидов. К. Маркс как типичный представитель этой совокупности, попытался поставить точку, утверждая, что: «Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых индивиды находятся друг к другу» [4]. «Точку», как известно, поставить не удалось, даже когда в 20-м веке на основе этой «классической мысли» было сформировано советское общество, которое действительно (по крайней мере, его большинство) не представляло собой индивидуально мыслящих и действующих людей. Именно в СССР в глобальном масштабе была осуществлена попытка превратить общество в некую бессубъектную совокупность людей, сознанием которых легко манипулировать, руководя их жизнедеятельностью. Чем это закончилось – хорошо известно.

На наш взгляд, общество либо есть, либо его нет. Промежуточного или гибридного состояния общества в практике социальной деятельности человека быть не может. Подобно тому, как не может быть гибридного состояния, например, семьи – главного социального института. Все отклонения и попытки изменить содержание этих двух фундаментальных в жизни человека понятий – извращение социального бытия человека, попытка превратить его в нечто иное.

Общество – это большая совокупность *субъектных* личностей, которые добровольно отказываются от своей автономности ради организации (структуризации) общей жизнедеятельности на основе единой системы ценностей и норм поведения. Соответственно, та совокупность людей, в которой личность теряет свои *субъектные характеристики*, не может иметь общие ценности и нормы поведения. Поведение такой массы бессознательно, подвержено воспроизводству образцов поведения большинства и чувственному, некритическому восприятию действительности. Такая совокупность людей и называется массовым обществом. Ценностными установками и поведением такого «общества» легко манипулировать с помощью средств массовой информации, массового образования и тому подобных *внеколлективных* форм

психологического воздействия. Такое массовое оболванивание порождает одно из самых уродливых явлений современного бытия человека – массовую культуру. То есть имитацию культуры, которая мыслится не как социальное явление, способствующее духовному росту личности, а как «служанка», обслуживающая сиюминутные массовые утилитарные потребности людей. «Это и есть, – как справедливо замечает Виктор Парус, – культурная катастрофа. И речь не о том, что какие-то ценности разрушены или отброшены. Речь о «вырождении» ценностей как таковых, об отказе от самого понятия культуры как того, что образуется духовными универсалиями» [3].

И ещё одна, на наш взгляд, важная реплика. Приёмы воздействия на массовое сознание, которые лежат в основе управления поведением и ценностями больших масс людей, не случайно названы социальными психологами внеколлективными. Коллективом, как высшей формой социальной организации людей, такими приёмами управлять невозможно... Невозможно, потому что массовое сознание отличается от общественного сознания так же, как толпа от общественного собрания, массовая аудитория от публики. По сути, общество – это очень большой коллектив людей, каждый из которых, оставаясь индивидуальностью, подчиняется единым законам общественного бытия (общезития) и несёт персональную социальную ответственность за его целостность, сохранность, самоорганизацию, самоуправляемость и самовоспроизводство. Словом, один за всех и все за одного.

По логике вещей для регулирования жизнедеятельности такого «коллектива», действительно, необходимы эффективные средства межличностной и общественной коммуникации. Именно общественной, а не частной или того хуже массовой коммуникации. По какому-то недоразумению или злему умыслу их, увы, весьма точно называют в современном «обществе» – «средствами массовой информации». И, как говорится, вполне заслужено... Потому что такие СМИ, действительно, несмотря на все хитроумные имитации (симуляции) обратной связи, остаются *однаправленными!*

Только общественные коммуникативные сети способны выполнять декларируемые (в лучшем случае избирательно выполняемые!) современными СМИ такие важные социальные функции, как: интегративная, формирование общественного мнения, поддержание культурной и национальной идентичности, информационная, функция политического (лучше сказать, «социального» – прим. автора) участия, социализирующая [7, с.28-33].

Подавляющее большинство современных СМИ не стремятся не то что бы выполнять, даже осмыслить должным образом эти функции. В современной социально-психологической литературе описано множество случаев, когда вышеозначенные функции сводятся современными СМИ к одной –

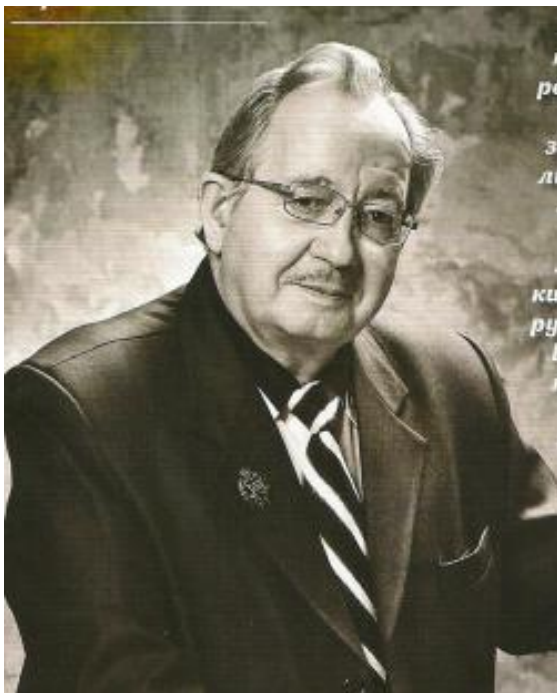
управлению т.н. «массовым обществом» с помощью изощёренных приёмов манипуляции их сознанием и поддержания в нём состояния «толпы». То есть «недифференцированного множества», противостоящего классу или какой-либо иной однородной группе людей (Г. Блумер); «синонима невежества» – приверженности к вульгарному стандарту (Х. Ортега-и-Гассет); «механизированного общества» – символа превращения человека в аппарат, дегуманизованного элемента технологии (К.Г. Юнг и другие немецкие философы и социологи); «бюрократизированного общества», расчленённого организацией современного производства, которое порождает «функциональную рациональность» с её управленческой иерархией, сложившейся практикой принятия решений наверху (Г. Зиммель, М. Вебер, К. Мангейм, Р. Липс, Д. Рисман); «трудящегося, трудового народа» (В.И. Ленин и другие марксисты 20 века) [5].

Подобного рода размышления наталкивают на мысль, что усердно декларируемая именно *средствами массовой информации* «развитых стран» мифологема о якобы существующем у них демократическом обществе, состоящем из образованных (!) и свободных (!!), личностей, не более чем красивая фраза или, говоря словами Виктора Паруса, «культурная имитация».

Библиографический список:

1. **Арендт**. Истоки тоталитаризма. – М.: ЦентрКом, 1996. – С.422
2. Блумер. Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 185
3. Гордин А.И. Социально-педагогические эффекты общественно-образовательной деятельности сибирской литературной газеты: монография. – Иркутск: Изд-во ВСГАО, 2011. – с. 230-231
4. Маркс К и Энгельс Ф., Соч., т.46, ч. 1. С.214
5. Немировский В.Г., Невирко Д.Д. Социология человека: От классических к постнеклассическим подходам / Изд 2-е, переаб. и доп. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – С.189
6. Негодаев И.А. Информатизация культуры. – Ростов-на-Дону, 2002. – С.204-267
7. Социология массовой коммуникации : учеб пособие / В.В. Касьянов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2009.
8. Социальный контроль масс : учеб. пособие для вузов / Э.Ф. Макаревич, О.И. Карпухин и В.А. Луков. – М.: Дрофа, 2007. – 429 с.
9. Философский энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1989. – С. 436

Виталий Зоркин

О ТЕЛЕГРАФИСТЕ ПЕТРЕ ЖОЛТИКОВЕ, ИСТОРИИ «ГРАНАТОВОГО БРАСЛЕТА» И ПИСАТЕЛЕ АЛЕКСАНДРЕ КУПРИНЕ

Штрихи к биографии Александра Куприна

О Куприне у нас писали немало, но чаще всего – неинтересно. Рискую навлечь на себя гнев литературоведов и критиков, объясню, почему: во-первых, А. Куприн – эмигрант. Он горячо принял Февральскую революцию, но противоречиво относился к Октябрю и некоторым лидерам революции, в правую очередь, к Ленину. Во-вторых, когда в шестидесятые годы прошлого века у нас его стали переиздавать, то авторы предисловий и статей к его книгам искали в его произведениях в первую очередь социальные мотивы, а его весьма интересной и яркой биографии в их трудах не находилось места. И потому после знакомства более чем с дюжиной работ по Куприну таких специалистов по изучению его творчества, как П. Берков, В. Афанасьев, А. Волков, И. Корецкая, А. Никулин, Е. Хохлов и другие, я был очень рад, когда в руки мне попали две небольшие книжицы – «Рассказы о Куприне» Б. Кисилева, друга Куприна, где писатель показывается в самых разных обстоятельствах и ситуациях, и очерк Н. Кружкова «Глыба русского таланта», где Куприн изображён в окружении друзей и близких, где приводятся редкие факты из его биографии.

Этими сведениями я и воспользуюсь, чтобы рассказать о самобытном и талантливом журналисте и писателе. Н. Кружков пишет: «А.И. Куприн вошёл в русскую литературу на изломе XIX века, вошёл громогласно, сильно, заявив о своём присутствии голосом мужественным, своеобразным, не похожим ни на чей другой. С ним подружился Иван Бунин, его признал и полюбил Антон Павлович Чехов, его заметил великий Лев Толстой. Горький в высшей степени благоприятно отзывался о художественном таланте Куприна, а от многих его вещей приходил в совершенный восторг»... И далее: «Понять Куприна, узнать его по-настоящему, ознакомиться с его биографией можно, читая и перечитывая его рассказы повести, очерки. Сам Куприн писал критику С. Венгерову: «Почти все мои сочинения – моя автобиография. Я иногда придумывал внешнюю фабулу, по которой я ткал – вся из кусков моей жизни».

Родился будущий писатель в семье мелкого чиновника, секретаря мирового судьи в городе Наровчате Пензенской губернии. Отец его вскоре после рождения мальчика умер, и все воспитание ребёнка легло на плечи матери, урождённой княжны Кулунчаковой Любви Алексеевны. Она происходила из обрусевшего рода касимовских татарских князей, состояния не имела и после смерти мужа вела жалкую вдовью жизнь. Мальчика ей удалось устроить в казённый пансион, потом отдать в кадетский корпус, откуда он по окончании перешёл в Александровское военное училище и через два года был выпущен офицером в чине подпоручика. Он попал в небольшой город Проскуров. Отслужив положенный срок, он решил во что бы то ни стало поступить в Академию Генерального штаба. Его биограф пишет, что вполне возможно, что он и поступил бы, но «лихой поручик Куприн выбросил в Днепр тучного околоточного, пристававшего к публике в речном ресторане». Околоточный благополучно вылез из воды, но был составлен протокол «Об утопии полицейского чина при исполнении служебных обязанностей». В разгар экзаменов, когда самые трудные предметы были уже сданы, пришёл приказ из штаба Киевского военного округа о том, что за оскорбление чинов полиции подпоручику 46-го Днепровского полка Куприну воспрещается поступление в Академию Генерального штаба сроком на пять лет.

Так Куприн, уйдя в запас, оказался в Киеве без всяких средств, без личных связей, без литературных знакомств. Началась трудная, голодная, полная лишений и невзгод жизнь. Но именно она, эта жизнь, по словам биографа, «давала бездну впечатлений, заставляя каждое утро всматриваться в наступающий день».

Кем только не был Александр Куприн в годы своей молодости: грузчиком, техником, управляющим имением, продавцом, землемером, рыбаком, актёром, дантистом и даже псаломщиком. Но больше всего и с наибольшей радостью он работал репортёром: сотрудничал в газетах

«Киевское слово», «Киевлянин», «Жизнь и искусство». Писал всё: статьи, очерки, стихи, фельетоны, рассказы, даже светскую хронику, которую нередко выдумывал сам... Репортёрская работа была для Куприна великолепной писательской лабораторией, где возникали сюжеты, подводились итоги наблюдений. Куприн закалял своё перо, изучал жизнь, всматривался в людей, заводил знакомства с представителями самых различных профессий. Вероятно, прав, Николай Кружков, когда в статье «Глыба русского таланта» утверждает: «Канва, по которой он ткал свои произведения, – вся из кусков его жизни, это правда! Буланин из повести «На переломе» («Кадеты») – это маленький Куприн, Щавинский в «Штабс-капитане Рыбникове» – Куприн, Платонов в «Яме» – он же, «Олеся» выросла из тех впечатлений, какие получил писатель будучи управляющим именем в Ровенском уезде; то, что был псаломщиком и отлично знал церковную службу, сказалось в превосходном рассказе «Анафема»».

Он подружился с балаклавскими рыбаками, ходил с ними в море, чинил сети, ловил рыбу – родились прелестные «Листригоны», от которых пахнет морем, солью, черноморскими ветрами.

Если бы Куприн не служил в армии, не изучил бы в постоянном служебном и бытовом общении офицерскую среду, не было бы и «Поединка», произведения, которое доставило автору столько хлопот и ...всероссийскую славу. Однако слава не принесла ему богатства. Он едва сводил концы с концами. С горечью вспоминал, как однажды получил доплатное письмо и не мог найти несколько копеек, чтобы рассчитаться с почтальоном.

Как-то после появления «Поединка» Горький заметил Куприну, что «по руслу автобиографического течения плыть легко, попробуйте-ка поплавать против течения». Куприн перешёл на «течение биографическое» – брал факты из биографии известных ему лиц. Так родился «Гранатовый браслет», в основу которого положена подлинная история печальной любви «маленького чиновника телеграфиста Жолтикова и жены важного сановного лица». В рассказе фамилия героя изменена на Желткова. Впрочем, обо всём по порядку.

Как рождался «Вдохновенный гимн красоте и трепетной любви»

«Чтобы познакомиться с творчеством писателя, достаточно прочитать несколько написанных им книг. Но ни одна из них не раскроет секрета того, как она создавалась, – утверждает известный литературовед и писатель Роман Белоусов в своей книге «Из родословной героев книг». – Великие говоруны оказываются столь же великими молчальниками, как только дело касается их собственной персоны. Но ещё древние говорили, что «и книги имеют свою судьбу». Начинается она едва ли не с рождения замысла».

Как это было у Куприна? Что почерпнуто автором из жизни? Каково соотношение истинного и выдуманного? Кто послужил прототипом литературного персонажа? На все эти вопросы не так просто и ответить. Критики высоко оценили «Гранатовый браслет». Через месяц после выхода в свет рассказа М. Горький в письме к Е. Малиновской так отозвался об этом произведении: «А какая превосходная вещь – «Гранатовый браслет» Куприна!... Чудесно, и я – рад, я – с праздником! Начинается хорошая литература!» Уже в наше время Н. Кружков писал: «Гранатовый браслет» свидетельствует о высоком мастерстве писателя, об искусстве проникновения в душу человека, об умении затронуть сокровенные струны человеческой жизни». По словам самого писателя, когда он писал «Гранатовый браслет», он плакал. «Ничего более целомудренного я ещё не писал», – признавался А. Куприн. А ведь рассказ появился в 1911 году, в ту пору, когда на книжных полках «царил» роман М. Арцибашева «Санин», в котором восхвалялась «свободная любовь и торжество похоти».

Работа Куприна над рассказом началась с того, что он записал эпиграф: «L/ van Beethoven/2 son/(op 2.# 2) Largo Appassionato». Соната Бетховена побудила Куприна к литературному творчеству. Звуки сонаты соединились в его воображении с историей светлой любви, которой он был свидетелем.

«Гранатовый браслет» Куприн начал писать в 1910 году, а уже в феврале следующего года он был опубликован в 6-й книге альманаха «Земля». Ещё в процессе работы над рассказом Куприн писал историку литературы и критики, своему другу Ф.Д. Батюшкову: «Сегодня занят тем, что полирую рассказ «Гранатовый браслет». Это – помнишь? – печальная история маленького телеграфного чиновника П.П. Жолтикова, который был так безнадежно, трогательно и самоотверженно влюблён в жену Любимова (Д.Н. – теперь губернатор в Вильно)».

Из мемуаров Л. Любимова: «На чужбине» и воспоминаний М.К. Куприной-Иорданской «Годы молодости» узнаем, что многое, вплоть до мелких деталей, Куприн перенёс в рассказ из жизни. Как же всё было в действительности? Интересные подробности о создании шедевра «Гранатовый браслет» я узнал также из статей А. Гладких и Т. Буруковской, которые оказались в моём архиве. Давайте обратимся к этим источникам, чтобы узнать, как всё-таки появился рассказ.

Когда Куприн женился на Марии Карловне Давыдовой, у них появились новые друзья и знакомые, которых им приходилось иногда навещать.

Однажды молодые были на обеде у Любимовых – Людмилы Ивановны (Милы, как её звали дома) и Дмитрия Николаевича – камергера, крупного чиновника государственной канцелярии. Занимая гостей, хозяин дома стал шутливо рассказывать забавную историю о некоем мелком почтовом чиновнике, который с маниакальным упорством преследовал Людмилу Ивановну любовными посланиями в стихах и прозе, шёл за ней во время прогулок и даже проникал в её квартиру, сговорившись с полотерами. Всё это длилось несколько лет и воспринималось в семье Любимовых не более чем темой для смешных рисунков в альбоме (в рассказе этому альбому посвящено несколько страниц – В. З.).

Но однажды в первый день Пасхи 1901 года «рано утром горничная принесла Миле письмо и небольшой пакет. В нём оказалась коробочка, в которой на розовой вате лежал аляповатый браслет – толстая позолоченная дутая цепочка и к ней подвешено было маленькое красное эмалевое яичко с выгравированными словами: «Христос воскрес, дорогая Мила! П.П.Ж.».

Вот как рассказано об этом у Куприна «...получив небольшой ювелирный футляр красного плюща, героиня рассказа подняла крышечку и увидела втянутый в чёрный бархат овальный золотой браслет, а внутри его бережно сложенную красивым восьмиугольником записку... Она сейчас же отложила записку в сторону, чтобы посмотреть браслет. Он был золотой, низкопробный, очень толстый, но дутый и с наружной стороны весь сплошь покрытый небольшими старинными, плохо отшлифованными гранатами. Но зато посередине браслета возвышались, окружая какой-то странный маленький зелёный камешек, пять прекрасных гранатов-кабашонов, каждый величиной с горошину». Когда Вера {а в жизни – Людмила – В. З.) случайным движением удачно повернула браслет перед огнём электрической лампочки, то в них, глубоко под их гладкой яйцевидной поверхностью, вдруг загорелись прелестные густо-красные живые огни.

«Точно кровь», – подумала с неожиданной тревогой Вера. Потом она вспомнила о письме и развернула его. Она прочитала следующие строки, написанные мелко великолепно каллиграфическим почерком:

«Ваше Сиятельство, глубокоуважаемая княгиня Вера Николаевна!

Почтительно поздравляя Вас со светлым и радостным днем вашего Ангела, я осмеливаюсь препроводить Вам моё скромное верноподданническое подношение...» Далее телеграфист пишет: «...этот браслет принадлежал ещё моей прабабке, а последняя, по времени, его носила моя покойная матушка. Посередине, между большими камнями, Вы увидите один зеленый. Это весьма редкий сорт граната – зелёный гранат. По старинному преданию, сохранившемуся в нашей семье, он имеет

свойство сообщать дар предвидения носящим его женщинам и отгоняет от них тяжёлые мысли, мужчин же охраняет от насильственной смерти... Умоляю Вас не гневаться на меня. Я краснею при воспоминании о моей дерзости семь лет тому назад, когда Вам, барышне, я осмеливался писать дикие и глупые письма и даже ждать ответа на них. Только во мне осталось только благоговение, вечное преклонение и рабская покорность. Я умею теперь только желать ежеминутно Вам счастья и радоваться, если вы счастливы. Я мысленно кланяюсь до земли мебели, на которой Вы сидите, паркету, по которому вы ходите, деревьям, которые Вы мимоходом трогаете, прислуге, с которой Вы говорите. У меня нет даже зависти ни к людям, ни к вещам. Ещё раз прошу прощения, что обеспокоил Вас длинным ненужным письмом. Ваш до смерти и после смерти покорный слуга Г.С.Ж.».

А теперь вернёмся к мемуарам М. Куприной-Иорданской «Годы молодости». Она пишет, имея в виду послание П.П.Ж.: «Это выходило уже за рамки приличия. Коля (шурин Д.Н. Любимова, Николай Иванович Туган-Барановский – В.З.) страшно возмутился и потребовал принятия по отношению к П.П.Ж. самых крайних мер». И эти меры были приняты: узнав, что таинственный П.П.Ж., – это Пётр Петрович Жолтиков, снимающий дешёвую квартиру на пятом этаже в доме Фридерикса на Невском проспекте, Любимов с шурином отправились туда. Увидев в убогой комнатке невзрачного, страшно растерявшегося человека, важный сановник невольно испытал к нему чувство глубокого сострадания, ибо понял: целомудренная любовь к его жене была для этого человека единственным светом в его нищенской, беспросветной жизни. Тем не менее они вернули браслет и потребовали прекратить нелепое преследование Милы. Больше П.П.Ж. о себе не напоминал. Куприн эту историю принял близко к сердцу. По дороге домой он говорил Марии Карловне: «Я представляю себе П.П.Ж., я представляю себе, как мучительно напрягает он свои душевные силы... чтобы выразить охватившее его большое чувство, и как стремится он уйти от своей убогой жизни и мечты о недостижимом счастье».

Позже, вспоминая вечер у Любимовых, Куприн говорил жене: «Сейчас все новые впечатления у меня не отстоялись. Я свернул их, как ленты «Кодака», и уложил в своей памяти. Там они могут пролежать долго, прежде чем я найду для них подходящее место и разверну их. Когда проходит время, глубже чувствуешь и оцениваешь прошедшее – людей, встречи, события. И тогда все принимает другое освещение и форму». «Жолтиков стал телеграфистом Желтковым, а дутый аляповатый браслет, который он прислал Людмиле Ивановне, превратился в повести в гранатовый браслет, – пишет А. Гладких в статье «Гранатовый браслет».

Но был и настоящий браслет, который принадлежал жене Куприна Марии Карловне. Вот как она описывает его в своих мемуарах: «Наружная

сторона браслета была сплошь покрыта мелкими гранатами, а посередине – несколько крупных камней. От времени на внутренней стороне появились темные пятна. Браслет очень нравился Александру Ивановичу (к драгоценным камням он чувствовал особенное пристрастие), и он решил снести его золотых дел мастеру, узнать, нельзя ли как-нибудь уничтожить пятна.

Неопытный мастер-ювелир, не знавший, что гранаты раньше оправляли только в серебро, не предупредив Куприна, вызолотил браслет. Старинный браслет был испорчен. Хотя ювелир и уверял, что снять позолоту очень легко, Куприн рассердился и браслет у него не оставил».

По следам героев «Гранатового браслета» и самого браслета

Браслет хранился у жены Куприна. А затем... исчез... Следы его отыскивались лет двадцать назад. В «Огоньке» была опубликована статья о браслете и фотография его. Вот что писал автор статьи «Гранатовый браслет» А. Гладких, побывавший в гостях у нынешней владелицы браслета: «Он был золотой, низкопробный, очень толстый. Но дутый и с наружной стороны весь сплошь покрытый небольшими старинными, плохо отшлифованными гранатами... Когда Вера случайным движением удачно повернула браслет перед огнем электрической лампочки, то в них, глубоко под их гладкой яйцевидной поверхностью, вдруг загорелись прелестные густо-красные живые огни».

Это строки из повести «Гранатовый браслет». Он, этот самый гранатовый браслет, лежит сейчас передо мной. Таинственно мерцают и переливаются камни, на которые смотрел когда-то Куприн, создавая одно из самых светлых и волнующих своих произведений. Значит, гранатовый браслет не вымысел писателя? Значит, была и любовь?! Та трагическая любовь, которая повторяется один раз в тысячу лет?

– Да, историю этой любви Александр Иванович Куприн взял из жизни, – говорит Кира Васильевна Регинина, – не раз рассказывал об этом моему отцу. А я слышала её из уст Марии Карловны Куприной-Иорданской. Она дружила с нашей семьёй до последних лет жизни, и гранатовый браслет подарила моему отцу, Василию Александровичу Регину, который был её постоянным и верным помощником. Историю этой любви описала Мария Карловна в своих воспоминаниях «Годы молодости»; останавливается на ней и критик Олег Михайлов в книге «Куприн».

Старшая сестра Марии Карловны Куприной-Иорданской, Лидия была замужем за Михаилом Ивановичем Туган-Барановским, профессором политической экономии, одним из первых легальных марксистов, а обе его сестры – Елена Ивановна Нитте и Людмила Ивановна Любимова – были подругами детства Лидии. Когда в феврале 1902 года Мария Карловна

Давыдова и Александр Иванович Куприн поженились, они отправились с визитами ко всем родственникам семьи Давыдовых и старым знакомым, присутствовавшим на свадьбе. После нескольких визитов они попали на обед к Любимовым. И вот здесь-то Куприн и слышит историю, глубоко взволновавшую его, видит людей, ставших прототипами героев его повести «Гранатовый браслет».

О ком же из знакомых А. Куприна ещё идёт речь в рассказе?

«Внешность и черты характера отца Людмилы Ивана Яковлевича Мирза-Туган-Барановского писатель воплотил в образе генерала Аносова», – пишет А. Гладких. И я бы не стал с ним спорить, если бы не «Рассказы о Куприне» Б. Киселева. На стр. 41 автор пишет: «В «Гранатовом браслете» Куприн во весь рост нарисовал протрет генерала Аносова. Аносов – лицо историческое. Подробные сведения о его жизни и деятельности имеются в сытинской военной энциклопедии, в различных военных справочниках. Киевляне хорошо знали Аносова, часто видели его на улицах города и в скверике на Печерске. Скверик они называли Аносовским.

Прошло много лет. Давно уже не было в живых Аносова, сменились поколения, а название «Аносковский сад» жило, жило, жило... Выходит, два претендента на одно место? Что ж, вероятно, бывает и так.

Что касается других героев рассказа, то муж Людмилы Ивановны, Дмитрий Николаевич Любимов, стал князем Василием Львовичем Шейным, сама Людмила Ивановна – Верой Николаевной Фриссе. Куприн до мельчайших подробностей сохранил эту волнующую историю, однако, действие из Петербурга перенёс на Черноморское побережье, и главный герой – Г.С.Ж. – дарит своей любимой не дутую позолоченную цепочку, а гранатовый браслет.

А. Гладких увидел его, вероятно, одним из первых в 1983 году и вот что он пишет:

«Сейчас этот браслет бережно хранит Кира Васильевна Регинина. С любовью и уважением рассказывает она о своём отце. Жизнь свела его гимназистом с Куприным в Балаклаве. Позже, в Петербурге, когда знакомые спрашивали Куприна, что это за юноша в их доме, он отвечал: «А это Вася, мы его с Марией Карловной прижили в Балаклаве». Куприн принял горячее участие в судьбе Василия Регинина. Почувствовав в нём «искру божью», натаскивал на репортаж и другую газетную работу, и, несомненно, с лёгкой руки Куприна Регинин стал одним из интереснейших журналистов России. Исследователи творчества Куприна, в частности П.Н. Берков, считают, что из всех дореволюционных записей о Куприне, сделанных журналистами, можно доверять только записям В. Регинина». А вот строки из повести

В. Паустовского «Время больших ожиданий»: «Василия Александровича Регинина, или, как его звали до старости, Васю Регинина, знала вся писательская и журналистская Россия. Регинин был журналистом той дерзкой хватки, какая редко встречалась в России... В России почти не было журналистов такого темперамента, как Регинин». До революции Регинин печатался во многих петербургских журналах, редактировал их, а переехав в Москву, стал в 20-х годах редактором журнала «Тридцать дней», вокруг которого собрал лучших прозаиков и поэтов того времени. Имя Регинина внесено в «Краткую литературную энциклопедию».

...Таинственно мерцает, переливаясь гранями, гранатовый браслет, замерли на полках удивительные книги, глаз не отведёшь от картин кисти Левитана, Федотова, Кустодиева, внушительно молчание папок с письмами, каждое из которых – история. Сколько же загадок ещё храниться в этой старинной московской квартире, сколько тайн и открытий!

Через год-другой дотошный исследователь Татьяна Буруковская разыскала Киру Васильевну Регинину и тоже подержала в руках знаменитый браслет. В статье «В нём дивно всё переплелось» она пишет: «И вот он у меня в руках – живой купринский гранатовый браслет. Благородно мерцают старинные огранки небольшие, то ли плохо отшлифованные, то ли тронутые временем пиропы. Они сплошь усыпали овальный браслет. Я поворачиваю его «перед огнём электрической лампочки» и «прелестные густо-красные живые огни» загораются и бегут от камня к камню. Все точно, как в повести Куприна. За исключением одного – зелёного гаранта здесь нет и никогда не было. В этом браслете он его придумал».

Придумал Куприн и финал телеграфиста. В действительности после разговора с ним мужа и брата Людмилы Ивановны он исчез и больше ничем о себе не напомнил.

Куприну хотелось оттенить силу великой любви, «которая повторяется только один раз в тысячу лет», и он завершил рассказ трагической развязкой...

Куприн издавался в России более 3000 раз тиражом 25 миллионов экземпляров. Думаю, будет издаваться и впредь. Надеюсь, после прочтения истории о гранатовом браслете у многих читатели появится желание прочитать этот маленький шедевр?

Павел Мигалёв

ОХОТНИКИ ЗА БУМАГАМИ СИБИРСКОГО ПРИКАЗА

Семнадцатый век – век великих географических открытий. Европейские морские державы соревнуются друг с другом в поисках новых земель. Стремительно растут колониальные владения Португалии, Испании, Англии, Франции и Нидерландов. Каждый год во все концы света устремляются флотилии кораблей. Они ищут terra incognita, заморских богатств, истребляют туземцев. Вспыхивают затяжные колониальные войны, расцветает морское пиратство, одним словом, идёт территориальный раздел мира.

А в это время допетровская Россия начинает свой беспрецедентный бросок на Восток. Через Сибирь к берегам Тихого океана, к подножью Великой Китайской стены, к водам священного Ганга. Возглавляют этот наступательный натиск русские землепроходцы: казачьи дружины, стрелецкие отряды и вольные зверопромышленники. Покорение Сибири идёт стремительным темпом. Сибирский приказ в Москве не успевает обрабатывать сведения, поступающие с далёких восточных окраин.

Западные европейцы начинают понимать, что москвиты через Сибирь быстрее их выйдут на правильную дорогу и установят торговые

отношения со сказочно богатой Китайской империей, Индией и Японией. Появилась даже мысль о том, что Московия, может, где то граничит с Америкой. Поэтому в Москве активизируют свою деятельность многочисленные иноземцы, прибывшие в Россию в качестве дипломатов, торговых представителей, врачей, миссионеров и учёных, под прикрытием которых скрывались иностранные разведчики. Главный объект их внимания сосредоточился на добывании и описании чертежей новооткрытых сибирских земель.

Секреты уходят на Запад

Первой крупной удачей на этом поприще добился англичанин Ричард Финч. Около 1610 года отряд важан и печерцев, возглавляемый русским человеком по прозвищу Волк, проник по реке Нижней Тунгуске на Куту, основал там поселение и этим значительно приблизился к рубежам Китая. Всё описание пути с Мезени в Прибайкалье было тщательно зафиксировано дьяками Сибирского приказа. Однако тайна не была сохранена. Финч заполучил рукопись, перевёл её на английский язык и переправил в Лондон.

В 1941 профессор М. П. Алексеев удостоверился, что богатейшие данные о русских открытиях, подробные заметки о Волке хранятся в архиве, Роберта Сесилия, графа Селсбери (1563-1612), министра внешних дел Великобритании.

Шестнадцатью годами позже из Мангазеи и Туруханска к новым восточным землям пошло 500 служилых и промышленных людей. Землепроходцам было приказано собирать сведения для составления первого чертежа Сибири. Впоследствии он был написан, но в скором времени исчез. Есть все основания предполагать, что чертёж попал в руки Адама Олеария, представителя голштинского двора. Он появился в Московии в 1633 году и просил от имени своего государя об открытии для европейцев торговой дороги на Восток. Получив отказ, голштинец начал охоту за чертежами, отписками, статьёнными списками, наказными памятками и другими бумагами, в которых говорилось об открытиях наших землепроходцев и мореходов.

В снежные февральские дни 1659 года в Москву с грамотой от доже Франческо Молины спешно прибыл венецианский посланник Вимини да Ченеда. Он ехал с целью добиться от русского царя разрешения на торговлю Венеции с русским Севером. Вимини да Ченеда лелеял и давнюю мечту западных европейцев о прямых связях с Индией через Московию. Примерно в это же время в Москве появились Михайло Стадучин, Василий Бугор и другие замечательные землепроходцы. Они подробно рассказали о своих открытиях на Тихом океане. Вероятно, эти

доклады сопровождалась показами чертежей, которые составили исследователи. Вслед за этим во Флоренцию прибыло русское посольство во главе с Василием Лихачевым. Владетель Флоренции получил богатые подарки. Принимая соболей и черно-бурых лисиц, герцог завёл разговор о Сибирском государстве. Тогда послы показали общий чертёж Сибири. С этих пор эта карта исчезла, как бесследно утратились и чертежи Дежнева, Пояркова, Хабарова, Нагибы, Прокопьева.

Агенты Шведского короля

В 1667 году тобольские учёные, в числе которых был «звездочёт и волшебник» Ульян Ремезов, до приказу сибирского воеводы Петра Годунова составили чертёж всей Сибири. Они располагали множеством данных, отложившихся в бумагах Сибирского воеводства, устными рассказами бывалых людей, уже прослышавших о Тибете и далай-ламе. Чертёж сопровождался обширным описанием – своего рода научными примечаниями составителей. В нём говорилось об Индейской земле. Целая статья была посвящена китайской городской стене. Учёные писали и о богатствах Южного Китая – Никанского царства. Была попытка решить вопрос, можно ли пройти в Китай морем, очевидно, имелся в виду морской путь от устья Амура.

На этом чертеже ещё не было ни Чукотки, ни Камчатки, а реки Колыма и Анадырь текли в Тихий океан. Столь знаменитый впоследствии мыс Дежнева отсутствовал на чертеже 1667 года, но путь из Лены к устью Амура был показан открытым.

Чертёж этот считался утраченным. Лишь впоследствии выяснилось, что он был тайно перерисован Клаасом Прютцем, чиновником шведского посольства в Москве.

За годуновским чертежом 1667 года охотился и другой шведский разведчик капитан артиллерии Эрик Пальмквист. Он подкупал приказных, пользовался услугами продажных или болтливых людей и вывез в Швецию множество данных о состоянии Московского государства, в том числе чертежи Сибири, Белого моря, Волги...

Прибыв в Москву осенью в 1669 года, Пётр Годунов привёз новый труд сибирских учёных: «Ведомость о Китайском государстве и глубокой Индии». В новом труде тобольские космографы рассматривали возможность достижения Индии и Китая кратчайшим путём. Через год Пётр Годунов был убит под Свяжском в то время, когда шёл на верховья Яика искать драгоценные руды. Этот чертёж, дополненный в 1673 году, тоже попал в руки Эрика Пальмквиста и впоследствии был найден в его бумагах. Кроме

того, в библиотеке Упсальского университета лежала толстая папка, в которой среди других документов покоилась русская карта, весьма похожая на чертёж, выкраденный Пальмквистом. Там же лежит карта побережий Ледовитого океана от Енисея и Лены до Камчатки, чертёж всей Азии, на котором особенно подробно показаны Ледовитый океан и Амур, Монголия и Великая Китайская стена.

Особо следует отметить деятельность русского изменника Григория Котошихина. Этот беглый подьячий, служивший в Посольском приказе, знал многие тайны Московского государства. Ещё лет пять до бегства в Швецию Котошихин стал оказывать услуги шведскому эмиссару в Москве Адольфу Эберсу. В Стокгольме его заставили освещать и сибирские дела. Изменник описывал деятельность московских учреждений, подробно рассматривал работу Сибирского приказа. По словам Котошихина, только одна государева казна в Сибири давала годовой доход в шестьсот тысяч рублей! Это при тогдашних ценах было грандиозной цифрой.

Новые Западные разведчики

В 1684 году неизвестный русский космограф составил новый чертёж всей Сибири, который до нас не дошёл. Зато в том же году в Москве побывал шведский знаток русских дел Иогани Габриель Спарвенфельд. Не успев прибыть в Псков, он уже начал скупку русских рукописей. В королевской библиотеке в Стокгольме есть письмо, полученное Спарвенфельдом от составителя карт Джиакомо Кантелли из Модены. Кантелли благодарил Спарвенфельда за любезную посылку карты Сибири. Вероятно, это и есть исчезнувший чертёж сибирских земель.

Сидя в Красной слободе, Спарвенфельд потратил немало московских чернил, чтобы переписать все сочинения Николая Спафария о Китае. Они попали в Парижскую королевскую библиотеку и были открыты там лишь в 1856 году. Когда Спафарий отправлялся в Китай, к нему хотели пристроиться заезжие иезуиты. Им настойчиво отказали. Однако после возвращения русского посла в Москву его персоной заинтересовался иезуит Джордж Давид. Он навёл справки о Спафарии, отыскал его среди переводчиков Посольского приказа и сумел добыть описания путей в Китай. Несколько лет спустя иезуит был выслан московскими властями за границу. Но рисунок сибирских дорог в Китай остался при Давиде. Наши исследователи пробовали найти эту бумагу, но ничего не добились, очевидно, потому, что архив ордена иезуитов в Риме заперт на семь замков.

Гильдебранд фон Горн, датский посол, за несколько лет до этого сумел получить драгоценную рукопись Юрия Крижанича «Повествование о Сибири». В 1684 году фон Горн составил донесение об Амуре, Селенгинске,

Нерчинске. Можно представить себе, какая охота была устроена за бумагами Сибирского приказа!

К тому времени в Москву были доставлены доклады о размерах Великой Китайской стены и описание Китая, сделанное двумя выходцами из Енисейска. Резкое обострение отношений с пекинским императором-маньчжуром Кан-си заставило русское правительство вплотную заняться сибирскими и даурскими делами. В 1685, 1686 и 1687 годах изготавливаются три общих чертежа Сибири, на которых должны быть и Амур, и Анадырь, и Охотский берег. И кто знает, какие открытия наших мореходов и землепроходцев были показаны на этих картах! Но все они бесследно исчезли.

В 1699-1701 годах сын Ульяна Ремизова Семён составил знаменитую «Чертёжную книгу Сибири» на двадцати трёх листах. Кроме сибирских земель и городков Ремизов первым из русских учёных обозначил на карте Корею и Японию. Ремизовские чертежи побывали в руках иностранцев. Так, на листах «Чертёжной книги Сибири» можно разглядеть голландские надписи. Из «Служебной чертёжной книги» кто-то даже выдрал четырнадцать листов. Труды Ремизова переправлял за границу ни кто иной, как Андрей Виниус, видный сановник Сибирского приказа.

Вот только один из примеров. Однажды Семён Ремизов написал на лощёной бязи шестиаршинный чертёж всех сибирских земель для кремлевской дубовой палаты. Но огромная карта исчезла. Кто же её овладел? Ответ на этот вопрос можно найти в бумагах архива баварского города Амберга. В 1698 году в Москве побывал Игнатий Христофор Гвариент, военный советник императора Леопольда Первого. Сразу же после того, как Ремизов составил свои сибирские чертежи, Андрей Виниус препроводил Гвариенту «карту всей Сибири». Рассыпаясь в любезностях перед военным агентом чужой страны, Виниус заверял приезжего, что эта карта непременно будет посвящена ему, Гвариенту, в том случае, если чертёж будет предан тиснению. Нет никаких сомнений, что данные Ремизова, попавшие в руки Витсену, изучались в доме Восточной Индии в Амстердаме.

Следы ведут в Париж

В конце своего царствования Пётр I послал один, а по другим сведениям, даже два корабля для проведывания пути в Ост-Индию, Японию и Китай. Об этом походе известно очень мало. Есть свидетельство, что путь кораблей начался в Архангельске. Во всяком случае, в 1721 году одно из этих судов появилась в Тазовской губе, неподалёку от бывшей Мангазеи. Называют и участников этого плавания – обер-комиссара Петра Миллера и геодезиста Петра Чичагова, который незадолго до этого составил три чертежа Иртыша от Тобольска до Зайсана. Во время экспедиции Чичагов

обозначил на карте положение 1302 различных местностей Сибири и указал широты и долготы многих сибирских городов. Он отобразил лик Сибири от Большой земли до Алтая, Джунгарии, Яика, обских и енисейских низовьев. На его карте были начертаны пути в юго-восточные страны. Карты Миллера и Чичагова также исчезли и оказались в Парижской национальной библиотеке.

Зато через пять лет во Франции была издана рукопись «Книга древа турецкого» Абульгази, сопровождаемая картой, основанной на свежих данных Петра Чичагова. Составитель карты предпочёл не называть своего имени. Но её авторство приписывали пленённому в Полтавской битве и сосланному в Тобольск шведу Филиппу Табберту-Сталенбергу. Известно, что Табберт увлекался приобретением научных трудов, в том числе и чертежей Ремизова.

В 1726 году в Петербурге появился казачий голова из Якутска Афанасий Шестаков. Он привёз с собой несколько карт, которые весьмагодились петровскому географу Ивану Кирилову. На этих картах подробнейшим образом были показаны Камчатка, Курильские острова, Аляска, а также Япония. Не успел Шестаков отправиться в очередную экспедицию для обследования тихоокеанских земель, как карты исчезли. Одну из них вскоре перерисовал и отправил в Париж известный похититель русских чертежей и записок Жозеф-Николя Делиль, появившийся в Петербурге в 1726 году. К слову сказать, Делиль выполнял свою секретную миссию вполне официально с согласия Российской академии наук, и это дорого обошлось русскому государству. Чуть позже выяснилось, что Делиль отправлял в Депо морских карт и королевскую библиотеку в Париже сотни русских карт и рукописей. И к тому же пустил слух о безграмотности Афанасия Шестакова с целью умалить его труды.

Карта первого путешествия Беринга и Чирикова с необычайной быстротой появилась в Петербурге в 1729 году. Чертёж «Чукотского угла» составлял при свете камчатских жировиков Пётр Чаплин, немедленно после того, как исследователи возвратились из экспедиции и отослали его с гонцом в столицу по зимнему пути. Дальше эта драгоценная добыча попадает в руки президенту Академии наук Л.Л. Блюменпросту, а через него к Делилю. С тех пор карта похода исчезает. Оказывается, француз отправил все данные о плавании русских моряков польскому королю. При дворе короля сведения Беринга внимательно изучали и после этого переслали секретарю ордена иезуитов по французским провинциям Жан-Батисту Дю-Гальди. Вскоре отчёт и карты похода Беринга появились в книге, выпущенной во Франции.

Та же участь постигла первые карты Северной Америки, изготовленные Сафроном Хитрово – участником экспедиции Чирикова и Беринга. Это были великолепно выполненные чертежи, на которых красовались рисунки

американских вулканов, Шумагинских островов, похожих на атоллы Океании, с изображениями морской коровы, котиков и алеутов в байдарке.

Таких красивых карт было, очевидно, несколько. И все они бесследно исчезли. Последний раз одну из них видели аж в 1892 году посетители географической выставки в Москве. Она была помещена в рамку за стеклом. Выставлял эту редкость какой-то священник И. Копьев. При этом было указано, что карту нарисовал в 1743 году Сафроний Хитрово. В тот же год граф Давлион, посол Людовика XV в Петербурге, был озабочен пересылкой кружным путём русских карт и рукописей. Де Мезельерту, морскому министру Франции, отправлялись три больших свертка.

Гнев Ломоносова

В 1764 году Екатерина Вторая издала тайный указ, в составлении которого принимал участие Михайло Ломоносов. Для прохода Северным океаном в Камчатку повелевалось идти из Архангельска на Шлициберген, а затем до Гренландского побережья, оттуда – к Северной Америке. Поход от Груманта к Америке надлежало хранить в тайне. Но уже осенью 1764 года в парижской печати было сообщено об этом замечательном предприятии.

Ломоносов в гневе сжимал свои пудовые кулаки. И было отчего. Много горечи накопилось у него к тому времени. Он знал, что ещё не так давно Иоганн Шумахер тайно переправил за границу карту походов Чирикова и Беринга. В это же самое время Жозеф-Николя Делиль скрипел пером, заполняя наблюдательные листы, которые он завёл на каждого русского геодезиста.

Кто-то сумел переправить за границу не подлежащую оглашению Генеральную карту Северного моря. Её отпечатали в 1749 году в Берлине, указав, что она составлена по последним исследованиям путешественников из Западной Европы. Шесть лет спустя в Петербурге было закончено гравирование карты новых открытий в Восточном океане. Её изготовлял И. Ф. Трскотт под смотрением Миллера, резал русский мастер И. Кувакин. Но печатная эта карта, кроме одного, якобы пробного её оттиска, в русских хранилищах не найдена до сих пор.

Ломоносов справедливо обвинял в разглашении сведений о походах на северо-восток российских академиков Иоганна Шумахера, Герарда Миллера и Франца Эпинуса. Он хорошо знал, как пристально следят иностранцы за каждым шагом русских в сторону Тихого океана и какой повышенный интерес проявляют иноземцы к Академии наук в Петербурге.

Герцог Мальборо роется в русских архивах

В 1777 году в Лондоне вышел первый том книги доктора Уильяма Робертсона «История Америки». В нём приводились заповедные данные о новоприобретённых островах. Робертсон писал, что сам был в России и сумел добиться того, что перед ним были открыты двери государственных архивов. Есть сведения, что ему содействовал личный врач императрицы Роджерсон, сумевший сыграть на самолюбии Екатерины Второй. Он внушил ей, что содержание в тайне отчётов о географических открытиях негативно сказывается на репутации России в глазах просвещённой Европы. Екатерина Вторая приказала сделать для англичан перевод материалов Восточной экспедиции, которую возглавлял академик Пётр-Симон Паллас, и перерисовать карту славного путешествия. Робертсон не сумел использовать все драгоценные материалы.

Тогда за дело взялся тридцатилетний учёный-священник Уильям Кокс, считавший своим призванием историю и путешествия. Сперва он разыскал за Яузой на Вшивой горке дом управляющего Московским архивом Коллегии иностранных дел Герарда Фридриха Миллера и осмотрел архив и библиотеку российского историографа. Секретные «Портфели Миллера» были раскрыты перед англичанином. Он видел множество карт охотских, большеецких, нижнекамчатских, якутских, иркутских и иных составителей. В доме на Вшивой горке хранилось и дело по обвинению Миллера и Делиля в нарушении контрактов, измене России путём установления опубликования за границей важных для России документов.

Раздобыв у Миллера всё, что было надо, Кокс укатил в Петербург. В столице он представлялся Екатерине II в присутствии английского посланника Джеймса Гарриса, а затем активно поработал в архивах. Лондонский священник раздобыл известия о походах Ивана Синдта и Никиты Шалаурова. Он своими глазами видел подлинные отписки Семёна Дежнева. В итоге материалы Восточной экспедиции перешли в руки капеллана герцога Мальборо – Черчилля, как именовал себя Уильям Кокс.

Но ни он, ни посланник Гаррис ничего не говорили Екатерине II о том, что Великобритания собирается сама делать на севере Тихого океана. Петербургский двор узнал обо всём этом с большим опозданием, когда у берегов Камчатки появились корабли Джеймса Кука.

Михаил Кулехов

РУСЬ МНОГОЛИКАЯ

Много написано, много оспорено о происхождении слова «рус», «русский». Кто-то производит его от речки Роси, что впадает в Днепр близ города Киева, кто-то от цвета волос – «русый». Начав разбираться с этим вопросом, я натолкнулся на такое множество самого разного рода созвучий, родственных слов, вероятных версий происхождения, что однозначно утверждать что-либо просто не считаю возможным.

Ещё Василий Татищев, первый российский историк, утверждал: сарматы, выходцы с верхней Волги и Урала, покорившие скифов и изрядно досаждавшие грекам и римлянам в Причерноморье, назывались по-латыни «роксоланы», что, по сути, представляет собой просто римское произношение слова «руотсилайнен» – по-фински «люди с вёслами», «гребцы». Самое интересное, что финны до сих пор таким именем называют шведов: «Руотси» по-фински – «Швеция». В славянском заимствовании это слово звучит «русь»: особенности славянского произношения «сглаживают» эти характерные финские сочетания гласных. В начальной же летописи, повествующей о том, «откуда пошла есть Русская земля», прямо пишется, как новгородцы – карелы, ест, кривичи и словене – после многих лет усобицы послали делегацию к «варягам русь» с

приглашением на княжение вождя той земли – чтобы никому из местных обидно не было. Так, по летописному свидетельству, и возникла Русь – с именем народа, из которого пригласили князя Рюрика со дружиною и ближними его...

В то же время русы в самые далёкие времена жили в Сибири. Нет, я ни в коем случае не пытаюсь утверждать какие-то идеи славизма (тем более что русский народ к славянским я не отношу) – сибирский, коренной с этим именем на берегах Священного Байкала обитал веками, и потомки его живут здесь по сей день.

Распад Великого Тюркского царства в VII-VIII веках, последовавшая за ним полоса нескончаемых войн в Центральной Азии – китайцев с баргутами, киданей с китайцами, множество более мелких столкновений и конфликтов – неизбежно отражались и на ситуации в Южной Сибири. Тем более что граница между Гоби – нынешней Монголией – и скажем, Забайкальем весьма условна, она и сейчас существует в основном на карте. Если баргуты в Забайкалье и курыканы в Прибайкалье были, в общем, союзниками тюрков, то киргизы, обитавшие в верховьях Енисея, – непримиримыми их противниками. На много веков растянулась нескончаемая полоса военных столкновений курыкан с киргизами. Борьба шла с переменным успехом, и после ряда поражений части курыкан пришлось попросту бежать, бросив насиженные места. Спустившись вниз по течению Лены, они устроились на новых местах – тем более что редкое тамошнее население, юкагиры и тунгусы, не видели большой нужды, да и возможностей особых не имели пришельцам противодействовать. За тысячелетие, проведённое на новом месте, в условиях более суровых, чем родина Прибайкалье, беглецы во многом переняли хозяйственные навыки прежних обитателей этих земель, во многом сроднились с ними. Этот народ называет себя «саха», а по-русски известен как якуты. Отойдя во многом от своих сородичей, оставшихся в родных краях, саха-якуты сохранили многое из древнейших черт – например, язык. Ведь известно: в культурном единстве как раз язык – самая неустойчивая часть, легче всего перестраивается под воздействием даже не столько усилий завоевателей, сколько необходимостью вести общение, например, с торговыми соседями. Так славяне, устроившие свою колонию на Днепре – главной торговой артерии Восточной Европы в южном направлении – именно таким образом за века распространили свой язык на всю Восточно-Европейскую равнину, и сейчас на языке славянского происхождения говорят потомки карел и вепсов, арийцев и мещеряков, ижорцев и мордвинцов, составившие великороссийский народ. Таким же образом потомки курыкан, оставшиеся на родине, переняли язык южных соседей-монголов, к тому же и родственного по происхождению племени, занимающего удобные торговые пути. Так разошлись судьбы якутского и бурятского народов.

Бурятами изначально звались жители Прибайкалья. Имя это древнее, и корня в современном бурятском языке не имеет. Зато можно найти параллели в языке, называемом сейчас «древнетюркским», а по сути – в языке древних телесцев, предков и тюрков, и монголов, и большинства народов Южной Сибири. «Бури» на этом языке – волк, «ат» – лошадь. Как предположение, можно перевести имя байкальского народа «волкоконные» – те, кто имеют коней, подобных волкам. Это, конечно, только вариант, и не бесспорный. Но общий путь поиска мне предполагается верным.

Из того же древнейшего наречия выводятся и имена двух основных племён, составляющих бурятский народ – эхириты и булагаты. Слово «эхирит» происходит от «ике» – два, «икере» – близнец, «икереут» – близнецы. Видимо, близнецы-братья, считались прародителями тех, кто издревле поселился в долине Куды, в верховьях Лены, на северном берегу Байкала. Ниже их по Ангаре, вплоть до нынешнего Тайшета и Братска, жили булагаты – от «булага ат», то есть «серия (буланая) лошадь».

Горно-таёжную часть Забайкалья истари занимали баргуты. Ещё к VII веку относится известие об оборонительной войне баргутов с многотысячной китайской экспедицией. Будучи в явном меньшинстве, баргуты избрали чисто партизанскую тактику, уклоняясь от генеральных сражений и непрерывно атакуя на тылы и отставшие китайские отряды. Непереносимый для южан климат, сложный рельеф местности – тайга, горы, бурные реки, постоянное напряжение в ожидании дерзкого нападения противника вынудили китайцев бесславно отступить, понеся огромные потери. Больше таких попыток они не предпринимали...

А к западу от Селенги соседями баргутов был народ, называвшийся в X-XI веках «уруснут», или «руснут», – «русы» («ут» – это окончание множественного числа). Народ сильный и гордый, насчитывающий, по свидетельству летописей империи Ляо (государство киданий, народа монгольского корня, завоевавших весь север Китая и перенявших многое из культуры покоренных – летописание, например), 20 000 конных воинов. Для сравнения: сами кидани, сильнейшее государство не только Азии, но, пожалуй, всего тогдашнего мира, имело регулярную армию в 10 000 латных конников, а по мобилизации в течение двух недель по территории от Алтая до Кореи выставляло до 700 000 конных и пеших воинов. Только через много веков подобные этим числа будут фигурировать в военных сводках – так, количество всего английского рыцарства в XIV веке составляло 2000 человек, а в одном из самых кровопролитнейших сражений Столетней войны, в битве Пуатье, английская армия чёрного принца составляла 8000 рыцарей, ратников и лучников. Конечно, русы-руснуты Забайкалья не имели такой совершенной системы мобилизации, как кидани, когда по приказу хана гонцы, загоняя коней и меняя их на промежуточных станциях-уртонах, не жалея себя, достигали самых отдалённых краёв империи, предавая не словесный приказ о всеобщем сборе войска, а золотую табличку «пай-цзы»,

«молчание и повиновение». Однако и «варварские» сибирские народы при нужде собирали рати быстро: тому свидетельство – оборонительная война баргутов против похода китайской империи Тан, когда народное ополчение забайкальцев просто растрепало имперскую армию.

Не претендуя на гегемонию, руснuty мирно жили в своих лесостепях, и если были там войны – то только друг с другом. Грандиозные империи, сложившиеся в Великой Степи на рубеже тысячелетий – кидани и чжурчжени – главным направлением своей внешней политики выбрали южное, на Китай, страну богатую и привлекательную для экспансии. Северный тыл им было предпочтительно сохранять нейтральным или дружественным.

Ничего, в принципе, не изменилось и во времена становления Монгольской державы. Строго говоря, сам Темучин, ставший в 1206 году Чингисханом, происходил из нынешнего Забайкалья, где располагались земли его рода Борджигин (нынешний город Борзя – это как раз там). Распределяя между сыновьями земли, уже завоёванные и те, которые ещё предстоит покорить, он выделил в улус старшему Джучи-нойону весь степной и лесостепной север и северо-запад. Джучи, умелый и отважный воин и полководец, равнодушно относился к власти и её атрибутам и отправился в пожалованные ему державным отцом земли с небольшой группой спутников. Встретившим его представителям бурят, баргутов и руснuty он объяснил цель своего визита: власть его будет номинальной. Его новые подданные могут добровольно вступать в его войско. А для отчёта ему от старейшин требуются символические дары: три белых коня и три белых сокола. Эта его просьба была незамедлительно исполнена, и на этом претензии монголов на сибирские земли прекратились.

Тем не менее, сибиряки приняли участие в походах монгольских войск на Запад – в составе армии сына погибшего Джучи хана Бато (Батыя) значительную часть составляли как раз русы-руснuty. Дойдя до последнего моря, они частью остались вместе со своим предводителем в Поволжье, частью вернулись домой. На несколько столетий их след в истории теряется.

И всё же: откуда это имя народа, несколько неожиданно звучащее для тех, кто привык с детства относить именно себя к русскому народу? Есть предположение, причём вполне обоснованное, что слово «рус» в данном случае происходит от древнего «юрун», что означает «белый», «священный».

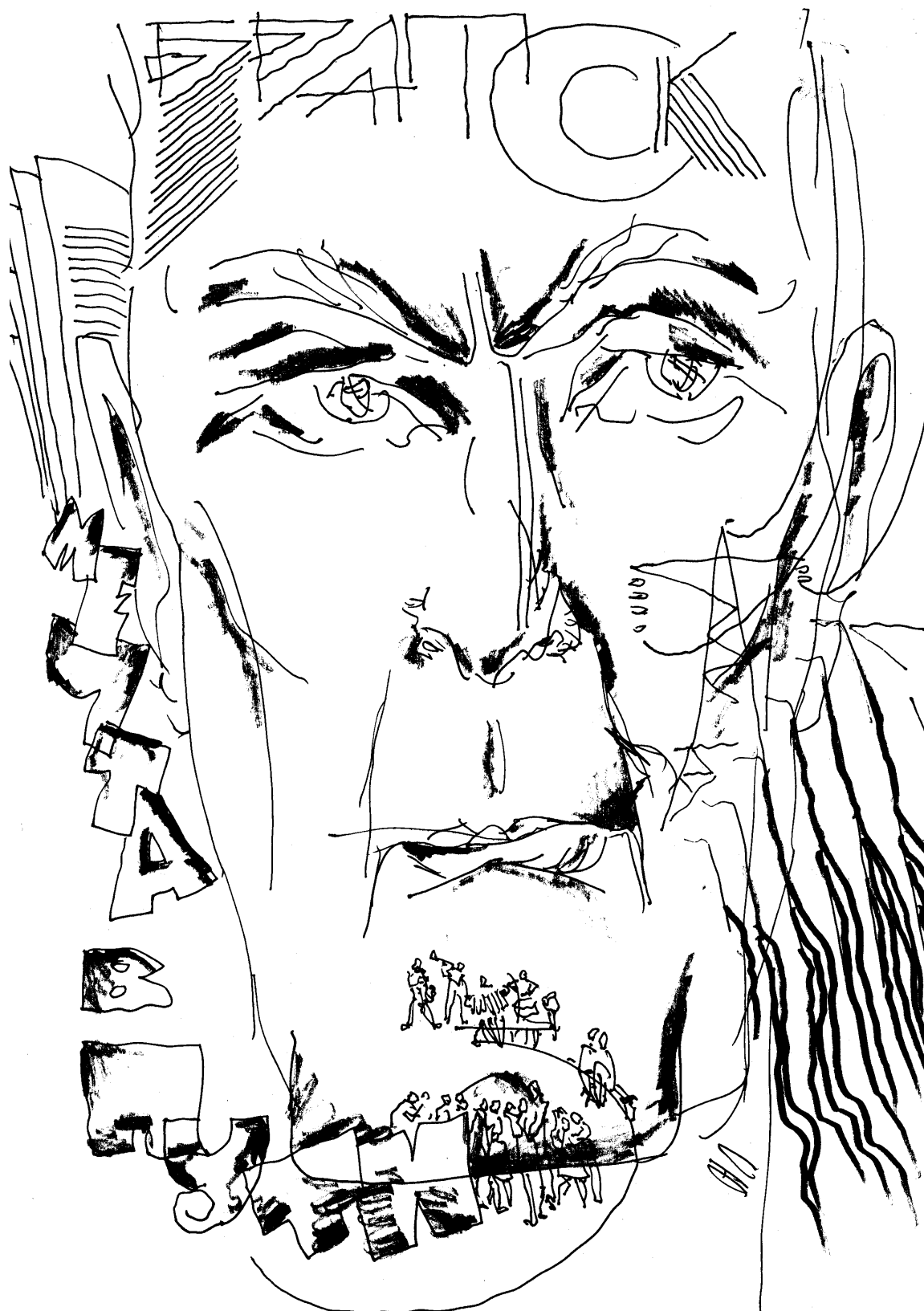
Мир в традиционных азиатских культурах – цветной, каждая страна, народ, цивилизация имеет свою конкретную окраску. Так, Китай – жёлтый, Япония – красная, Монголия – синяя. Нынешняя Бурятия имеет окраску зелёную, а белый – цвет Севера, который во всех культурах Старого Света имеет смысл священный: там живут боги, там, по буддистским

представлениям, находится Шамбала, обретение которой равносильно вознесению в рай или достижению нирваны.

Такая цветовая комбинация – белый и зелёный – является одной из трактовок происхождения цветов современного сибирского флага. Белая полоса сверху, зелёная – снизу: это и белый снег на зелёной тайге, и чистота и святость в сочетании с зелёным – цветом надежды. Это, наконец, соединение на сибирской земле культуры коренной, олицетворяемой зелёным, и пришедшей из России – её символизирует белая полоса.

И, наконец, русы-русноты, пришедшие с Бато-ханом на Запад, стали – вместе с покорёнными, а позднее – союзными княжествами Суздаля, Рязани и Москвы, основой создания нового государственного формирования Евразии – Российской империи. И в этом процессе московские великие князья, а позже – цари, выступали как прямые законные наследники Чингисхана...

ПУБЛИЦИСТИКА

Анатолий Байборodin

24 марта 2015 года Анатолию Григорьевичу Байбородину исполнилось 65 лет. Слушатели Высшей народной школы Иркутского государственного университета поздравляют с очередным юбилеем добротного русского писателя, нашего земляка, желают ему здоровья и творческих успехов.

**СЧАСТЬЕ,
ИЛИ НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА**

Диву даюсь, столь милостиво приветил Господь мою судьбу, хотя жил и в безбожии, и во грехах, как в шелках, сгорая в страстях дольного мира, не ведая о мире горнем. Оглядел я тихим душевным оком нажитую жизнь от таёжного и полевого, от речного и озёрного деревенского рассвета до старгородского заката и подивился: верно молвлено, не было бы счастья, да несчастье помогло. Ибо нет худа без добра...

Худо с добром

Счастье: явился я на Божий свет поздним и непутёвым парнишкой ...заскрёбыш, поздонушко, отхон... к сему родился шестипалым, и чуть не помер младенцем от воспаления лёгких, едва отвадились, а посему ...и что сдуру кинулся в писательство... матушка жалела меня, как Иванушку Дурачка; жалела сильнее, чем старших братьев, а сердобольные сёстры опекали, одевали и обували меня, студента прохладной жизни, потом нищего сочинителя, за что я вывел братьев и сестёр добрыми героями своих сочинений. Лишние пальцы отсушили и отсекли в младенчестве, но порой оживал и змеился февральской поземкой язвительный слушок:

«лукавый пометил...», ну да, на всякий роток не накинешь платок, и усмехаюсь я на суеверные суесловия с высокой колокольни.

Счастье: рос я впроголодь ...не одыбали после войны... а посему ведаю цену хлеба на скобленной дожелта столешне и златогривой ниве, и четверть века внушаю домочадцам беречь хлеб, как и прочее добро, нажитое горбом.

Счастье: жили мы в стуже и нуже, но бедность и породила жажду выбиться в люди и зажить побогаче – вроде из деревенской грязи в паркетные князи. А посему смалу пришлось вкалывать, засучив рукава, и хотя живу не до жиру, быть бы живу, но лишь в азартной, изнуряющей пахоте дремлют мои языческие страсти, расцветающие буйно-лиловым чертополохом в праздности. А ежели бы смалу и по сивую гриву ведал страх Божий перед смертными грехами, вышел бы в благочестивые деревенские мужики, что крестят лоб не по привычке, а по вере православной, по жажде наследовать Царствие Небесное.

Счастье: от нужды матушка сплавляла меня малого в село Погромна к тёте Вале, где жили посытнее, и там я, несмышлениш, набирался ума от столетнего деда Лазаря, почившего в Бозе на сто шестом году своего долгого века.

Счастье: родился я в многочадливой семье. Матушка моя Софья Лазаревна Андриевская – из староверов-семейских, отец Григорий Григорьевич Байборodin, забайкальский гуран, вырастили нас восьмерых. Пятерых старших матушка тянула одна пять голодных и голых военных лет.

Счастье: в многодетной бедной деревенской семье сызмала заставляли вкалывать от зари до зари: чистить коровьи стайки, носить воду с озера, поить коров, колоть дрова, копать картошку, удить рыбу, собирать брусницу, голубицу..., чем и разожгли азарт к труду и тоску в праздности, что позволило, несмотря на вечную нужду и грошовый отхожий промысел, сочинить романы, повести, рассказы и очерки, в коих я восславил смиренных и трудолюбивых родичей.

Счастье: в тоскливых, предутренних сумерках, до первых петухов, когда сладкий сон, мать будила меня, подростка, и посылала на рыбалку – рыбой кормилась семья; и я брёл к постылому и стылому, туманному озеру, кляня своё горькое детство; но когда тепло и зорево алела водная гладь и рябь, когда оголодавший окунь клевал почти на голый крючок, душа моя почаичьи плескалась, купалась в счастливом мираже. Прожив детство и отрочество среди озёрных красот, мечтал я стать художником и капитаном дальнего плавания.

Счастье: отец мой, Григорий Григорьевич, гонял меня как сидорову козу. Если я забывал напоить корову, вычистить стайки, наколоть дров, если я разбрасывал топоры, ножовки и удочки, которые он содержал в красе и холе, отец сходил с ума и мог захлестнуть вожжами, коль подвернёшься под горячую руку. Это привадило меня к порядку.

Счастье: смалу и до зрелости не ведал я телевизора — душегубца, измышлённого полуночным бесом на погибель душ человеческих. Зубрил стихи при керосиновой лампе, читал волшебные сказки ...сызмала и по сивую бороду люблю Бажовское «Серебряное копытце» и стихи Пушкина, навеянные поэту крестьянской няней Ариной Родионовной. Вижу сквозь сумрак лет: в тёплую, ласковую избу с воем скребется пурга, и дивно при сказочно мерцающем, чарующем, желтоватом язычке пламени сказывать, метельно завывая:

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.
То как зверь она завоет,
То заплачет, как дитя...*

Либо:

*У Лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том,
И днем и ночью кот ученый,
Все ходит по цепи кругом...*

Если отец жалел керосин, и светила ясная луна, читал былицы и небылицы подле окна. Поминался вычитанный в книжке семилетний казачок, коему барин не позволял письму учиться. Лунными ночами казачок тихо-тихо, на цыпочках крался к морю и писал на сыром песке азы, буки, веди, потом — слова и строки, а волны смывали отроческие письма на песка, но не могли смыть из памяти. Кажется, казачок тот вырос в народного поэта.

Счастье: рос без телевизора, не лупил я зенки на уродищ заморских — бесову нежить, что без передыху гробит народ, отчего из голубого демонского ящика багровой рекой плещет кровь человечья, словно одичалая вешняя вода. Я же вечерами при тихом, уютном и ласковом свете керосинки слушал потехи и бывальщины про старопрежнюю жизнь, а и просто житейские случаи, что ведали отец и мужики. Подросши, и сам затейливо выплетал чудные побаски, лёжа с приятелями на душистом сене и зачарованно глядя в сонно мерцающие белые звёзды. За то меня привечали даже деревенские варнаки и лишний раз не обижали.

Счастье: рос и матерел я в глухой деревне, — вокруг меня и во мне звучал мудрый и украсный народный говор, коим я насытил и перенасытил свои сочинения.

Счастье: уродился я деревней битой — сибирский катанок, но ведь русский дух — дух деревенский, коль Россия наша матушка изначально и до седины жила лесной и полевой деревней. Да, и поныне уживаются в русской душе истовая набожность, восходящая к святой юродивости, и суеверная темь, божественные взлёты души и мрачные падения, церковь и кабак, но испоконный дух деревенский: любовь к Богу и ближнему, любовь искренняя, до скорбных и умиленных слёз, горняя мудрость, яко у

сказочного Ивана, затейливая притчевая речь, азартное трудолюбие, выносливость, терпеливость, настырность, совесть и стеснительность, побратимство, любовь к малой родине, из коей зреет и любовь к Святой Руси. И этот дух пособлял деревенским творить чудеса в любом ремесле. Недаром же Василий Макарович Шукшин, заспорил в «Чудике» с высокомерным городом: «Да если хотите знать, почти все знаменитые люди вышли из деревни. Как в чёрной рамке, так смотришь – выходец из деревни. Надо газеты читать! Што ни фигура, понимаешь, так выходец, рано пошёл работать...»

Счастье: мама моя, Софья Лазаревна, не ведала грамоты и, послунявя чернильный карандаш, расписывалась кургузым крестиком – крестьянка-христианка, смиренно несущая крест, – почему и оберегла в душе незамутнённую книжной грамотностью народную сердечную мудрость и жалость к ближнему. Позже мама хвалилась в семейных застольях: дескать, у меня все ребята вышли в люди, лишь один ...вроде, Иванушки Дурака... книжек начитался... – и мама с любовью и скорбью глядела на меня, бестолкового. Поклон маме на ласковом слове, но до Иванушки мне, грешному, словно до Небес Божьих, ибо сказочный Иванушка – предтеча христолюбивых и человеколюбивых юродивых, коим за святость и пророчества возводили храмы на Руси, и миряне, запалив свечи у их святых ликов, просили молиться за них, живущих день во грехах, ночь во слезах. Я же к сему молитвенно призывал и мученика Анатолия: «Моли Бога о мне, святой угодниче Божий Анатолий, яко аз усердно к тебе прибегаю, скорому помощнику и молитвеннику о душе моей».

Счастье: на рыбалке я потерял большой палец правой руки, и теперь не могу хвастливо загнуть его: мол, жизнь моя во! но и фигу не могу сладить, и уж хоть тем не обижаю ближних.

Счастье: в юности и молодости я немало перехворал: то спину скрутит, то почки, то неврит лицо перекосит и невралгия дикой болью и жаркой слезой глаз опалит, а то вовсе выкатиться свет из ока, то иная холера привяжется, но благодаря хворям постиг я и очистительную силу страдания, хотя и понимал: ох, не по грехам моим милостив Бог. В буйный разгар юности на моих пятках выросли петушьи шпоры, в назидание ли, в наказание года три я ковылял, как ветхий старичишко. Надо было подаваться в бухгалтера либо в писателя. А коль в арифметике я со школьной лавки дуб дубом, то на радость и маету оставалось писательство.

Счастье: отлично сдал я три основных экзамена, но с треском завалил побочный – сочинение, потому что в слове «ещё» мог сделать четыре ошибки – «исчо»... И всё же мне повезло: не поступив сразу после десятилетки, пошёл вкалывать на завод, затем – в газету, нажил мало-мальскую судьбу, а без судьбы писательство – лукавое пустобайство.

Счастье: не поступив в учение, год протолкался на судостроительном заводе. Так и не выучился на фрезеровщика, – страсть как боялся: вырвется железяка из тисков и прилетит в бестолковую мою голову, и

окочуришься в рассвете сил. Страх перед фрезерным станком породил философскую неприязнь к технической цивилизации и усилил любовь к вольным лесам и степям, о чём на разные лады толковал я в ранних сочинениях.

Счастье: через год меня, технически круглого дурака, выпихнули с завода, – я вернулся в родной Сосново-Озерск, пошёл батрачить в русско-бурятскую аймачную газету «Улан-Туя» («Красная заря»), и уже в ту юную пору начал грешить писательством... А через год меня, восемнадцатилетнего деревенского паренька, негаданно взяли в республиканскую газету «Молодёжь Бурятии», что смахивало на чудо, потому что журналисты с университетскими «поплавками» подолгу и беспрокло обивали редакционные пороги.

Счастье: на четвёртом курсе меня взашей вытурили из университета ...отлынивал от глупых лекций, вольнодумничал... и я уехал с женой и дочкой на Северный Байкал, где строили Байкало-Амурскую магистраль. Мы, нищие студенты, голь перекатная, нежданно-негаданно огребли кучу денег и в одночасье угодили в сказочно сытую северную жизнь. Прибарахлились, откормились на бамовских харчах да байкальских омулях, и вдосталь налюбовались на величавые байкальские красоты, а я испробовал азартную и добычливую омулёвую рыбалку. А через год, вернувшись в Иркутск, пристроился в заочники и, будучи студентом, пробился в «Советскую молодёжь» – газету, славную тем, что раньше там обитали именитые писатели – Вампилов и Распутин.

Счастье: в отличие от своих однокурсников, которые распределились в газеты, на радио и телевидении, я распределился в дворники. По нынешнюю седую бороду почитаю дворницкое ремесло самым благородным в мире: загаживать землю все мастера, а вот прибирают лишь дворники. Недаром поэт Воронов – нелепо погибший студент-журналист, – красиво сочинил про нас, дворников:

*...И трудно, и больно...
И белые дворники наши,
Кружатся, кружатся,
И улицу нашу метут.
Метите, метите,
Пока вам метелки отпущены,
Ни день и ни два поднимать на заре,
Пока что люди, вами разбуженные,
Не поймут, что рай наступил,
На весеннем дворе.*

Счастье: много лет я дворничал ...у дворника уйма вольного времени, пиши, запишись... и я сочинил полон стол. Ежели в моей лесной избушке будет туго с дровами, можно рукописями печку топить.

Счастье: получил я дюжины три сердитых отказов из русских журналов (в русскоязычные я и носа не совал), и после всякого отказа

злил, старался сочинять мудрёнее, ярче и хотел доказать, что я хоть и не московский хлыщ, а тоже не лыком шит. Ничего не доказал, и моя творческая жизнь прошла в сплошной переписке и перезвонке с издательствами и журналами; чтобы услышать от ворот поворот, надо и достучаться, а иначе – поцелуй пробой и вали домой. Столичные редакторы винули мою природную сельскую прозу в фольклоризме, этнографизме, словесном орнаментализме и сердобольно интересовались: нет ли у меня другой какой... завалыющей профессиишки?.. Есть – дворник, и Бог весть, может, с метлой и завершу грешный век...

Счастье: не выбился я в именитые писатели и с нуждой не разминулся – при знаменитости и сытости, да при тугой мошне языческие пороки мои, обретая дикую степную волю, быстро бы спалили душу мою. А пока душа мается меж Божиим Светом и лукаво искусительной тьмой...

Добро без худа

Счастье: вырастил я двух дочерей, Алёну и Машу, – в малолетстве жили чадушки, яко ангелы, и тем приваживали меня к добру, отчего я доспел: не мы, взрослые, одрябшие душой, забородатевшие грехами, учим малых чад любви к Богу и ближнему, а они нас, пока живы наши души.

Счастье: сочинения мои читали, разбирали ...бывало, поругивали, а бывало, и похваливали писатели, при упоминании коих у меня, зелёного и заполошного, от волнения подрагивали коленки.

Счастье: худо-бедно издал за писательский век с десятков книг, и грех плакаться на земную судьбу. Но вообразу свою душу, павшую ниц перед Богом, и тревога сосёт душу: а не искус ли грядущим читателям моё искусство?.. не от князя ли тьмы?.. ибо, воспевая земное, редко задумываясь о Царствии Небесном, сочинял по мудрости дольней (земной), что безумие для мудрости горней (божественной). Вопрошаю и не слышу ответа оглохшей душой...

Счастье: много ведал я ближних, что в полную душу любили меня и подсобляли жить; но жаль, мало кому я ответил безоглядной любовью, прости мя Господи.

**Январь 1996,
январь 2006,
февраль-ноябрь 2007,
январь, май 2009,
март 2010.**

Елена Пешкова

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

Я уверена, что не может считаться день обычным, когда тебе предстоит новое знакомство. Все случайности и совпадения в такие моменты – это рука судьбы, что помогает приблизить тебя к намеченной цели. Так случилось и с моим знакомством с Людмилой Георгиевной Кошкаревой, сопредседателем «Байкальской экологической волны». На встречу мы приехали в одном автобусе. Вроде бы мелочь, а все же не просто в час пик из разных мест шумного Иркутска сесть в один транспорт.

Долго я рассматривала в Интернете фотографию Людмилы Георгиевны, чтобы попытаться предугадать, какой собеседницей она окажется. Может, оттого я и узнала её сразу, как только мы вышли из автобуса? А ведь нет, черты её лица

вполне могли расплыться у меня в голове, как рисунок акварелью, на который попала вода. Узнала я её по улыбке. Такую улыбку не просто забыть – она идёт из самого сердца и озаряет всё лицо тёплым, мягким светом.

С первых минут знакомства я поняла, что вместо обычного интервью разворачивается тёплая дружеская беседа. А Людмила Георгиевна – собеседник приятный и скромный. В первую очередь, она начала рассказывать не о своей жизни, о семье или любимых книгах, а о поле своей ежедневной битвы – «Байкальской экологической волне» (БЭВ). Только позже я поняла, что для неё БЭВ – и увлечение, и семья, и жизнь.

Долгий путь проделала Людмила Георгиевна, прежде чем нашла свою судьбу. Жила в Киргизии десять лет, путешествовала, ходила в экспедиции. А потом пришлось переехать в наши края и устроиться работать в сельскую школу посёлка Малое Голоустное, где она начала преподавать овощеводство. Куда только не заводила её жизнь, какие бы камни ни подбрасывала, но судьба Людмилы Георгиевны послушно ждала своего часа, чтобы вступить в свои права.

Вскоре удача дала о себе знать – Людмила Георгиевна переехала в Иркутск, устроилась на работу в «Станцию юных натуралистов Иркутского района», где трудится, с коротким перерывом, по сей день.

В 1997 году судьба продолжила подбрасывать приятные сюрпризы – Людмила Георгиевна выиграла конкурс по обмену специалистами «Гармония» и поехала в Америку. Поездка эта оказалась очень плодотворной и вызвала полный восторг.

– Посмотрела на другой уклад жизни, поняла, что ко многому можно относиться иначе... Там я начала улыбаться. Мы были там 14 дней, а я переосмыслила всю свою жизнь! Идеи, с которыми я там познакомилась, до сих пор востребованы в моей общественной деятельности, – поделилась впечатлениями Людмила Георгиевна.

Уже в следующем году после поездки Людмила Георгиевна вступила в «Байкальскую экологическую волну» – можно сказать, встала на гребень! И понеслось, завертелось и закрутилось. «Плыть по волнам» женщине оказалось по душе и в радость. Благодаря её стараниям международная программа «Школьный проект по использованию ресурсов и энергии» «пришла» в наши края. Её цель, обсуждая глобальные проблемы изменения климата, переходить к практическим действиям. Вторая программа, которая с лёгкой руки Людмилы Георгиевны заработала в Иркутске – «Эко-школа «Зелёный флаг». Она помогает воспитывать так называемое поколение next – будущих людей. В данном случае – учащихся, у которых будет высокий уровень социальной ответственности за сохранение окружающей природной среды. Уникальным общественно полезным делом стало создание мультимедийного диска «Измерь свой углеродный след и сделай шаг навстречу природе», который был разработан по аналогии с зарубежной программой. Людмила Георгиевна очень увлечена решением проблемы выбросов в атмосферу. И её слова не пусты – она уже отказалась от двух поездок в Москву и Петербург, дабы сократить свой «след». А чего только стоит интерактивный центр «Байкальской экологической волны!»! Натуральный линолеум, деревянные стенды, накрытые бамбуковым полотном, «эко-дом», «сундук с отходами семьи за неделю», велосипед, наглядно показывающий, сколько сил необходимо приложить, чтобы выработать электроэнергию, и главная гордость – солнечная батарея.

Сегодня невозможно представить эту экологическую обитель без Людмилы Георгиевны. Слово она теперь существует в контексте этой маленькой планеты, полной любви к природе. Будто её тёмные волосы становятся ярче, когда она заходит в этот центр, глаза – загораются как светодиодные лампочки, а улыбка – находит себя.

Людмила Георгиевна «живёт» на двух работах – в «Волне» (как сопредседатель) – для души, и на «Станции» (в качестве заместителя директора) – для дела. Начиная трудовой день с девяти утра, она до ночи

может заниматься только работой! Но при такой сверхзагруженности находит время проводить семинары в Высшей народной школе.

– Я рада, что люди в любом возрасте хотят образовываться, учиться. Все имеют разную подготовку и задают много интересных вопросов. С такой аудиторией очень приятно работать!

Расставаясь с Людмилой Георгиевной, я думала: «Все мы имеем много планов. Но лишь тот, кто их осуществляет, может собой гордиться... Удовлетворённая спокойная улыбка – вот в чём символ счастья!».

Александр Богачёв

НЕУХОДЯЩИЙ ЭНТУЗИАЗМ

Несомненно, каждый слушатель Высшей народной школы за плечами имеет большую историю, потому что все они уже достаточно пожилы на своём веку (почему и зовут их пожилыми), чтобы рассказать о себе что-то кроме традиционного «родился и вырос...». Каждый такой рассказ по-своему интересен и уникален. Но ещё более привлекательны эти люди, вспоминая свои прошедшие годы, тем, что рассказывают о своей жизни не со вздохами и сожалением, а с радостью, удовольствием.

Юлия Яковлевна Коростелева уже два года посещает занятия ВНС. Она учитель русского языка, литературы и истории и просто интересный человек. Интересный не только прошлым, но и настоящим.

Юлия Яковлевна – сибирячка, родилась на правом берегу Ангары, в селе Олонки Иркутской области. В этом селе когда-то отбывал ссылку первый декабрист Владимир Федосеевич Раевский. Ещё в 19-м веке в эти края был выслан из Воронежской губернии дед Юлии Яковлевны. О своих родителях она говорит, что они были детьми века. Пережили все: революцию, Гражданскую войну,

сталинские репрессии, Великую Отечественную войну. В их обычной крестьянской семье Юля была самой младшей.

Закончив 10 классов в сельской школе, она уехала учиться в Иркутск, где поступила на историко-филологический факультет Иркутского педагогического института. Эти годы, наверное, и изменили её судьбу.

– До этого я 17 лет безвылазно жила в своей деревне, – вспоминает свои молодые годы Юлия Яковлевна. – А там что? Кругом лес и дырка в небо. Поэтому после окончания института захотелось путешествовать. Причём чем дальше – тем лучше.

Именно желание путешествовать заставило группу молодых студенток историко-филологического факультета просить распределения подальше от родных берегов. А именно на Чукотку, Камчатку или Сахалин хотели попасть подруги. Обращались даже с письменной просьбой в Министерство образования. В итоге пришло распределение: 47 мест по Иркутской области и три на Камчатку. Сейчас такой поступок кажется необычным. Вряд ли кто-то, особенно молодые девушки, захотят из города ехать в камчатскую деревню. Но тогда действительно было другое время, и многое воспринималось иначе. Человеческий энтузиазм позволял решаться на смелые, подчас очень важные для общества дела. К тому же, как говорит сама Юлия Яковлевна, она тогда ещё не представляла себе, что значит жить на Камчатке. Просто хотелось поехать по свету.

Камчатка понравилась молодой учительнице. Необычная природа, казалось, притягивала интересных людей. Вот только пришлось работать там недолго, всего два года. После начались трудные времена в семье Юлии Яковлевны, и ей пришлось вернуться домой. Работала учительницей в 25-й школе Ангарска. Но работа и жизнь на новом месте показалась скучной: слишком много оказалось непедagogических, побочных дел, которые мешали основной работе. Захотелось попробовать что-то новое. Поэтому поступила Юлия Яковлевна на вечерний факультет Ангарского отделения политехнического института.

По тогдашним правилам учиться на очном факультете второй раз она не могла, да и, учась на вечернем, нужно было сразу выходить работать на производство. А дальше сценарий был совсем непредсказуем. Простое наблюдение за показателями заводских приборов быстро наскучило выпускнице историко-филологического факультета. Да и любовь к литературе оказалась сильнее, чем к технике. Поэтому на третьем году обучения Юлия Яковлевна бросила «вечерку». К тому же за это время она успела выйти замуж, и в 1974-м году уехала на БАМ, в посёлок Улькан. Видимо, сработал всё тот же советский энтузиазм, который потянул в то время огромную часть советской молодёжи на стройку века.

Как бы то ни было, а о БАМе Юлия Коростелева вспоминает только хорошее. Особенно те первые годы, когда в таёжный край, как поётся в песне, только самолётом можно было долететь.

– Помню немыслимые для нынешнего человека обстоятельства, – делится воспоминаниями Юлия Яковлевна, – когда мы могли не запереть квартиру, уходя на работу. Бывало, во время уроков мне нужна была какая-то книга, лежавшая дома. Я могла отправить любого ученика к себе домой, через дорогу от школы, а сама оставалась вести урок. Нужно было только сказать, на какой полке стоит книжка, чтобы её проще было найти. У нас было необыкновенное доверие друг к другу, люди жили как одна большая семья. Строительство БАМа было хорошей попыткой воскресить энтузиазм советского народа, и эта попытка вполне удалась. Конечно, она была подогреваема и чисто материальными вещами. Например, человек, работающий на стройке века, мог купить себе автомобиль, квартиру в западной части Союза. Но того, что люди ехали за деньгами, в глазах бамовцев не было заметно. Это действительно были романтики, искренние энтузиасты, которые после отработанной смены могли идти и строить летние площадки, клубы, организовывать поэтические вечера, искусствоведческие лекции, соревнования и многое-многое другое.

В Улькане 25 лет проработала Юлия Коростелева учителем русского языка и литературы. Была руководителем первого выпускного класса ульканской школы, учащиеся которого сочинили такие строчки:

*Не стану предугадывать заранее,
Но знаю: гордо выставив плечо,
Всем расскажу:
– Учился я в Улькане!
– А где Улькан?
– На БАМе! Где ж ещё?!*

Выпусков было много, общение поддерживается и сейчас.

Выйдя на пенсию, переехала в 1999 году в Иркутск, где уже работали дочь и сын.

Теперь учит иркутских детей. Из своей педагогической практики Юлия Яковлевна вынесла одну базовую установку: дети везде одинаковые. Поработав и в посёлке, и в городе, и в селе, и на Камчатке, и в Иркутске, за 50 лет она не заметила особой разницы. Всегда были дети посильнее и послабее, но это преимущественно (если ребёнок здоров) от родительского воспитания зависит. А эпоха и место жительства на обучаемость не влияют. Да в школе, по мнению учительницы, не всегда это главное.

Во время разговора с Юлией Яковлевной чувствуешь, что она не просто учитель. Она мудрый педагог со своими методами, со своим пониманием педагогики в целом, понимаешь, что подход к учащимся она ищет очень гибко и бережно. И это доказывается на практике тем, что уже несколько лет Юлия Яковлевна преподаёт русский и литературу в Вальдорфской школе Иркутска.

– Мои ученики, особенно те, кто пришёл из обычной государственной школы, удивляются, что в этой школе не ставят оценок, – рассказывает Юлия Яковлевна. Да я и сама никогда не любила ставить оценки. Дети должны учиться не потому, что им нужна оценка, а потому, что им нужны знания, что им это интересно. А это повседневное «давление двойкой» в конце концов приводит к тому, что ребёнок приспосабливается – делает всё от него зависящее, иногда совершая не очень красивые поступки, лишь бы не было двойки. В результате для него это становится главным стимулом и он перестаёт впитывать знания.

А вообще, глядя на Юлию Яковлевну, можно без труда угадать в ней человека увлечённого, любящего жить, узнавать новое. Это одно из самых ценных качеств человека третьего возраста. И даже в Высшую народную школу (ВНШ) Юлия Коростелева попала случайно. Она просто искала удобный вариант обучения работе с компьютером. И в 2010 году знакомые посоветовали ей стать слушателем ВНШ. Она пришла, и уже в первый год огромную часть свободного времени отдала лекциям, экскурсиям, походам.

– Самым замечательным является тот факт, что программа досуга никогда не повторяется, – восхищается Юлия Яковлевна, – и Ольга Васильевна с Александром Иннокентьевичем мне очень нравятся как руководители, нравится их активное, неформальное отношение к ВНШ. Они дарят людям общение, которого тем недостаёт. Я сама до прихода в школу общалась только с родственниками.

Конечно, на экскурсии, спектакли и прогулки Юлия Яковлевна могла бы сходить и сама, благодаря своему живому характеру, но ведь это было бы уже совсем не то. Пропал бы самый важный элемент – общение. В этом году помимо литературного кружка, Юлия Яковлевна стала посещать немецкий и физкультуру, где занятия ведёт потрясающий мастер своего дела, добрейший человек Ольга Николаевна Ивлева. В следующем году планирует записаться ещё на что-нибудь. Высшая народная школа затягивает, и чем больше открываешь её позитивных сторон, тем больше хочется посещать занятия, участвовать в общих школьных делах.

Отдельно Юлия Яковлевна, как учитель литературы, выделяет литературный кружок. Её поразило то, что ходят туда в основном люди с техническим образованием: физики, математики – но все они люди пишущие, и причем пишущие довольно хорошо. Она даже приносила некоторые произведения детям на свои уроки, знакомила их с литературным творчеством слушателей ВНШ. Также восхищается Юлия Яковлевна тем, что простые люди в самые трагические моменты своей жизни находят в себе силы писать, и это выходит у них на достаточно высоком художественном уровне. А уж в литературе-то она знает толк и может отличить, что написано формально, а что хорошо и от души. Может быть, потому, что и сама Юлия Яковлевна привыкла всё в этой жизни делать так же.

Мария Жилина

СОЛНЦЕ ВНУТРИ

Нина Григорьевна! Это как раз для тебя! – с такими словами сослуживцы по работе вручили светленькой по своей внешности и светлой по своей душе женщине объявление об открытии одного необычного образовательного учреждения.

Так случай и скромная заметка в областной газете «Восточно-Сибирская правда», в которой рассказывалось об организации в Иркутске Высшей народной школы (ВНШ), замечательным образом изменили жизнь Нины Григорьевны Увакиной. Наша героиня – один из самых преданных её слушателей, председатель совета старост, которая всем своим большим и добрым сердцем живёт тем, что происходит в коллективе и считает, между прочим,

что в ВНШ она попала не случайно. А предшествовала этому такая история.

Около семи лет назад судьба свела Нину Григорьевну с семьёй, в которой растёт мальчик с синдромом Дауна. Женщина устроилась к ним нянечкой и так «прикипела» сердцем к своему Захару, что, даже сменив место работы, она продолжает общаться с ребёнком, гулять, ходить на занятия по скрипке и посещать концерты в Органном зале, потому что Захарик очень любит музыку. В своё время Нина Григорьевна повезла пятилетнего малыша на море в Симферополь, в поезде она познакомилась с преподавательницей адаптационного центра «Прибайкальский талисман», созданного в 1991 году специально для воспитания и развития детей-инвалидов. Благодаря этой встрече Нина Григорьевна сама стала работать в этом особенном центре – вот уже семь лет она готовит вкусные обеды для ребят, а также учит этих детишек стряпать и помогать на кухне, вместе с ними ставит камерные спектакли. Воспитанники центра по мере своих возможностей занимаются рисунком, домоводством, керамикой, даже историей и химией. Нина Григорьевна считает, что все дети в центре

вполне обучаемы – с ними нужно только терпеливо заниматься и уделять индивидуальное внимание.

– Знаете, только через год работы я осознала, что это мы их не понимаем, а не они нас. Они всё видят, всё прекрасно замечают и чувствуют. Я уже не представляю себя без них и очень радуюсь их успехам, – поделилась своими мыслями во время нашей встречи Нина Григорьевна.

Но любое благородное и трудное дело, даже если оно приносит удовольствие, всегда выматывает нервы и отнимает много физических сил. Постепенно Нина Григорьевна начала чувствовать, а затем и понимать, что ей хочется расширить круг общения, найти новые занятия, создать своё собственное творческое пространство, где можно отдыхать душой и восстанавливаться. Как раз в этот момент директор «Талисмана» Татьяна Викторовна Кокина преподнесла нашей героине то самое заветное объявление об открытии ВНШ в феврале 2009 года. Загоревшись идеей, она обзвонила всех своих приятельниц и позвала их на первое организационное собрание в актовом зале ВСГАО. Нина Григорьевна вспоминает:

– Я сидела такая потрясённая! Сразу поняла – это моё, то, что как раз искала так долго для себя. Наверное, в школу меня привела сама судьба, ведь в нашей жизни всё закономерно. Знаете, мои родители рано умерли, и мы остались с маленькой сестрой одни. Жизнь была тяжёлая, до 15 лет я заикалась. И, как ни странно, эта особенность мне в чём-то помогла – когда очень сердилась, я не могла сказать грубость, обидеть в ответ. Заикание прошло само собой, но понимание того, что не стоит злостью отвечать на злость, осталось. Благодаря этому меня почти всегда окружали замечательные люди, которые дарили мне частичку себя.

Теперь первую половину дня Нина Григорьевна проводит в детском центре, а после полудня посещает лекции. Женщина сразу же «записалась» в актив народной школы, ведь всю молодость провела энергично: руководила спортивной группой, писала заметки в свою родную газету «Мамский горняк», а когда пришло время, стала активным членом родительского комитета в школе, где учился её ребёнок. Вот и теперь Нина Григорьевна также инициативна и предприимчива, совсем недавно, например, организовала своих девочек, как она ласково называет других слушательниц, отправиться «субботничать» от ВНШ на Кайскую гору. Она рассказала мне, что они, придя на субботник, как в юности, надели красные повязки и придумали простой девиз «Мы вечно молоды!».

На занятия Нина Григорьевна ходит каждый день и говорит, что даже рабочей недели мало, готова хоть в воскресенье приходить. Особенно дорог ей литературный клуб, ведь наша героиня сама пишет и стихи, и прозу. Так, в одном из номеров общественно-литературной газеты, которая осуществляет информационное сопровождение ВНШ, была опубликована её зарисовка «Ода о зиме». Ещё женщина с удовольствием посещает

занятия музыкой, где последний раз изучали творчество Нины Руслановой, и просто обожает рисование – очень хочется воплощать в жизнь всё, что видится. Но главное для неё в ВНШ - это радость общения. «У меня теперь столько подруг! Я искренне люблю этих людей», – говорит она, и при этом её глаза излучают такой душевный свет, будто бы внутри у женщины вместо сердца спрятано солнце.

Высшая народная школа совершенно изменила жизнь своей преданной слушательницы. Нина Григорьевна говорит, что стала даже по-другому одеваться, ярче, элегантней. Стоит сказать, что героиня для своих лет выглядит просто замечательно – это её большая заслуга. К тому же она самостоятельно учится играть на флейте, подбирает мелодию, пусть пока что только «Маленькую ёлочку» и «Сурка» Баха.

– Надо делать в жизни то, что никогда не делал, несмотря на предрассудки, страхи. Нужно расширять кругозор, мыслить. Вот никогда не могла подумать, что буду стоять на сцене, выступать. Но я раскрепостилась душой, – говорит, смеясь, Нина Григорьевна и рассказывает историю про свой «поход» на приём в больницу и чтение стихов, частушек для других пациентов и врача. – А что, люди потянулись ко мне и даже на время забыли о своих болячках!

В середине мая занятия в ВНШ заканчиваются и слушатели, как настоящие ученики, все уходят на каникулы до октября, что означает на языке Нины Григорьевны «до новых занятий и впечатлений». Но неугомонная женщина, по её словам, обязательно летом отправится помогать в социальное поселение «Исток», которое находится рядом с деревней Хомутово. Это поселение похоже на адаптационный центр, но там живут и работают уже взрослые люди-инвалиды – от 20 лет и старше. Однажды уже Нина Григорьевна и несколько слушателей школы приезжали в «Исток» с небольшим концертом, чтобы порадовать поселенцев. А каждый год в тёплые месяцы туда приезжают волонтеры, в большинстве своём из зарубежных стран – Бельгии, Швейцарии, Канады, Дании. Молодые люди помогают в строительстве и по хозяйству, а Нина Григорьевна вместе с ними и воспитанниками собирает ягоды, варит варенье и солит грибы. Наша героиня говорит, что и на работу, и в лагерь, и особенно в ВНШ ходит как на праздник. Да и просто каждый день – праздник.

В школе мы виделись с Ниной Григорьевной несколько раз при разных обстоятельствах и всегда она была одной из самых ярких и запоминающихся, а беседовали только однажды, но я на всю жизнь запомню её слова, которые она сказала мне на прощанье:

– Чем больше я наполняюсь знаниями, умениями, добрыми чувствами и яркими впечатлениями, тем больше отдавать хочется это другим людям. Нужно постоянно дарить любовь, улыбаться, быть довольной и счастливой. Ведь у каждого из нас внутри солнце...

Елена Постнова

ЖЕНЩИНА С ОДУХОТВОРЁННЫМ ЛИЦОМ И МУДРЫМИ ГЛАЗАМИ

В аудитории политехнического университета меня встретила высокая женщина с короткой мальчишеской стрижкой, необыкновенно одухотворённым лицом и мудрыми глазами. Она только что закончила свой урок вязания для слушательниц Высшей народной школы. Меня поразил её удивительно открытый, сразу располагающий к себе взгляд, мягкий и доброжелательный, с глазами-хамелеонами, успевшими сменить во время нашей беседы цвет с карего на зелёный, с примесью каких-то ещё удивительных оттенков. Я тогда подумала: «Не зря же говорят, что глаза – зеркало души. А также я поняла, что с этой женщиной всё не так просто, как это могло показаться на первый взгляд...».

Комарова Татьяна Панкратьевна родилась в 1949 году. На Урале, где прошло её детство, она исследовала вместе с братом (сейчас он турист международного класса) многочисленные пещеры. Истоки будущей профессии – геологии, зародились именно в те счастливые, беззаботные дни, когда детское любопытство и любовь подпитывали интерес к исследованию и изучению всего нового. Этот интерес, кстати говоря, Татьяна Панкратьевна сохранила и по сей день.

«Мама хотела, чтобы я стала поваром. Но у меня душа не лежала к этому делу», – делится женщина. Всерьёз заинтересовавшись геологией,

она решила: «Надо увлечение связать с профессией. Будет это всё, как говорится, «в одном пакете», – шутила Татьяна Панкратьевна. И действительно, о своём выборе она ни разу не пожалела.

«Я отношусь к тем людям, которые не жалеют ни о чём: что есть, то есть. Мы жили в хорошее время, могли выбирать профессию по душе. Сейчас люди стараются поступить туда, где есть возможность в будущем

больше зарабатывать. Мы об этом даже не думали. Мы были счастливые люди в выборе профессии».

Вспоминая о своих любимых педагогах, Татьяна Панкратьевна не могла удержаться от упоминания имён и фамилий некоторых из них. Вспоминала о них с любовью, с добрым чувством признательности: «У меня в школе была классная руководительница Таисия Михайловна Халтурина, она вела у нас химию. Химия, как и математика, была моим любимым предметом. Педагоги были очень сильными, у нас даже троечник неплохо знал предмет, в других школах мог бы четвёрку за свои знания иметь, а у нас тройку ставили.

А вот из преподавателей в техникуме больше всех запомнился мне Гелий Сергеевич Вахрамеев – он вёл у нас предмет, который назывался «комплексирование геологоразведочных методов». Жена его, кстати, заведующая геологическим музеем».

После окончания школы № 2 города Уфы Татьяна Панкратьевна продолжила обучение в Челябинской области, в Миасском геологоразведочном техникуме, правда, уже заочно.

Студенческие годы для Татьяны Панкратьевны были очень яркими: часто ходили в походы, группа была необыкновенно дружная и весёлая.

«Моим кредо по жизни стала строчка из романа Каверина «Два капитана»: «Бороться и искать, найти и не сдаваться», – признаётся Татьяна Панкратьевна.

Мне тогда подумалось, что это самый что ни есть настоящий девиз геолога. Я смотрела на эту удивительную женщину и поражалась, насколько гармонично вся её житейская, профессиональная, литературная мудрость вплетается в жизнь, насколько она умело распоряжается своими знаниями, как мудро их использует.

На вопрос о втором образовании женщина отвечает с улыбкой:

«Если бы была возможность получить второе образование, я бы стала бухгалтером. Мне нравится это дело. Всегда было интересно: построить работу предприятия так, чтобы оно не разорилось и могло нормально функционировать. Это же надо 24 часа в сутки думать об этом! Ещё мне нравятся языки: французский и немецкий. Французский я выучила самостоятельно, разговариваю неплохо. Есть три уровня знания языка: немножко, неплохо, хорошо. Я знаю неплохо. А на занятия немецким языком хожу в 64-ю школу, это одна из немногих школ, где преподают этот язык. Я думаю, что это у меня какой-то особый лингвистический голод. Было бы время, я бы и китайским занялась. Очень люблю языки.

Была во Франции два года назад, язык знала тогда хуже, но имела возможность пообщаться на французском. Сейчас изучаю немецкий, мы нынче от ВНШ поедем по скандинавским странам, я посмотрела в Интернете, что в Дании немецкий едва ли не второй государственный язык (там много людей, которые знают немецкий). Я думаю, что там пригодятся мои знания».

Со своим будущим мужем, сейсмологом по профессии, Татьяна Панкратьевна познакомилась на работе. Особенно сблизили молодых людей общие интересы. На вопрос, что помогало ей в семейной жизни, Татьяна Панкратьевна отвечает:

«В семейно жизни я всегда руководствовалась стихами, автора которых я, к сожалению, не помню, не помню, и где прочла их. Однако они запали мне в душу на всю жизнь

*Ты любимая и любовница,
Закадычный друг и жена,
Пусть тебе навсегда запомнятся
Эти яркие имена.
Пусть тебе никогда не забудется,
Как горели они в тиши.
Пусть согреют, если остудится,
Колыханье твоей души.
И прошу, неразменной монетой,
Пронеси через жизнь, через боль,
Поэтом воспетое сочетание этих имён!*

Рассказывая о муже, Татьяна Панкратьевна не может не вспомнить их бесконечные походы.

«С ним всегда было очень интересно. Мы вместе с мужем и детьми часто путешествовали, выезжали на природу. Каждые выходные на велосипедах или на лыжах, в зависимости от времени года. Когда мы получили квартиру, я первым делом осмотрела балкон и сказала: «Всё, покупаем велосипеды!» Это было в марте, а к лету балкон уже не пустовал. После смерти мужа мне стало не с кем ходить в походы. Может быть, и сама уже постарела, не получается путешествовать так, как раньше. Да и сложно найти два-три человека для компании. Зато летом по-прежнему выезжаем на Байкал, в Листвянку, в Слюдянку».

У Татьяны Панкратьевны два сына, и оба геологи. Один закончил политехнический университет, другой – госуниверситет. Один живёт на Севере, другой в Иркутске.

«На выбор профессии, скорее всего, повлиял тот факт, что мы много говорили об этом, – рассказывает Татьяна Панкратьевна. – Младший хотел поступать в архитектурный, но учиться там можно было только на коммерческой основе, а у нас не было денег, чтобы заплатить за обучение. Сейчас я его спрашиваю: «Ты жалеешь, что в архитектурный не пошёл?» А он говорит: «Нет, абсолютно не жалею». Я рада, он сложился как специалист, как личность. У него есть возможность профессионального роста. Геология всё же мужская профессия».

На вопрос об её главном увлечении (последних лет или жизни, не знаю, как будет точнее) – вязании Татьяна Панкратьевна рассказывает с большим интересом и со знанием дела. Оказывается, на её занятия приходят в основном те, кто обладает главным качеством, необходимым для этого дела, – усидчивостью. Потому что «вязание – это терпение, терпение и ещё раз терпение».

Вязать спицами Татьяну Панкратьевну научила её тётя, когда они приехали на Украину. Тётя так хорошо вязала, что двенадцатилетняя девочка загорелась желанием обучиться этому мастерству. И выучилась довольно быстро: за лето уже знала, как носки связать, но своё умение Татьяна Панкратьевна будет продолжать совершенствовать всю жизнь. «Вязание – это практика. Крючком меня научила вязать соседка. Но я пошла дальше. Сейчас, как я говорю: «Если не умеешь читать схемы – не умеешь вязать». Если возьмёте любой журнал на любом языке и сможете прочесть схему, то знание языка будет не нужно. В прошлом году я была в Китае, смотрела журналы по вязанию. Меня спрашивают: «Как ты понимаешь?» – «А зачем понимать? – отвечаю. – Схема ведь есть».

Моя основная задача – тех, кто приходит ко мне в кружок, тех, кто уже умеет вязать, – научить читать и уметь самим составлять такие схемы».

На вопрос, как она стала преподавателем Высшей народной школы, женщина отвечает так: «Я вязала раньше, видимо, во мне просто накопилось огромное желание поделиться, передать другим людям это мастерство. В своей анкете в ВНШ я написала, что могу вязать. Я не профессионал, но, видимо, меня решили попробовать в качестве преподавателя, посмотреть, что из меня получится. Вроде бы неплохо получается, мне так кажется».

В кружке вязания Татьяна Панкратьевна преподаёт почти сначала образования ВНШ. Когда внучка самостоятельно стала ходить в школу, она с головой окунулась в бурный поток общественно-образовательной деятельности ВНШ.

«Это очень хорошая, как сейчас говорится, «парковка». У каждого ведь она своя. ВНШ – наша, и нам она очень нравится. Найти «парковку» в нашем возрасте очень важно. Здесь человек имеет возможность открыть себя, реализовать себя, применить на практике свои знания, умения, навыки. Я даже не спрашиваю, какая лекция будет, когда иду на занятия, так как считаю, что неинтересных лекций нет, а дома сидеть – тоже не годится. Поэтому на занятия всегда иду с удовольствием».

Татьяна Панкратьевна – женщина необыкновенно знающая, много раз за время нашей беседы цитировала различных авторов, я поняла, что она большая любительница поэзии. Слушать её приятно, речь плавная, красивая, правильная, интересная.

Спросив её о любимых книгах, я не прогадала. В молодости она читала очень много, сейчас, с сожалением отмечает Татьяна Панкратьевна, просто нет времени, вся неделя расписана. Дома всегда имелась хорошая библиотека, в которой были и Джек Лондон, и братья Стругацкие, и Лем, и Джейн Остин.

«Лесков – мой любимый писатель, – делится Татьяна Панкратьевна. – Особенно мне нравится у него рассказ «Жемчужное ожерелье», я всё время одну фразу у него перечитываю: «Сердце не заезжий двор, всем места хватит: к мужу одна любовь, к родителям другая, к детям – третья... и так можно до бесконечности». Эта фраза моя любимая у Лескова.

Говоря о других людях, Татьяна Панкратьевна замечает, что больше всего ценит порядочность. Она сама всегда старалась быть объективной и справедливой к другим.

«Говорят же, поступай с другими людьми так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой. Вот этим я и руководствуюсь всю жизнь».

Мария Люлько

ЖИЗНЬ ТОЛЬКО НАЧАЛАСЬ

В тот день, когда я встретилась с нашей героиней, солнце светило по-особенному ярко. Посёлок, расположенный рядом с городом, играл в его лучах, разливался светом по обшитым металлом и деревом крышам. Ослепительно белый снег заставлял глаза устало

прищуриваться, хотелось просто упасть в это белоснежное одеяло... По телефону она объяснила своё месторасположение, но всё равно пришлось поблуждать, вдыхая предвесенний воздух.

Вера Васильевна Зазуля встречала нас с подругой на улице в лёгкой шубке, накинутой наспех. Я сразу же отметила про себя, что это стройная, милая женщина. Она провела нас в свой дом и усадила за стол, на уютной домашней кухне начала потчевать чаем, как дорогих сердцу гостей.

В Высшую народную школу она пришла одна из первых, ведь Вера Васильевна очень общительная – она не может сидеть в четырёх стенах дома. Как только она узнала о том, что в Иркутске открылась школа для взрослых, в которой созданы условия для дальнейшего саморазвития, она сразу оказалась в числе её самых активных слушателей. Потому что у неё природный дар – общаться с людьми и через это общение узнавать много интересного и порой полезного о таком загадочном окружающем нас мире.

Она любит поэзию и классическую литературу, любит людей. Жить вдали от города и «тесно общаться» с подругами бывает нелегко, но в школе несколько часов общения проходят очень плодотворно, поэтому недостатка в друзьях женщина не испытывает. Она любит рисовать, работать на компьютере, а как хороша её вышивка!

Когда Вера Васильевна привела нас в свою чистенькую и светлую комнатку на втором этаже, в глаза первым делом бросился красный уголок, мне сразу представилась маленькая девочка, которая с самого раннего детства, по примеру бабушки, читала робким шепотком молитвы в освещённом тусклым светом лампадки доме. Вера Васильевна вспоминает, как бабушка водила её на службы в небольшой деревенский храм. Как она восхищалась тишиной и красотой церковного убранства. Открыв шкаф, женщина достала своё рукоделие, и кровать сразу покрылась «лёгким одеялом», сделанным из образцов раннего её творчества. Цветочки и узоры... А главным гостем стал яркий петушок, вышитый на сумочке.

Вера Васильевна уже шесть лет живёт в Иркутске. Всю жизнь она трудилась медицинской сестрой в тихом и любимом Ангарске. Иркутск кажется ей очень громким и суетливым городом, но здесь рядышком с ней живёт её семья. Она любит вспоминать своё прошлое, но живёт радостями и заботами настоящего. Её молодость прошла в селе, время тогда было тихое и спокойное. В некоторые дни ностальгия по юности бывает спутницей в её жизни. В эти моменты она вспоминает годы войны, когда она пошла в школу. Было тяжело и страшно, но уже в то время Вера Васильевна проявила себя как маленький сильный человек, который способен выдержать многие испытания в жизни. Когда мы с ней начали рассуждать о том, что у современной молодёжи нет в жизни таких испытаний, она заступилась за наше поколение и сказала, что ей очень импонирует

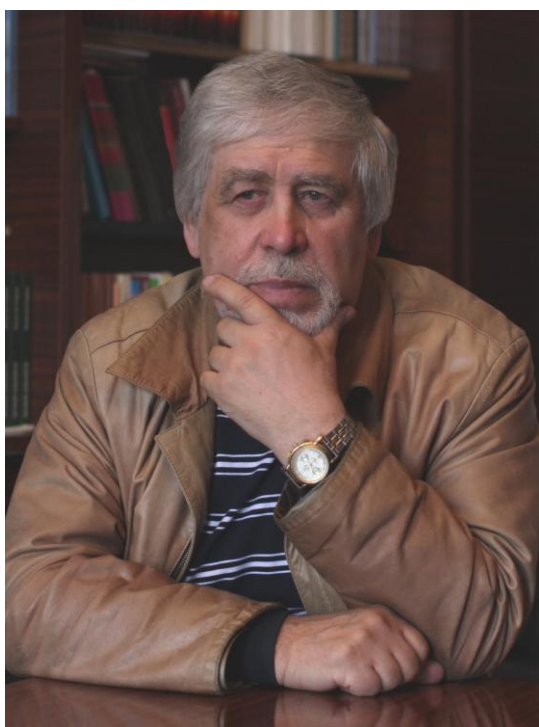
сегодняшние молодые люди, которые её кажутся живыми и открытыми. И, конечно же, её любимый внук – один из них! Как призналась Вера Васильевна, она натура разносторонняя. Например, летом в своём саду выращивает большое количество ярких цветов, шьёт вещи себе и своим близким, занимается в группе здоровья.

– Я прожила интересную жизнь, меня всегда окружали и окружают до сих пор хорошие образованные люди, от которых я получила и получаю много разносторонних знаний, – призналась женщина.

Конечно, они-то и стали основой её большого жизненного опыта, которым она с удовольствием и признательностью делится с другими людьми. Недавно Вера Васильевна со своим супругом отметили золотую свадьбу. Когда мы прощались, я, глядя на неё, подумала: «Вот передо мной женщина, которая по-настоящему счастлива, потому что вырастила хорошего сына, а потом и внука. Потому что сумела, несмотря на все жизненные перипетии, сохранить любовь к людям». Это её личная большая заслуга, заслуга на вид маленькой, хрупкой женщины с удивительно молодыми карими выразительными глазами и красивой улыбкой, то и дело освещающей её по-юношески живое лицо.

Мария Люлько

ВЛАДИМИР СКИФ

Поэт Владимир Скиф в представлении иркутским читателям не нуждается. Так сложилась судьба, что с Александром Гординым, членом совета директоров Высшей народной школы Иркутска, его связывает давняя дружба, ещё со времён издания последним сибирской литературной народной газеты «Александровский централ» (2001-2003 гг.). Поэта знали и знают читатели Усолья, Братска, Ангарска и многих других городов и посёлков Иркутской области.

«Тогда уже писателям жилось не очень вольготно, – вспоминает Владимир. - Им уже не давали, как в былые времена, целые развороты для публикации своих стихов. А сибирскую

литературную народную газету «Александровский Централ», которая наперекор всему всё ещё так и поступала, читали целыми семьями. К сожалению, как всякое порядочное издание, не найдя стабильной финансовой поддержки для продолжения своей просветительской деятельности, газета закрылась».

– Здорово, когда редактор или издатель люди творческие, тогда и «ребёночек» их живой получается. Многие современные редакторы – это сухари, которые не любят стихов, не любят творчество, и газеты они свои давно превратили в урюк, – размышлял поэт. – Александр меня не забыл, и как только народная школа открыла свои двери, он пригласил меня к сотрудничеству...

Недавно в Высшей народной школе состоялся поэтический вечер Владимира Скифа, который Александр Гордин помогал проводить, исполняя под аккомпанемент гитары свои песни.

– После этой встречи, – вспоминает поэт, – слушатели школы стали делиться со мной своим творчеством. Одна женщина прислала мне свои стихи. Многие слушатели, по словам Александра, который в школе, помимо прочего, ведёт литературный клуб, тянутся к творчеству. Мне очень интересно общаться с такими разными и интересными людьми. Для меня очень важно знать, что интересует публику вообще в жизни и конкретно в данный период развития нашего общества. Очень часто меня спрашивают о моей семье. Люди постарше интересуются тем, что близко их душе, в частности, моим поэтическим творчеством, главной темой которого остаётся, как и прежде, жизнь деревни. А она у многих, как говорится, «в крови», потому что они либо родились, живут в сибирских сёлах, либо там продолжают жить их близкие родственники.

На мой вопрос: «А как же молодёжь? Ведь среди них много талантов?» Владимир мне рассказал о том, что недавно выступал перед членами молодёжного движения «Алые паруса», которые организуют творческие конкурсы по всей области. О том, как ездил с ними во многие города, выступал перед молодёжью, старался во время встреч с ними как можно больше размышлять о добре, о людях, о любви и семье. Он лично не заметил, что молодые люди мало интересуются жизнью старшего поколения (в частности, писателей), что им безразлично, как в целом складывается наше бытие. И уж тем более он не согласен с утверждением, что они совсем не читают.

Детство и юность Владимира прошли в деревне на таёжных просторах. Родился он на станции Куйтун. Закончив там семь классов, поступил в Тулунское педагогическое училище.

– Мне всегда везло на учителей, все они были очень грамотными, разносторонними, любили классику. Благодаря им, я открыл для себя Есенина в 15 лет.

Возможно, поэтому он начал писать стихи ещё в школе. На него благотворно в этом смысле повлиял одноклассник Саша Панкин, который, по словам Владимира, «всегда направлял» его юное творчество. Для поэта всегда важна, считает он, среда, в которой формируется творческая личность.

– В то время в Тулуне жил поэт Альберт Кваченко, – вспоминает писатель, – он работал в типографии, а я, тогда ещё мальчик, даже представить себе не мог, как печатается газета. Он раскрыл мне глаза на поэзию не кричащую, а на так называемую тихую лирику.

После окончания училища и непродолжительной работы в школе Владимира призвали в армию.

– Служил я в морской авиации, тогда все шли служить в армию, а тем более на флот, с удовольствием. За годы службы судьба свела меня со многими флотскими поэтами. Например, с Андреем Некрасовым. Служба – это хорошая школа жизни. А длилась она тогда не один год: я отслужил целых три с половиной.

Из армии он привёз свою первую книгу стихов, которая вышла в 70-м году. Примерно в это же время Владимир поступает на отделение журналистики Иркутского государственного университета. И вместо традиционных публикаций на творческий конкурс приносит издательский договор, чем ввергает комиссию в шок.

– В студенческие годы нам хотелось творчества, хотелось быть самостоятельными, спорить часами о поэзии. Нас привлекали запрещённые писатели, такие как Солженицын, Гумилёв. Чего только у нас не происходило. Даже дуэли случались. Самые настоящие. Двое парней не поделили сердце дамы и на Лисихинском кладбище стреляли друг в друга, и даже одного тогда «хорошенько» ранило. Сейчас это известные взрослые люди.

Иркутск не сразу стал для деревенского паренька Владимира родным городом. Оказался он в нём только потому, что родители переехали туда, когда он служил в армии. Демобилизовавшись, он даже сбежал на месяц от родных в свою деревню. Но, нагулявшись, вернулся. Пошёл работать в одну из школ Ново-Ленино, в которой преподавал черчение и рисование. Затем работал на авиазаводе художником. Постепенно Иркутск «открылся» для него. Появилось много друзей. На все праздники и дни рождения он рисовал красивые поздравительные плакаты и старался радовать всех. Так по воле

судьбы Иркутск стал для него городом молодости, а первым творческим пристанищем – иркутские библиотеки.

– Позднее я стал публиковаться в многотиражной газете «За коммунизм», сейчас это «Иркутский авиастроитель», – вспоминает Владимир, – Сотрудничал с литературным клубом «Парус», который существует до сих пор, из него вышло очень много знаменитых писателей и поэтов.

Ему не очень нравится современный Иркутск, а точнее отношение к Иркутску градостроителей, которые плохо представляют его истинное историческое лицо:

– Меня не радуют точечные настройки. С этим очень тяжело бороться. Но очень приятно, что восстанавливаются православные церкви, которые раньше в большом количестве были либо разрушены, либо закрыты, и в них располагались в лучшем случае различные учреждения. Мой сын – разноплановый художник, он помогает мне в оформлении книг, а также реставрирует храмовые фрески.

Поэт заметил, что приятно, когда устанавливаются новые памятники, например, иркутская епархия к празднованию дня города, по его словам, планировала установить памятник святителю Софронию. А для творческого человека всегда важно издать к такому событию книгу. На момент нашего разговора с Владимиром, он планировал опубликовать книгу «Слаблю Россию, Иркутск и Байкал». В этом проекте ему предложил поучаствовать Изяслав Лившиц. Они «собрали в неё» образцы поэзии за целых два века.

Владимир проводит много творческих встреч в городах и сёлах Иркутской области. Презентации, мастер-классы – это тоже его творческая работа, которую он любит делать и делает уже на протяжении многих лет.

– Я ищу молодые таланты, ведь не только в городах стихи пишут, в сёлах тоже есть прекрасные творческие люди. Для этого в Союзе писателей ведётся огромная работа, направленная на организацию сотрудничества с молодыми поэтами, студентами, вообще творческой братией. Ведь наша земля богата талантами...

Владимир очень гостеприимный человек, в его добрых и весёлых глазах всегда пляшет лукавый огонёк творческого задора. Он пожелал нашим читателям: «Чтобы мы, добрые соседи в этом городе, научились смотреть дальше лестничной площадки. Ведь так просто спросить друг друга: «Помощь нужна?». Только в этом проявляется любовь людей друг к другу, в желании помочь и полюбить, обогреть».

Мария Люлько

МАГНИТ ДЛЯ РАДОСТИ

Однажды июньским днём к одной улан-удэнской семье пришло счастье. Счастье назвали Олей. Несмотря на трудное военное время, голод и болезни, ребёнок рос и крепчал, оберегаемый любовью родителей. Как и все дети, Оля с нетерпением ждала весны, тепла и солнца. Когда наступал долгожданный конец зимы, она бежала играть во двор или шла в лес с друзьями искать корешки и луковицы саранок. А дома надо было помогать маме доить козу, ухаживать за огородом. Тяжёлый труд не очерствил её сердце и закалил волю.

В школе Ольга впервые познакомилась с физкультурой. Интересный предмет требовал много физических сил, особого характера. Целеустремлённая девочка не испугалась. Час за часом она проводила в спортзале, тренируя гибкость, силу и выносливость. Такое упорство не прошло даром. Учитель увидел в ней большой потенциал и помог развить его: он тренировал её и отправлял на соревнования по гимнастике, защищать честь школы. Не беда, что за все десять лет у неё было всего две школьные формы: синее платье в начальных классах и чёрное в старших (в нём она была даже на выпускном балу).

Материальные ценности были не так важны. Главное то, что в школьные годы у неё зародилась любовь к физкультуре, которая определила весь её дальнейший жизненный путь.

Школьная пора закончилась. Перед Ольгой встала проблема выбора профессии. Чем руководствоваться: умом или сердцем? Девушка сначала выбрала первый вариант и отправилась в Ангарск учиться профессии, которая всегда бывает хорошо оплачиваемой... Но в ангарский техникум её не приняли: не прошла по конкурсу, потому что преимущество отдавалось сиротам, которых в послевоенные годы было очень много в стране. Быть может, это была судьба...

Неизвестно, как бы сложилась её жизнь, если бы она на следующий год не «послушала сердце» и не поехала в Иркутск поступать в техникум физической культуры. Уже на первом курсе Ольга поняла, какое счастье заниматься любимым делом! Окончив учёбу, девушка пошла работать учителем физкультуры младших классов. А потом «рискнула» ещё раз и устроилась тренером по спортивной гимнастике. И вот тут-то у неё по-настоящему за спиной распахнулись «учительские крылья». Год за годом она совершенствовала свои способности на различных семинарах и курсах. За время командировок объездила всю Россию и ближайшие страны, знакомясь с опытом других и делясь своим.

Лучшая подруга сегодня над ней подсмеивается: «Тебе и полено дай, ты его научишь!». Конечно, Ольге Николаевне Ивлевой есть чем гордиться: за всю историю преподавания в техникуме среди её студентов не было ни одного двоечника. Она нашла свою формулу работы и следует ей до сих пор:

– Я всегда была за демократичное обучение, – говорит она. – Людям есть чему поучиться друг у друга. Со своими студентами я сотрудничаю.

Физкультура стала основой и опорой в жизни, но не заняла всё место в сердце Ольги Николаевны. Ее жизнь – это не только любимое дело. Семья, друзья и увлечения, подобно противовесу, помогают ей удержать душевный баланс. Любопытно, что с близкими людьми – мужем и лучшей подругой их «столкнула»... так же тяга к физкультуре и спорту. Полина Степановна Рогачева, дружба с которой длится уже 53 года, вместе с Ольгой Николаевной училась в техникуме физкультуры. А с мужем они встретились на парашютной вышке, когда она готовилась к очередному прыжку. В спортивной семье родилась умница-дочь Наталья, которая по примеру мамы выступала за школу на всех соревнованиях. Спустя время, Ольга Николаевна стала счастливой бабушкой. Внука назвали Илюшей.

«Талантливый человек – талантлив во всём». Эти слова отлично подходят к нашей героине. Среди её увлечений, помимо туризма, есть такое хобби: «готовить кашу из топора». На столе лежат: рис, морковка, лук, чеснок. Осталось добавить желание порадовать близких вкусной едой. С помощью своих маленьких секретов Ольга Николаевна колдует над плитой. И через пару часов на столе появляется запашистый, рассыпчатый плов.

Её невозможно представить сидящей на лавочке и ругающей молодёжь. Она всегда в движении. Летом – обязательно «отпускное путешествие»: в Румынию, Швейцарию. А еще лучше, рядышком, в Большое Голоустное, чтобы с высоты сопки посмотреть на раскинувшийся внизу Байкал. Даже свою домашнюю жизнь она не мыслит без перемен: любит перестановки мебели, новые шторы, в общем, ничего в её жизни не стоит на месте.

Любит она и отдыхать. И делает это со вкусом. Слушает скрипичные концерты, смотрит телеканал «Культура», читает стихи любимых Риммы Казаковой, Сергея Иоффе и других поэтов, затронувших её «душевные струны». Сама стихов не пишет, зато у Полины Степановны была редактором поэтического сборника, который выпустила к её юбилею. Она вообще любит делать подарки. Сначала подмечает, какая в человеке изюминка, а потом выбирает презент. С рождением внука пришла страсть к вязанию. Любимый внук носил носочки, костюмчики, шапочки, шарфики, любовно сделанные бабушкой. Когда он выходил гулять, соседи говорили: «А вот и вязаный Илюша!».

Ольга Николаевна настоящий «магнит». Она притягивает к себе счастье и радость. И готова поделиться всеми своими самыми хорошими душевными качествами со всеми. Мимо такого светлого человека трудно пройти. Она признаётся:

– У меня много друзей. Я с ними стараюсь делиться только своими радостями и радуюсь их успехам. В радости люди познаются лучше. Поделиться горем могут многие, а порадоваться за другого, без зависти, без корысти или разделить свою радость с другим может не каждый. В жизни много поводов улыбнуться. Мы на даче с соседями устраиваем маленькие праздники, например, день первого огурца! Не надо тратить время, отпущенное нам, на злые поступки. Я всю свою жизнь строю на позитиве. Наверное, поэтому, в душе чувствую себя ещё пацанкой – озорной и полной сил.

Вне всяких сомнений, после встречи с Ольгой Николаевной человек не может не измениться в лучшую сторону. Как хорошо, что такие люди живут среди нас и так легко делятся с другими своим жизненным опытом. Замечательно и одновременно закономерно, что именно Ольга Николаевна стала руководительницей группы здоровья Высшей народной школы: слушатели её не просто обожают, они стремятся во всём быть похожей на своего преподавателя, который для них одновременно и наставник, и верный жизнерадостный друг.

Мария Люлько

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗНАЕТ, ЧТО И ВО ИМЯ ЧЕГО ОН ДЕЛАЕТ

Когда я в день нашей встречи увидела впервые Юлию Елохину, то подумала, что ошиблась. «Не может быть! – подумалось мне, – эта хрупкая русоволосая девчонка с открытой улыбкой – преподаватель Высшей народной школы! Школы, в которой основной состав слушателей – зрелые люди...».

Позже я узнала, что Юля, несмотря на свой действительно молодой возраст, уже несколько лет преподаёт на историческом факультете Иркутского государственного университета, а совсем недавно защитила кандидатскую диссертацию. Но некоторые коллеги по работе до сих пор не в силах справиться с обаянием её молодости, поэтому по-прежнему зовут её Юлей. Что уж говорить о слушателях Высшей народной школы, которые хотя и в глаза с уважением её величают Юлией Валерьевной, за глаза, по-матерински ласково, тихонечко между собой, зовут Юленькой.

Как же она оказалась преподавателем людей третьего возраста? Расскажем обо всём по порядку. А началась эта история с личного знакомства с Александром и Ольгой Гордиными, у которых она когда-то училась в гимназии №1 города Усолья-Сибирского. И не просто училась, а активно участвовала во всех школьных и внешкольных мероприятиях, которые затевали супруги.

Например, Ольга Васильевна в гимназии, ставила в качестве режиссёра и сценариста школьные спектакли. В одном из них Юлия играла молодую учительницу, а Александр Иннокентьевич умудрённым жизненным и профессиональным опытом школьного педагога. Кто бы мог подумать тогда, что, спустя всего несколько лет, они в действительности встретятся в

качестве равноправных педагогов, но только не в средней общеобразовательной, а в школе для взрослых!

Конечно, в школу её пригласили Ольга и Александр, потому что все эти годы они были «на прямой связи» со своей ученицей. Она друг их семьи и теперь уже коллега, преданный, как и они, всем своим сердцем и душой делу образования взрослых. Они вместе ездят в командировки, в том числе и международные, в которых Юля, владеющая в совершенстве английским языком, незаменимый товарищ, помогающий наладить необходимое профессиональное и личное общение с коллегами из-за рубежа. И, конечно же, Юля с самого первого дня работы Высшей народной школы (февраль 2009 года) была рядом со своими учителями-коллегами.

– Юля – наш личный верный друг и один из тех преподавателей, без которых осуществить этот социальный проект было бы просто невозможно, – делится своими впечатлениями А. Гордин. – Почему? – Да потому, что она совершенно бескорыстно на общественных началах, как истинный социальный педагог, делится своими знаниями с теми, для кого они необходимы. И, самое главное, Юля делится не только знаниями, но душой и сердцем своим, помогая людям воскресить интерес к жизни, ощутить так необходимое в третьем возрасте внимание к своей личности, почувствовать причастность к большому и необходимому нашему обществу делу – непрерывному образованию взрослых!

– Когда мне позвонили и пригласили преподавать, – вспоминает Юля, – я, ни на минуту не задумываясь, согласилась, потому что знаю, что Ольга Васильевна и Александр Иннокентьевич дурного дела не затеют. А работать с ними рядом для меня, говоря громкими словами, – честь, а если проще – интересно... С первого же урока занятия по английскому в школе стали проходить стабильно один раз в неделю. На первую пару пришло 40 человек, постепенно народ стал отсеиваться. Сейчас остались самые прилежные», – говорит девушка и смеётся.

По разным причинам люди идут к Юлии за знаниями английского. У кого-то дочери вышли замуж за иностранцев, а кто-то просто хочет повысить свои базовые знания. Есть также и много одиноких женщин, которым просто необходимо общение. Люди занимаются полноценно и прилежно.

– У кого-то не всё получается с первого раза, и многие переписывают работы по несколько раз чистеньким почерком в красивые тетрадки, пока не добьются желаемого результата. Меня всегда удивляет их работоспособность. Возможно, сказывается многолетний педагогический опыт, ведь многие из моих слушателей кандидаты наук и профессиональные педагоги! – размышляет вслух Юля.

Когда я спросила Юлю о том, что интересно было бы узнать: с кем работать проще, а с кем сложнее, то есть слушатели или студенты более прилежны в учёбе? Юлия ответила:

– Они все абсолютно разные. Те минусы, которые есть у студентов, главный – это неумение слушать. Этот минус абсолютно отсутствует у слушателей Высшей народной школы.

Группы в ВНС формируются большей частью по интересам. Те, кто изучает английский язык «плодотворно», работают со своим преподавателем на протяжении уже трёх лет.

Между прочим, Юлия начала свой творческий педагогический путь, тоже исходя из своих интересов. После школы её тянуло к изучению языков, поэтому документы она решила подавать сразу в несколько вузов: ИГУ, Нархоз, Иняз, Юридический институт. Но во многих из них даты и часы экзаменов совпали, поэтому выбор остановился на факультете международных отношений ИГУ. Девушку всегда привлекала область гуманитарных знаний, в которой она, как теперь абсолютно ясно, чувствует себя хорошо, т.е. нужной, востребованной, мечтающей внести свой вклад в её развитие.

Глядя на Юлю, я ей по-хорошему позавидовала, потому что девушка произвела на меня впечатление человека, который нашёл свое место в жизни и точно знает, что и во имя чего делает.

Константин Богачёв

РАСКОПКИ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Вечер. Восточно-Сибирская государственная академия образования. В соседней аудитории идут занятия в литературном клубе Высшей народной школы (ВНШ). Я сосредоточенно постукиваю ручкой, осматриваю помещение кафедры, делюсь последними новостями погоды с секретарём, которая вот-вот уйдёт домой. Не проходит и пяти минут, как в дверях появляется Алена Познякова, та самая девушка, которую я ждал. Мой преподаватель Александр Иннокентьевич Гордин представил меня девушке. Пока мы знакомились, эффект первого впечатления начинал «наступать» на меня.

И вот почему. Получая от редактора задание, я узнал, что Алена – магистрат, пишет диссертацию на тему «Образование взрослых как фактор позитивного изменения качества жизни пожилого человека» и собирает к ней материал, посещая занятия ВНШ. Я смотрю на эту невысокого роста девушку двадцати лет, со светлыми волосами, в очках, и она скорее напоминает ученицу старших классов, чем магистра педагогики. Или, по крайней мере, стоящую в двух шагах от этого мудрёного звания, пишущую диссертацию, проводящую часы за книгами, компьютером, и за работой, которая наверняка имеется почти у каждого студента, закончившего недавно вуз, продолжающего учиться в магистратуре.

И скорее всего, её мало интересует тема, которой она занимается. И скорее всего, посещение занятий ВНШ – это всего лишь необходимость, без которой нельзя получить диплом как пропуск в новую жизнь. И скорее всего... Нет. Хватит домыслов. Странно делать выводы о человеке, не услышав его, не попытавшись его понять.

– Вы разговаривайте. Я буду изредка заходить, но вы не обращайтесь на меня внимания, – сказал Александр Иннокентьевич, взял вещи и вышел.

Пока он говорил, меня сверлила мысль : «Напротив меня сидит девушка, идеально помещающаяся в образ примерной студентки-отличницы, читающей гору книг и почти не показывающей носу на улицу. О чём с ней говорить?».

И всё-таки не без подачи Алёны мы начали говорить о её диссертации, о том, как рождалась тема исследования. Рассказывая о нём, Алёна совсем была не похожа на тех людей, которые ничего не хотят знать кроме учёбы и работы. Как только мы заговорили о Высшей народной школе, о её первых впечатлениях об этом «образовательном братстве» – взгляд девушки «устремился» чуть вверх и лёгкая улыбка появилась на лице.

– Первые занятия. Они вели себя как маленькие дети, которые пришли в первый класс. У них как будто бы не было никакого понятия о дисциплине... Когда они опаздывали, заходили в аудиторию одетые или с одеждой в руках, шумели и разговаривали во время лекции – меня это огорчало. Теперь они уже не такие. «Повзрослели!» (улыбается). И мы им в этом помогли. Но всё-таки не это самое главное... Позже я поняла, что они все – «маленькие дети», или люди, которые с удовольствием и не без лукавства принимают на себя эту роль. Во всяком случае они вполне искренни в своём стремлении познавать новое. У них детская страсть к общению, причём не к пустой болтовне, а к общению, когда один человек с другим делится интересными мыслями, помогает с помощью слов овладеть каким-нибудь творческим делом или необходимыми навыками. Находясь здесь, люди чувствуют, что они кому-то нужны, и очень благодарны за это окружающим их людям...

Слушая её взволнованную речь, наблюдая за тем, как девушка преобразилась, я понял, что для неё эта работа, как говорится, «не для галочки». Это – новые впечатления, новые знания, которые у неё никогда не будут храниться в «пыльном чемодане». Её улыбка была улыбкой человека, довольного тем, что он может заниматься тем, что ему нравится, который может с чистой совестью пытаться реализовывать себя, вне зависимости от шлагбаумов, которые пытается ставить жизнь.

Вскоре тема учёбы ушла сама собой, и с Алёной стало настолько легко разговаривать, что мы уже вместе вспоминали свою школу, учителей, поступление в университет, даже игровые приставки, которые были популярны у нашего поколения. Словом, мы рассказывали друг другу о своей жизни.

Алёна родом из деревни Олха, которая находится в 15-ти километрах от Шелехова. В школе из-за скромности она старалась избегать участия в различные мероприятия. Да кто из нас не боялся того, что учитель возьмёт и назначит вас на какой-нибудь «пост» или даст задание отвечать за какое-нибудь дело, как говорят тинэйджеры, «не в жилу» или «внапряг». Окончив школу, она поступила в академию и стала учиться на социального педагога. Спустя три года, она поняла, что не будет работать по специальности.

Тут впору начинать сожалеть о зря потраченных годах, поломанной жизни, но это не про неё. Она уверенно продолжает учёбу и параллельно работает в Центре развития творчества детей и юношества в Шелехове.

– Я точно знаю, что не пойду работать социальным педагогом, – говорит Алёна. Буду искать себя в другом месте. Но полученные знания мне обязательно пригодятся. Я научилась наблюдать, анализировать.

Например, когда ко мне приходит ребёнок, я могу уже по его поведению определить – живёт он с мамой или бабушкой, какое у них благосостояние, насколько он воспитан...

«Почему когда мы разочаровываемся в выборе профессии, мы сразу падаем духом, начинаем жалеть себя и не можем посмотреть на это с другой стороны. Ведь это полезный опыт, знания, есть много сфер, где мы можем себя реализовывать?» – думал я, слушая Алёну.

А она продолжала:

– Чувство самореализации – это очень важное чувство. Если человек познал его, то он всегда будет стремиться вновь к нему (повторить свой успех!), несмотря ни на что...

Хочешь, расскажу тебе секрет – любой человек никогда всего, чего он хочет, не успеет сделать в своей жизни. Надо что-то выбирать одно и доводить это до конца. Это же элементарно. Если я хорошо работаю, то значит у меня западает учёба, если всё отлично с учёбой – значит я не очень хорошо работаю. Поэтому никогда не надо суетиться...

Алёна иронично улыбается, как будто смеётся над постоянно спешащими людьми, которые пытаются всё успеть, и всё-таки мало чего успевают сделать в этой жизни.

Академия почти пуста. Пока мы шли после окончания беседы к гардеробу, не встретили ни одного студента. Оказывается, мы разговаривали довольно долго, поэтому женщина, работающая гардеробщицей, отдавая куртку Алёне, недовольно ворчала:

– Написано же, забирайте вещи до 18.50, в семь часов гардероб закрывается!

Виновато улыбаясь, мы выходим на улицу.

– А знаешь, я тут начала учить датский язык, – вдруг проговорила Алёна.

– Ого, тебе он интересен?

– Да... с детства люблю сказки Андерсена. Хочется прочитать его в оригинале... – сказала она на прощание и пошла неспешно в сторону цирка.

Я стоял ошарашенно на месте, глядя неотрывно ей вслед, и думал: «Ей это интересно! Для неё не существует таких соседей по жизни, как скука, беззаботность. Она стремится к узнаванию новых и неизвестных вещей. Она учит датский язык. И она им обязательно овладеет. Я не могу в это не верить. Всё самое простое и важное в нашей набирающей обороты жизни находится рядом. Каждому важно сделать шаг, открыть глаза и понять, что

все материальные вещи, которыми мы обладаем – важны, но не на столько, как поиск себя. Это намного более привлекательное занятие. Оно должно быть основным у человека всю жизнь, если он, конечно, ощущает себя человеком!».

Встреча с этой удивительной девушкой помогла мне немного иначе взглянуть на себя и окружающих людей. Безусловно, мы все вынуждены думать о том, как уютнее и комфортнее устроиться на этой земле. Но жизнь слишком быстротечна, чтобы только этому посвящать то счастливое мгновение бытия, которое нам кто-то неведомый даровал. Например, для того, чтобы отвоевать для себя и своих близких больше полезных квадратов жилья, лучший кусок пищи... В конечном итоге человек всё же не таракан или кошка, который метит и охраняет свою территорию от посягательства других биологических особей. Не помню, кто сказал однажды, что «пришедшего из тьмы – поглотит тьма забвения, рождённому на свет быть светом вечно суждено...».

Поиск себя важнее, чем зарабатывание денег, повышение по службе, новая машина, новый кухонный гарнитур у соседей. Ибо иметь всего подобного в достатке невозможно в пустоте, которую и представляет из себя нечто жующее, завидующее, загибающее, производящее телодвижения. Она, эта пустота, кажущаяся себе человеком – бездонна. И только ищущий себя как человека способен упорядочить этот ненасытный процесс. Сделать из телесной пустоты духовную сущность, которая в этом случае обязательно обретёт себя в чём-нибудь конкретном (ребёнке, доме, книге и т.п.), которое позволит сказать: «Это сделал человек!».

Алёне это прекрасно известно. Она находится в поиске и не боится ничего нового. Когда же мы поймём, что пора искать себя? Пожалуй, этому стоит поучиться!

Александра Бендер

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

Идя на встречу с Анатолием Викторовичем Волчуком, я думала, что сегодня возьму интервью у одного из самых интересных слушателей Высшей народной школы (ВНШ). Но с первых секунд разговора с ним я забыла напрочь о своих заготовленных в блокноте вопросах. Анатолий Викторович оказался настолько увлекательным и азартным собеседником, что моё запланированное интервью превратилось в дружескую беседу. С её первых минут стало понятно, что отличительной чертой этого уже далеко не молодого, но всё-таки «юноши» является блистательная самоирония.

Меня до встречи с «Викторычем» (так в ВНШ зовёт его ближайшее окружение) предупреждали, что этот человек – настоящий кладёзь юмора, способный в одно мгновение сочинить короткую эпиграмму, вспомнить «к месту» забавный случай из собственной жизни или жизни знаменитых писателей. И всё-таки в первые минуты разговора меня смущали его «со смешинкой» глаза, блуждающая по лицу улыбка, манера растягивать слова, как будто человек, произносящий их, силится припоминать по ходу разговора их содержание. Да и весь его облик от «юношеской лысины» до действительно юношеского не по годам хрупкого телосложения не совпадал в моём представлении со стереотипом мужчины «третьего возраста», который

должен быть обязательно грузноват, медлителен и желателно с палочкой в руках. Словом, передо мной был персонаж из известного кинофильма «Потерянное время». То есть этакий старичок в школьной форме. Так что ничего удивительного, что он, разменяв седьмой десяток лет, пришёл учиться в Высшую народную школу.

Анатолий Викторович первый раз услышал о школе по городскому радио. Информация о существовании такого учебного заведения его очень заинтересовала. Он понял, что это может быть то место, в котором будут собираться люди, не спешащие на пенсионный покой. А также то, что такая школа может быть не только источником новых знаний для тех, кто не хочет ни в чём «отстать» от молодых, но и новым источником общения, которого при энергичном характере Анатолия Викторовича ему так всегда не хватает. А где новое общение, там и возможность найти единомышленников, многие из которых по разным причинам были к тому времени подрастеряны в его жизни.

Вот с таким непоседливым собеседником столкнула меня судьба. Смешно, но со стороны, наверное, было похоже, что взрослый мужчина увлечённо беседует с внучкой, причём «внучка» больше слушает своего почтенного «дедушку», чем задаёт вопросы.

Но мне, правда, было интересно узнать, что все родные Анатолия Викторовича, прожили долгую жизнь. Его отец до конца жизни обладал хорошей памятью. Мать также долго прожила. Сам Анатолий Викторович считает, что человек жив, пока интересуется жизнью вокруг себя, пока он ходит на работу, общается с друзьями и родными. Если человек в третьем возрасте (т.е. после выхода на пенсию) сам запирает себя в «четырёх стенах», как он выразился, «в компании с четвероногим другом и телевизором», то он обрекает себя на быстрый уход из этой жизни. Сначала он как личность – носитель духовных и социальных ценностей – исчезает для мира и окружающих. Затем его духовная и социальная смерть стремительно превращается в физическую.

Анатолий Викторович убеждён (и это подтверждает опыт успешного существования Высшей народной школы!), что в его поколении немало людей, которым всё в этой жизни, несмотря на возраст, интересно. Причём этот интерес не пропадает с годами и временем. С точки зрения моего собеседника, в России таких людей становится всё больше:

– Чтобы поддерживать их, нужны такие школы, как наша. Но они должны быть государственными! То есть инициатива должна идти не только от кучки энтузиастов, хотя они тоже должны быть, а от государства, но почему-то оно не заинтересовано в этом...

Не правда ли, с этими словами Анатолия Викторовича сложно не согласиться? Как и с тем, что, глядя на таких жизнерадостных, активных, любопытствующих слушателей ВНШ, невольно «спотыкаешься» о

собственную мысль: «А ведь они во много раз моложе душой некоторых из нас, молодых!». И даже прописные истины, о которых говорил со мной Анатолий Викторович, из его уст воспринимались как откровение. Например, что образование должно помогать человеку формировать свой социальный образ на протяжении всей жизни, и тогда человек будет приносить посильную помощь обществу до конца своих дней. Примеров в истории человечества тому немало. О том, что забота о старшем поколении в цивилизованных обществах всегда лежит на младшем. Но если государство не выказывает своим законодательством, грамотно организованной социальной политикой уважения к людям третьего возраста, оно подаёт дурной пример молодым – относится к ним как к обречённым на дожитие, а не на полноценную жизнь после выхода на пенсию. Кстати, один из популярных девизов ВНШ «На пенсии жизнь только начинается!»

Высшая народная школа для Анатолия Викторовича важная, но не единственная образовательная страсть. По его выражению, он «похаживает» в городской философский клуб, который уже несколько лет существует на философском факультете Иркутского государственного университета. Он давний и постоянный поклонник деятельности общественной организации «Байкальская экологическая волна», а значит, непререкаемый участник всех акций в защиту Байкала и вообще экологии Сибири. Наконец, он автор пародий и стихов, многие из которых, особенно на острые политические темы, с большим удовольствием публиковались в различных областных оппозиционных газетах.

Владимир Дмитриевич Крестьянников, один из членов литературного клуба ВНШ, который Анатолий Викторович посещает с первого дня его возникновения, когда речь у нас зашла о «школьном поэте», заметил:

– Когда Викторович по каким-то причинам не приходит на наши еженедельные встречи, возникает определённая пустота, которую никто уже заполнить не может, хотя в клубе много талантливых людей. И дело не только в том, что Анатолий – мастер эпиграмм, которые сочиняет «на лету» в уме и тут же зачитывает тем, кто «попался ему на перо». Кстати, многие об этом мечтают, потому что эпиграммы у него совсем не злые, по-настоящему товарищеские... Анатолий имеет удивительную способность примирить спорящих (так сказать, снять «психологическое напряжение»), а спорим мы часто, потому что обсуждаем творчество разных писателей, и естественно, точки зрения могут не совпадать...

Талант поэта-импровизатора и гражданская зрелость Анатолия Викторовича не раз выручала Высшую народную школу. Так было, когда одному из её слушателей надо было летом 2010 года выступить на акции протеста в защиту законных прав преподавателей Восточно-Сибирской государственной академии образования на выбор ректора из состава вуза.

Он за несколько часов сочинил блистательный памфлет в стихотворной форме, который потом прочел с «трибуны» стадиона «Труд». А потом, в сентябре 2012 года, на презентации ВНШ г. Иркутска на Международной акции ЮНЕСКО «Неделя образования взрослых» в России в Санкт-Петербурге, а затем в Киеве, делегация школы читала его стихи, и, по их словам, выступление имело успех.

Когда мы после полуторачасовой беседы прощались с Анатолием Викторовичем, он мне на память подарил одно из стихотворений о Высшей народной школе. Строчками из него мне и хотелось бы закончить свой рассказ об этом удивительном человеке:

*Сегодня у нас вечер выпускной,
Очередной учебный год кончается,
Мы с вами, как все школьники весной,
Немножечко грустим, как полагается.
Учились мы усердно целый год,
Мы, как рабы, пахали на галерах,
И наш премьер пусть пальцы-то не гнёт
И не пугает нас своим примером.
Что толку от того, что он пахал?
Живём мы так же плохо, как и жили.
Вот если б в ВНШ он к нам попал,
То мы б его работать научили.
Он понял бы, что наш пенсионер
Ещё и молодым дать может фору,
Увидел бы наш доблестный премьер:
Не все ещё попрятались по норам.
На многое способен наш народ;
Из каждого, кто в ВНШ учился,
(Коль я не прав, пусть гром меня убьёт),
Министр бы отличный получился.*

Дарья Смирнова

А В НЕЙ ОГОНЬ...

Шум голосов переполненной аудитории не мог заглушить её голоса. Ровного, мягкого, слегка томного. На лице не шевелится ни один мускул, но голос выдаёт все эмоции сполна. Когда Валентина Моисеевна Атутова говорит о любимом деле, о литературе и о своей преподавательской деятельности, голос её «взлетает», а если же речь идёт о каких-то далёких моментах из прошлого, то «падает», превращаясь в сдержанное повествование. А когда разговор заходит обо всём, что связано с детством и семьей, её слова становятся протяжными, как будто человек, произносящий их, улыбается, хотя этого не видно.

Первая наша встреча произошла на очередном заседании литературного клуба Высшей

народной школы. Небольшая тесная аудитория, в которой собрались, как говорится, «все свои». Спокойная, дружественная обстановка, заинтересованный обмен репликами, искренне – улыбками, понимающими взглядами создавали атмосферу, в которой любой человек будет чувствовать себя уверенно и комфортно.

Валентина Моисеевна выступала с лекцией-беседой о творчестве поэта Велимира Хлебникова. Перед её выступлением нас представили друг другу, мне нужно было договориться с ней о встрече для интервью. Она посмотрела на меня вкрадчиво, тепло, но с небольшой опаской. Мне показалось, что она пытается понять, какая я, можно мне доверять или нет. Но как только она заговорила – всё моё напряжение спало: меня успокоил её «ровный голос», в котором не слышалось ни одной агрессивной нотки. И, несмотря на то, что она постоянно путала моё имя, называя Ксюшенькой, я мгновенно поняла, что разговор у нас обязательно состоится.

И вот пришёл день нашей беседы. Пойдя наперекор своей непунктуальности, я подроспела как раз к концу общешкольной лекции, после

которой и должно было состояться интервью. Огромная аудитория амфитеатром была полной, я искала глазами свою героиню, но тут она сама окликнула меня с первого ряда. Я удивилась, что она запомнила моё лицо и без труда узнала. Мы забралась почти на самый верх и начали разговор. Без жеманства, без эффекта «раковины» Валентина Моисеевна начала рассказывать мне историю своей жизни.

В середине беседы я заметила, что у моей героини удивительный взгляд. Противоречивый. Глаза добрые и спокойные, но они будто горят изнутри. В них и богатый внутренний мир, и интеллект, и жизненный опыт, и многогранность личности. А ещё я уловила в них искорки протеста. Нет, не того, что мы называем придирчивостью или вечным недовольством. Тут нечто иное. Валентина Моисеевна на все вопросы имеет свою, ни от чего и ни от кого не зависящую точку зрения, и если она слышит высказывание, с которым способна поспорить, то она спускает «речь с поводьев», чтоб та неслась стройным, красивым, изящным галопом. Вот здесь я увидела не только человека, который больше сорока лет преподавал русский язык и литературу, но и тот блеск борьбы в глазах, о котором говорила ранее. И всё это лишь с той целью, чтоб сделать мир лучше, чтобы приобщать каждого из нас к прекрасному, чтобы передать нам свой драгоценный опыт. Она увлечена и неравнодушна, а это именно то, чего не хватает нашему поколению.

После окончания интервью мы ещё немного побеседовали на отвлечённые темы, я поблагодарила её, она, в свою очередь, улыбнулась и пожелала мне удачи. На этом мы попрощались и разошлись, оставив, мне хочется верить, друг о друге приятное впечатление.

Александра Бендер

ЗНАТОК РУССКОГО СЛОВА

*«Он обладает не только чувством пластики,
но обладает и музыкой текста»*

В. Лучинин

Очередная встреча слушателей Высшей народной школы (ВНШ) с иркутским писателем Анатолием Григорьевичем Байбородиным проходила в Восточно-Сибирской государственной академии образования 15 марта 2012 года.

По традиции слушатели приветствовали появление писателя в аудитории стоя. Первое впечатление: маленький человек в большом зале, заполненном до отказа взрослыми людьми, как кораблик, сделанный из тетрадного листа на байкальских волнах... Боязно – потонет!

Но вот этот человек, действительно невысокого роста, заговорил, и волны из людских голосов успокоились. В наступившем «штиле» явственно слышался немного картавый голос Анатолия Григорьевича, и... писатель на глазах становился как будто бы выше ростом, тёмные глаза заискрились мыслью – его слушали затаив дыхание.

О чём говорил Анатолий Григорьевич? Конечно, о самом главном в его жизни – литературе. Писатель и журналист в ней не новичок. Сидящим в зале хорошо было известно, что его книги издаются не только в Иркутске и Москве, но и печатались за пределами нашей страны. Анатолий Григорьевич успел поработать журналистом в различных газетах Восточной Сибири. Был период, когда преподавал в Иркутском государственном университете, где вёл мастер-классы для начинающих писателей. Занимал ответственные посты в Иркутской писательской организации, был главным редактором художественно-публицистического альманаха «Созвездие дружбы», исколесил с делегациями сибирских писателей весь бывший Советский Союз.

И вот теперь этот известный писатель дружит со слушателями Высшей народной школы, с которыми регулярно встречается с 2009 года. Нечастые их встречи имеют свой особый сокровенный смысл и для писателя, и для слушателей. У той и у другой стороны всегда есть вопросы друг к другу. Вот и на этой встрече слушатели интересовались тем, какие его новые книги вышли или готовятся выйти в свет, как складывается в целом его творческая жизнь, что он думает о духовности русской литературы, не «умрёт» ли книга в привычном формате, не выдержав конкуренции с электронными своими аналогами, и многие другие.

«Читатель, читая книги, становится писателем», – сказал он перед представлением своей книги «Не родит сокола сова». Она вышла совсем недавно в московском издательстве. Вместо гонорара издатель расплатился с ним частью тиража. Так что деньги, за которые позже слушатели покупали его новую книгу, стали своеобразной частью его, надо полагать, не очень-то большой заработной платы.

Он также признался, что любит больше, чем все другие виды «культурной информации», т. е. художественных книг, газет и т.п., конечно, книги. Общение с которыми начинается с прикосновения к ним. Это, по мнению писателя, особый таинственный акт, особая культура, которая, к сожалению, утрачивается. Встреча с новой книгой – это предвкушение встречи с неизвестным. Она может понравиться, а может и не понравиться. Но это всегда попытка сомыслия, заочная встреча с автором, причём, возможно, с тем, кто уже давно закончил свою земную жизнь, а значит это встреча поколений.

Особенность русской литературы, на его взгляд, заключается в том, что лучшие её образцы – это, в той или иной форме, размышления о духовности человеческого бытия. А значит они имеют религиозную основу. В связи с этим, заметил он, его сегодня волнует проблема взаимодействия языческого и православного мировоззрения в современной русской литературе.

Анатолий Григорьевич уделил большое внимание в своей беседе вопросу о настоящей русской литературе и об её отличии от современного массового «суррогата», продаваемого сейчас в книжных магазинах. Эта литература имеет одну единственную цель – зарабатывание денег и, чтобы достичь этого, не гнушается ничем. Авторы этих книг часто пользуются запрещёнными приёмами и, подобно жёлтой прессе, апеллируют к низменным инстинктам человека, развращают сознание и чернят душу примитивным «одноклеточным» мышлением героев, помыслы которых ограничены бытовой, материальной стороной жизни человека.

На традиционный вопрос «О чём вы пишете сейчас?» Анатолий Григорьевич ответил:

– В своих книгах я пытаюсь передать своё ощущение русской деревни, быта, русских людей. Меня интересуют характеры и нравы людей,

которые сегодня живут в деревне. Ведь я сам родом из деревни Сосново-Озёрск. Мне кажется, что я чувствую уникальность простого деревенского языка, знаю особенности русского народного быта, который по мере сил сохраняет деревня. В общем, я пишу о том, что хорошо знаю, что продолжает «питать» моё творчество...

Слушая эти слова писателя, я почему-то вспомнила, что откуда-то знаю – большинство предисловий к книгам Анатолия Григорьевича написаны Валентином Григорьевичем Распутиным. Видимо, это не случайно, ведь персонажи его книг очень похожи на героев книг В. Шукшина, В. Астафьева, В. Распутина, они несут в себе что-то настоящее, русское, давно утерянное, сначала за годы советской власти, а теперь уже в наше время...

Мои размышления прервали дружные аплодисменты. Это ещё одна традиция ВНШ: так в этом неформальном учебном заведении благодарят лекторов. После того как встреча закончилась, я наблюдала, как около Анатолия Григорьевича ещё долго толпились слушатели школы. Некоторым из них он подписывал свои книги, с другими, таким как Анатолий Викторович Волчук, – один из активистов ВНШ, продолжал о чём-то беседовать. По лицам людей было видно, что они не спешат расставаться, пытаются продлить драгоценные мгновения общения с ним, словно перед ними был не обыкновенный иркутский писатель, а какое-то духовное лицо, призванное прояснить в их жизни что-то важное, не поддающееся логике современной нашей жизни.

Когда я попросила Александра Иннокентьевича Гордина, руководителя литературного клуба ВНШ, показать дарственную надпись на книге «Россия древняя и вечная», составителем и редактором которой был Анатолий Григорьевич, мне врезались в память запечатлённые бисерным почерком на пожелтевшей от времени бумаге слова: «Другу и брату по странному литературному ремеслу! Храни тебя Бог!». Позже, заглядывая в другие дарственные надписи, я обратила внимание, что при их разном содержании все они заканчивались именно этими тремя словами, которые из уст писателя звучали как заклинание, чтобы мы не забывали, что и кто является основой нашей духовности и культуры.

Александр Богачёв

ПЕСНЯ ОСТАЁТСЯ С ЧЕЛОВЕКОМ

Люди меняются, но песни остаются с ними. Может измениться возраст, социальный статус, характер, мировоззрение, но если уж человек полюбил когда-то песню, она навсегда остаётся с ним. Поэтому у каждого поколения своя музыка, свои шлягеры.

Вспоминаются слова, спетые Эдуардом Хилем: «Через годы, через расстоянья, На любой дороге, в стороне любой, Песне ты не скажешь: «До свиданья», – Песня не прощается с тобой!». И те, кто действительно понимает закономерность этих строк, всегда с упоением наслаждаются любимыми мелодиями. Другое дело, если песни эти становятся непопулярными и никому не нужными. Как быть, если хочется петь, причём

петь любимое, то, что носишь в сердце большую часть жизни, а нет того, кто поддержал бы это желание?

Для таких любителей, у которых «душа поет», в Высшей народной школе существует хоровая студия, ведёт которую Ксения Баркова. Любой слушатель высшей народной школы может ненадолго сменить ампула и стать исполнителем, придя на занятия в эту студию.

– Наши занятия проходят очень просто, – делится методикой работы Ксения, – вначале небольшая распевка, буквально на 15 минут, потом разучиваем какие-нибудь классические программные произведения, а в конце поём то, что нравится самим хористам.

И эта последняя часть, наверное, самая главная для людей третьего возраста. Им не так интересна хоровая классика, которую нужно исполнять для того, чтобы научиться петь. Гораздо интереснее, когда «прорываются наружу» те песни, которые не умолкают в их душе с молодости. И именно этим нравятся занятия всем, в том числе и руководительнице.

Ксения говорит: «Иногда бывает, что приходишь на занятия с плохим настроением, но когда видишь радостные, улыбающиеся лица, все проблемы отходят на задний план».

В репертуаре хоровой студии есть разные песни. Даже классические трёхголосные произведения таких композиторов, как Шуман, Рахманинов, и других. Но, как признаётся молодой хормейстер Ксения, она старается выбрать что-то попроще, ведь среди её учеников – слушателей ВНШ – ни у кого нет музыкального образования.

Выбор профессии для Ксении был прост⁷. После школы она поняла, что кроме музыки, которой она занимается с детства, ей больше ничего не нравится. Но делать какую-то музыкальную карьеру Ксения стесняется. Ей, как человеку скромному, не по нраву особо выделяться: она решила стать учителем музыки, вернее, преподавателем хора. И поэтому, когда появилось предложение получить педагогическую практику в Высшей народной школе, Ксюша, не задумываясь, взяла на себя эту работу. И как признаётся сейчас, ни разу не пожалела.

– Мне интересно, когда людям нравится то, что ты им даёшь, – делится она своими соображениями, – прежде всего, это серьёзная практика, после которой не страшно и не стыдно будет выходить к детям. А после получения диплома я, скорее всего, пойду вести хор в какую-нибудь школу. Но и Высшую народную не брошу.

Первые занятия хоровой студии прошли в ноябре 2010 года. С этого времени хористы уже успели выучить хороший репертуар, с которым могут давать небольшие выступления. Разумеется, уровень их исполнения не такой, как у профессиональных хоров, но важно совсем не это. Главное, чтобы люди пели, чтобы они обретали в этом какую-то гармонию, избавлялись с помощью музыки от одиночества и обыденности.

Ксения вспоминает, что очень волновалась перед первой встречей с будущим хором. И они волновались не меньше, думали, что петь возьмут только самых способных. Но взяли всех желающих, потому что в хоре главное не умение петь, а желание научиться. А более опытный товарищ всегда поддержит и подскажет, как надо исполнять музыкальную партию правильно. Есть среди посещающих занятия и такие, которые занимались музыкой. А вообще людей с хорошим слухом примерно столько же, сколько и «гуляющих по соседям».

Самое интересное в этой ситуации то, что учитель в два-три раза моложе своих учеников, но, тем не менее, отношения «отцов и детей» никак не сказываются на процессе. Наоборот, хористы даже иногда называют свою молодую руководительницу на «вы» и всегда внимательны к каким-то теоретическим вещам.

– Они в вокале не сильны, поэтому слушают меня внимательно, – объясняет Ксения, – в этом процессе важно, чтобы было чему научить.

⁷ В момент написания материала Ксения училась на пятом курсе Восточно-Сибирской государственной академии образования. Сегодня, т.е. в 2015 году, со слушателями ВНШ в хоровой студии занимается новое поколение - Валентина Мамошина и Анастасия Смолей, студентки теперь уже Педагогического института ИГУ.

И это действительно так. Узнавать что-то новое от того, кто моложе тебя, – тоже хорошо. Пусть в данном случае у учителя нет того жизненного опыта и мудрости, которыми обладают её ученики, это не мешает передавать музыкальные знания, которыми она обладает. К тому же иногда не нужно никаких знаний. Достаточно просто петь, а в песне стираются границы возраста, пропадает разница поколений. Ведь хор – это единое целое.

Любовь Чернова

ПИСАТЕЛЬ ДУШИ

*Да будет в радость это бремя –
Христу молитвою служить...
О дай, Господь, ещё нам время
Для очищения души.*
В. К. Забелло

28 марта 2012 года для слушателей Высшей народной школы города Иркутска стало Днём поэзии. Школу посетил член Союза журналистов России, председатель Иркутского отделения этой общественной организации, поэт Василий Константинович Забелло.

Судя по большому количеству слушателей, собравшихся в аудитории № 316, можно было догадаться, что они эту встречу ожидали с нетерпением. Ученики школы, многие из которых по возрасту были ровесниками поэта, до того как он вошёл в учебный зал, имеющий классическую университетскую форму полуамфитеатра, оживлённо переговаривались, теребя в руках книжки стихов В. Забелло, а их взгляд проявлял неподдельный интерес к предстоящему событию.

Ожидания их не обманули. На кафедру взошёл мужчина, имеющий прямую осанку (про такую обычно говорят – военная выправка), густую, посыпанную снегом седины шевелюру и твёрдый, спокойный взгляд немного прищуренных острых «охотничьих» глаз. Когда Василий Константинович заговорил, аудиторию

огласил низкий, чуть приглушённый голос, похожий на голос проповедника, привыкшего вещать в храмах. Всё это вместе взятое говорило о наличии у поэта особого, благородного сибирского характера.

Писатель рассказал, что родился в посёлке Утулик, который находится на берегу Байкала. Первое стихотворение «Ностальгия по юности», которое прочёл писатель, было поэтическим рассказом о малой Родине. Потом звучали стихи о животных, природе, людях, чувствах. Строки лились сами собой из уст поэта, увлекая нас своими живыми и красочными картинами простой жизни.

Уже с первых минут встречи стало ясно, что Василий Константинович уделяет в своём творчестве особое внимание духовной теме.

– Духовные стихи приходят не сразу, – делился своими мыслями с собравшимися поэт, – рождению многих из них предшествуют долгие годы размышлений, иногда драматические события личной жизни или жизни общества.

И как подтверждение этого на встрече прозвучали такие его стихотворения, как «Отец Назарий», «Исповедальное». От их одухотворённых строк веяло теплом и искренностью... Это помогло настроиться слушателям на соответствующий уровень общения с писателем, задавать ему не только традиционные личные, но и общественно значимые вопросы.

Например, один из первых вопросов был таким, на который не каждый умудрённый жизненным опытом человек сможет ответить: «В чём, по вашему мнению, смысл жизни?».

Василий Константинович не растерялся и, на мгновение задумавшись, в ответ процитировал святого Серафима Соровского: «Смысл в стяжании духа святого». Поэт пояснил, что чем чище становится человек, тем больше его жизнь обретает смысл. Он напомнил нам о фильме «Остров», где монах произносит строки: «Не страшно умирать – страшно перед Богом со своими грехами стоять». И заканчивая ответ, прочитал собственное стихотворение «Кукушка», в котором есть строчки:

*Кому поёт? Кому кукует? –
Годов, дорог не сосчитать...
А мне бы жизнь прожить такую,
Чтобы не стыдно было умирать.*

Писатель поведал, что крестился он только в 38 лет, т.к. в советское время вера была под запретом. Читал о Боге у Л.Н.Толстого и даже стал на время «толстовцем». В тот период жизни он понял, что первый грех человека – это гордыня. Затем по просьбе слушателей прочёл стихи о Байкале, с которым у него связана вся его жизнь: Василий Константинович и его семья до сих пор живут в посёлке Утулик:

*Мы в городах подичали
Среди бетона и машин.
В миру не высказать печали,
И потому я здесь один.*

*Спасай, Байкал! Пусть автострада
Меня обходит стороной.
Душа тебе, как прежде, рада,
Твоею дышит глубиной.*

Слушатели, вдохновленные философией поэта, продолжали задавать глубокие, всеобъемлющие вопросы, такие, например, как: «Что такое счастье?». На что писатель ответил, что сама этимология понятия «счастье» указывает на то, что оно – это часть или, точнее, частица чего-то. По его мнению, желание счастья – это желание быть частицей Бога. И в этом мы все едины. И поэтому же идеи, например, К. Маркса и В. Ленина удовлетворить невозможно, потому что они, как и многие другие, ориентированы на достижение некоего абсолютного и потому абстрактного, безраздельного счастья (в виде социальной справедливости!) для всех. Нужны те ценности, с которыми ты лично будешь чист перед Богом, будешь стремиться стать своей собственной его частицей.

Не обошли стороной в своей беседе слушатели и тему влияния средств массовой информации на жизнь общества. Василий Константинович негативно отозвался о работе современного российского телевидения, по которому, как он выразился, «показывают сплошные скандалы», а самое удобное эфирное время занимают телепередачи низкого интеллектуально-духовного уровня наподобие телевизионного шоу «Пусть говорят».

Встреча с Василием Константиновичем была настолько насыщена разнообразными и интересными его высказываниями, что невозможно все их отразить в коротком репортаже. Мне лично ещё запомнились его размышления о свободе. В частности, он заметил, что сегодня человеку «необходимо научиться быть свободным от различных «оков цивилизации»: курения, алкоголя, наркотиков и других искусственных регуляторов своего психофизического состояния». «Ведь если я, – говорил он, – несвободный, значит уже несчастный. Человек тот красив, который счастлив».

А самым «юморным» мне показался ответ на вопрос: «Перед кем Вам приходилось выступать?». Писатель, не моргнув глазом, ответил, что видел разные аудитории, но самая тихая и внимательная была в сумасшедшем доме. И в доказательство того, что юмор не чужд его творчеству В. Забелло прочитал несколько своих иронических стихов.

В конце встречи Василий Константинович, видимо, под впечатлением того, что он выступает в Восточно-Сибирской государственной академии образования заметил: «Человек, который имеет образ Божий, тот и

является образованным». Я думаю, что встреча с В. К. Забелло нашла отклик в сердце каждого, кто пришёл на неё. Возможно, она помогла некоторым из них, как и мне, задуматься ещё раз о главных ценностях жизни человека. Такие люди, как поэт Василий Забелло, словно рентгеновский луч просвечивают нашу душу и видят то, о чём мы боимся лишней раз подумать. Мне кажется, что в наше время люди стали забывать, что есть «святость», «добро». Они боятся верить в Бога, сомневаются, что он услышит их. Но кому как не поэту будить уснувшие сердца!? – В этот вечер Василий Константинович поделился своим светом со всеми нами, и его стало немножечко больше на нашей планете.

Елена Пешкова

ПРИСТАНЬ АЛЫХ ГРЁЗ

*«Я понял одну простую истину; она состоит в том,
чтобы делать чудеса своими руками»*

А. Грин. «Алые паруса»

«Мечта» – единственное слово, которое «проходит» сквозь столетия и эпохи, не покрываясь толстым слоем пыли, не набрасывая на себя серую тень и не переставая жить и дышать. Она тянется тонкой, но прочной цепочкой белоснежных перьев, под своим крылом давая приют вечным спутникам-сёстрам Надежде и Вере. Пока она улыбается и манит, читатель недоумённо оглядывается по сторонам в поисках третьей сестры. Где же Любовь?.. Именно на этот вопрос попытался ответить театр кукол «Аистёнок» своей необычной постановкой «Пристань алых грёз».

Слушатели Высшей народной школы образуются не только на лекциях и семинарах. С любопытством они ожидали небезызвестное произведение

«Алые паруса» Александра Грина в интерпретации театра кукол. Но разве

могли они хотя бы предположить, каково будет их впечатление? Давно известный сюжет в кукольном исполнении – чего можно было ожидать? Признаюсь, и я задавалась этим вопросом. Однако появившаяся информация о том, что эту постановку признают самой масштабной за всю историю театра, лишь усилила мой интерес. Было обещано живое музыкальное сопровождение рок-группы «Аистёнка», а также использование современных спецэффектов. Общий бюджет такой постановки составил более одного миллиона рублей!

Милая девочка Ассоль, ждущая своего принца, но не на белом коне, а на корабле с алыми парусами. Бездушный трактирщик Меннерс, всеми силами пытавшийся заполучить её. Артур – тот самый «принц», которому предстоит разглядеть собственное счастье. Такая расстановка сил в привычной трактовке ни у кого бы не вызвала удивления. Но чего стоит постановка, когда она не открывает новые грани, иные возможности, свежее видение? Стоило в зале погаснуть свету, смолкнуть разговорам – к каждому зрителю лёгкой дымкой начало пробираться настоящее таинство. Начиная с первой же метафоры – пленницы женской души – стало понятно, что ничего скучного, пережёванного и надоевшего нам не будут преподносить, выдавая за своё прочтение. Как только появляется Ассоль и начинает делиться с нами своими переживаниями, своими мечтами и надеждами, мы верим ей. Перед нами стоит не просто актриса в костюмчике, читающая наизусть монолог, а настоящая, искренняя Ассоль. Мы смотрим ей в глаза – и как будто видим её душу. Камерность и уют самого помещения приближает её к нам. Мгновение – и между нами нет преград, как между актёром и зрителем. Она любезно, по-дружески, пытается поведать нам свою историю. А мы медленно пробуждаемся, как распускаются лепестки нежного бутона, и начинаем чувствовать. Подкупающая теплота убаюкивает нашу настороженность, и мы уже безраздельно доверяем тому, что происходит на сцене. Поэтому мы уже видим в куклах не бездушные игрушки, а отблеск тёплого, щемящего грудь детства. К тому же и сами куклы сделаны просто мастерски! Чувствуется, что их тела, а значит и души творили настоящие профессионалы... Вот Ассоль, закрывающая своё лицо от ветра игрушечной ручкой, стоит на берегу. А толстопузые обрюзгшие мужланы в трактире высмеивают её мать, работая пивными кружками, как вилкой и ложкой. Мы видим действительность, переданную пусть не настоящими, но очень похожими «человеческими копиями». Именно в этом и состоит секрет этих кукол – в них есть жизнь. Поэтому смотреть за их игрой интересно не только детям, но и взрослым.

Появление долгожданного принца подковывается зажигательной песней, что вызывает бурю эмоций и заметное оживление в зале. Артур 21-го века ни кто иной, как вокалист рок-группы. Неожиданно? Да! Скучно? Уж точно нет! Если учесть, что в основном эта постановка рассчитана на

молодёжь, то такой ход весьма уместен и, более того, успешен. Присутствующим высокообразованным лицам он тоже не кажется выбивающим. Не знаю, в чём заложено сие волшебство, но все ходы так плавно перетекают один в другой, что это организует некую гармонию.

Благодаря чудесам техники, все зрители имели возможность посмотреть «живой альбом». На протяжении всего спектакля замечательные картины дополняли ощущение чего-то сказочного, волшебного. Они, сопровождаемые прекрасной мелодией-лейтмотивом, наряду с актёрами рассказывали нам прекрасную, трогательную историю маленькой девочки. Плывущий корабль, звуки моря, уникальные декорации – всё это рождало настоящее чудо. Однако, как утверждает Грин: «Есть не меньшие чудеса: улыбка, веселье, прощение, и – вовремя сказанное нужное слово. Владеть этим – значит владеть всем». И эти слова были найдены и, как зёрна, посеяны в сердце каждого присутствующего в зале. Стоило мне оглянуться, как я увидела, что из обыкновенных зрителей все превратились в участников. Глаза присутствующих чувственно поблёскивали, и было видно, как пассивная роль наблюдателя была «сброшена», а вместо неё велась активная душевная работа. Никто не сидел без дела – деревянных сердец в этом зале не нашлось.

Конечно, усилила общий эффект финальная песня, исполненная Ассоль и Артуром. Ведь во все времена признавали, что музыка намного лучше передаёт наши чувства. Я заметила, что это правда – и душа каждого потянулась к влюблённым и уплыла с ними на прекрасном корабле под алыми парусами. Наверное, самое прекрасное в этой постановке то, что этот спектакль пробудил заброшенные мечты, что стали черстветь под гнётом времени. Труднее стояла задача у зрелого поколения – в отличие от молодёжи, что ещё не успела покрыться налётом повседневности и разочарований, им приходилось заново открывать в себе то, что было позабыто.

После этого спектакля у каждого была возможность обсудить свои ощущения, поделиться своими мыслями и вступить в полемику. Желающих оказалось много – не менее чем ползала. И это с учётом того, что время спектакля составило 2 часа 50 минут! Хочу отметить, что все отзывы были только положительными, даже более того – восторженными!

– Мы решились на эксперимент – постарались найти баланс, чтобы было интересно посмотреть и молодёжи, и более опытному зрителю, – говорит режиссер Юрий Уткин.

Баланс, безусловно, был найден. Душа каждого присутствующего расправила свои паруса и поплыла по морю своей мечты.

Но где же любовь? А любовь и есть – мечта. Самая настоящая, искренняя, земная и небесная одновременно, порой такая сложная, но такая манящая. Спектакль не подарил нам любовь, но указал направление. Любовь – это та далёкая пристань для нашего корабля, куда каждый стремится попасть. Если в качестве компаса будет выбрано наше сердце, то мы никогда не собьёмся с намеченного маршрута.

Мария Жилина

ШКОЛА, ОСВЯЩЁННАЯ РАДУГОЙ

Второй день марта 2012 года выдался очень тёплым и солнечным. Ярко-жёлтый автобус с надписью «дети» направляется к станции «Батарейная». По дороге пассажиры далеко не детского возраста с волнением репетировали подготовленные песни и стихотворения, замечая каждую мелочь, каждую погрешность в своём исполнении. Глядя на энергию и юношеский энтузиазм выступающих, можно было подумать, что это школьники едут на творческий вечер. И ведь это почти так!

Тем временем в школе № 36 станции «Батарейная» уже собрались желающие послушать и приобщиться к такой интересной общественной инициативе, как Высшая народная школа Иркутска. И хоть долгая дорога и ожидание в городских пробках утомили наших путешественников, все они сразу оживились, увидев, как их встречают у крыльца школы доброжелательные люди.

– Мы очень рады, что вы откликнулись на предложение побывать у нас в гостях! С Ольгой Васильевной Гординой, членом совета директоров

Высшей народной школы, нас нечаянно свела судьба на одной из проверок средних учебных учреждений города. Тогда-то она и подарила нам идею – присоединиться к такому необычному проекту или даже начать проводить у себя подобные занятия, – произнесла короткую приветственную речь Валентина Тимофеевна Кузьмина, директор школы.

Затем пришёл черед гостей. Ими был показан трёхминутный ролик о жизни школы, в котором рассказывалось о разнообразных лекционных и клубных занятиях. Например, о том, что в школе преподают английский язык, страноведение, прикладную психологию, компьютерную грамотность и многое другое. А также о том, что в рамках проекта люди пенсионного и предпенсионного возраста (от 50 лет и старше) встречаются в клубах любителей кино, литературном, любителей вязания, вышивания, в хоровой и хореографической студиях, в кружках рисования, живописи и т.д. Заключительным аккордом этой самопрезентации стали стихи и песня в исполнении делегации ВНШ «Красно солнышко».

Рассказом о школе встречу продолжила Ольга Васильевна Гордина:

– Наша школа открылась 21 февраля 2009 года. Времени на рекламу у нас, к сожалению, не было, и всё, что успели сделать – дать небольшую заметку в газете «Восточно-Сибирская правда». На первую встречу в актовом зале ВСГАО пришло где-то 30 человек, а вот уже первую лекцию посетило около 60 слушателей. Лучше всякой рекламы сработало «сарафанное радио»! С тех пор мы «растём», не переставая. В этом году на открытии нового учебного года было зарегистрировано 400 человек, из них около 100 человек новеньких...

Уже с самого начала школа обзавелась собственным особым знаком – радугой. Первые слушатели, пришедшие на занятие в феврале 2009 года, заметили на небе над Ангарой редчайшее для этого времени года явление – зимнюю радугу! С тех пор это своеобразный символ проекта, который воодушевляет и объединяет всех его участников. Он стал частью герба школы. Ещё одна особенность ВНШ в том, что каждый четверг в 16.00 все слушатели собираются в одной аудитории на лекционном занятии, которые проводят на добровольческих началах интересные педагоги, творческие деятели и государственные служащие Иркутска. Эта традиция помогает никому не теряться и всегда быть в курсе всех изменений, происходящих в школы. Традиционными также стали праздничные мероприятия по открытию и закрытию учебного года, день рождения ВНШ, коллективное празднование Нового года, выходы в театры и на природу, трудовые десанты на садоводческие участки тех слушателей, которые не имеют возможности в одиночку справиться с тяжёлыми сезонными «огородными делами», участие в городских общественно полезных акциях, например, по уборке города. Традиции такого рода деятельности каждый год умножаются и развиваются.

– Нам очень важно, чтобы наши слушатели получали удовольствие от занятий, чтобы у них появлялись новые друзья, они ходили на концерты, спектакли, в походы. Ведь в таком возрасте просто необходимо общение, – продолжает Ольга Васильевна. – Одним из любимых у слушателей является специальный курс «Твоё здоровье в твоих руках», который ведёт Ольга Николаевна Ивлева, человек, который уже 30 лет занимается оздоровлением и продвижением идеи активного долголетия. После её занятий все, кто посещает этот курс, выходят из спортивного зала такими посвежевшими и помолодевшими, что, глядя на них, сердцем радуешься! Также большое удовольствие доставляют рисование, вышивание, вязание. И результаты впечатляющие!

В подтверждение своих слов Ольга Васильевна продемонстрировала вязаную шаль, которую ей подарила одна из «учениц». Гости привезли с собой работы – прекрасно исполненные крючком салфетки, платочки и даже зонтик, а также живописные полотна. По всему было видно, что начинающие художники очень любят пейзажи и натюрморты – их было большинство. Работать предпочитают в разных техниках: карандаш, мокрая акварель, пастель. Глядя на их картины и рисунки, с трудом верилось, что авторы до занятий в народной школе никогда не рисовали.

– Времени не было, – немного смущаются слушатели. – А вот теперь, на пенсии своим некогда дремлющим в подсознании способностям есть возможность больше уделять внимания...

Слушая женщин, невольно думалось: «Но ведь помимо времени нужно ещё желание, «запал» что-то делать, творить?». Очевидно, в этом-то школа и помогает: слушатели занимаются вместе, поддерживают друг друга, трудятся под руководством молодых и талантливых преподавателей – всё это позволяет становиться более уверенными в себе и в своих творческих возможностях.

А хочется, судя по словам гостей, всё большего и большего! Например, помимо английского и немецкого слушатели теперь хотят изучать еще французский и... даже китайский или, например, стать более юридически грамотными.

– Нет более «высшего образования», чем то, которое даёт новый шанс для саморазвития. Высшая народная школа – просто новый этап в жизни людей, появление нового жизненного смысла, суть которого заключается в том, что каждый из них начинает осознавать, что он после себя оставит, что сама человеческая жизнь может и должна быть своеобразным красивым творческим произведением, – комментирует Ольга Васильевна.

То, что школа постепенно становится социально значимым проектом, стало понятно из рассказа Нины Григорьевны Увакиной, один из организаторов концертов слушателей в различных общественных организациях и государственных учреждениях, занимающихся поддержкой

детей и взрослых, оказавшихся в трудной жизненной ситуации (сироты, дети-инвалиды, бывшие алкоголики, наркоманы и др.). Так, «бригада артистов» ВНШ неоднократно выступала перед «жителями» социального поселения «Исток». К работе ВНШ приобщился мэр Иркутска Виктор Иванович Кондрашов⁸, недавно встречавшийся со слушателями. Гости не без удовольствия рассказывали, что он был искренне удивлён, увидев, какое количество людей посещают школу, и вместо запланированных сорока минут беседовал со слушателями два часа, чем весьма озадачил сопровождающих его лиц. А потом изъявил желание помогать школе и даже преподавать в ней. «Теперь я знаю, куда буду ходить в старости!» – пошутил (а может быть, и нет!) мэр.

Когда пришло время задавать гостям вопросы и делиться мнениями об услышанном и увиденном, учителя школы и приглашённые на встречу из числа ветеранов станции «Батарейная» поинтересовались, много ли мужчин среди «учеников». Оказалось, что немного, но они всё же есть, и их из года в год больше. Причём они в отличие от некоторых слушателей занятия посещают регулярно. На встрече присутствовал один из них, гордость школы – Владимир Иванович Арсеньев, который посещает огромное количество занятий и всегда участвует во всех праздниках и мероприятиях.

– Не стоит стесняться своего возраста. – заметил Владимир Иванович, – начинать учиться тому, к чему давно «тайно сердце лежит», никогда не поздно. Для завсегдаев школы пенсия – это не конец, а начало жизни, появление новых возможностей её обустроить более интересно, то есть стать ещё более интересными для своих родных, близких, знакомых. Например, мы все гордимся нашими детьми, но и они хотят гордиться родителями! Им тоже хочется говорить: «А моя мама ходит учиться рисовать, петь, танцевать, писать стихи, работать на компьютере!».

– Мы можем теперь свободно общаться с внуками, ведь информация, которую мы получаем в школе, – новейшая и современная, – поддержала Владимира одна из слушательниц ВНШ. – Без шуток можно сказать, что бабушка сейчас – носитель самой актуальной информации! Важное преимущество обучения в школе – это то, что, например, мне теперь общаться с близкими людьми стало интереснее. И им, думаю, тоже...

– Народная школа действительно дарит то, за что многие люди третьего возраста искренне говорят «спасибо»: за шанс «не доживать, не выживать, а реализовать то, что не успели в силу своей занятости», – сказала Валентина Тимофеевна в конце встречи. А жители макрорайона «Батарейная» своё особое «спасибо» подарили гостям за то, что они

⁸ На момент написания статьи мэром г.Иркутска был В.И.Кондрашов

откликнулись на их просьбу поделиться опытом. Ведь в наше время, когда люди, раздираемые бытовыми и социальными проблемами, продолжают отдаляться друг от друга, так важно те немногие позитивные общественные инициативы поддерживать. Хочется верить, что у участников встречи за «круглым столом» впереди много совместных дел. Ведь новые друзья ВНШ «унесли» с неё с собой желание жить ярко, а слушатели и преподаватели «увезли» на солнечно-жёлтом автобусе радость от того, что их дело нужно людям и есть надежда, что оно получит продолжение не только в их сердцах и душах, но и делах.

Владимир Семнадцатый

О ВРЕМЕНИ И СЕБЕ

Родился я в Иркутске в 1937 году в семье военнослужащего. На одном месте военные долго не живут, и поэтому до 17 лет, когда я жил с родителями, мы несколько раз меняли место жительства.

Родители мои были трудолюбивыми и, не имея высшего образования, имели большую тягу к учению – они постоянно учились на каких-то курсах, в кружках. Эти черты их унаследовал и я.

Правда, семейная жизнь у моих родителей не сложилась: отец в 1970 году ушёл из семьи. Это на всю жизнь легло тяжёлым камнем мне на сердце.

Из военных лет в памяти остались большие чёрные тарелки – репродукторы, из которых знаменитым голосом Левитана звучало: «От Светского информбюро... На южных фронтах велись ожесточённые бои... противником на поле битвы оставлено 310 трупов...» (Я никак не мог понять, о каких

«трубах» идёт речь). Наша семья и семьи наших родных и знакомых постоянно находились в тревожном ожидании писем с фронта. Помню отцовские письма-треугольники, в которых он сообщал о фронтовых буднях и которые оканчивались примерно так: «... Мы обязательно

разобьём немецко-фашистских гадов и снова будем вместе!» Вспоминаю, с какой радостью мы встретили сообщение об окончании войны. В этот день мы с сестрёнкой прыгали на кровати с криками: «Сегодня папа приедет!».

Папа не приехал, а вызвал нас в Кишинёв на его место службы, куда мы и приехали в 1946 году. С тягостным чувством мы созерцали через окно вагона разрушенные и сожжённые города и сёла. Кишинёв был также очень разрушен.

В школьные годы я много читал. В младших классах – сказки, приключенческую литературу, а также А. Гайдара, Б. Полевого, К. Фадеева, Н. Островского... Любимыми книгами были «Повесть о настоящем человеке», «Чапаев», «Два капитана», «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия»... В 16-18 лет очень любил произведения А. М. Горького. Занимался физкультурой (гимнастикой, стрельбой), был активным комсомольцем.

Отец мой, страстный охотник, иногда брал меня на охоту, но, увидев однажды, как я со слезами гладил зайца-подранка, оставил это дело. В дальнейшем я вообще стал ярким противником охоты, и сейчас советую своим товарищам-охотникам, уж если так сильно хочется охотиться – делайте это с фоторужьем.

Помню всенародный траур в день смерти И. В. Сталина. В нашей семье не было, к счастью, репрессированных; родители мои всегда были лояльны к партии и правительству; но меня коробило излишнее восхваление вождя (в песнях, книгах, по радио...), я считал нескромным то, что его портреты размещались во всех мыслимых и немыслимых местах (в один из праздников в ночном небе Кишинёва я видел огромный освещённый прожекторами портрет генсека, поднятый аэростатом). Но в день его кончины 5 марта 1953 года мне было его по-человечески жалко.

А вот ещё несколько картинок школьного периода:

– Мои родители с соседями (в руках ручки и бумага) ждали у репродуктора сообщение о новом снижении цен – это происходило ежегодно в марте-апреле;

– В 1953 году мы со школьной экскурсией побывали на озере Селигер. Красивейшие места – зеркально-тихая гладь озера, прелестный среднерусский лес, глухие болота, и среди них небольшая деревянная будка. В полу будки квадратное отверстие, в водной поверхности которого бурлился слабенький родничок – это был исток нашей великой реки Волги. Подумалось мне, что поистине всё могучее, огромное, мощное начинается всегда с чего-то небольшого.

– В 1947 году в Кишинёве по дороге в школу я увидел, как по улице вооружённые солдаты вели в наручниках группу гражданских лиц, среди которых были женщины и дети. Прохожие говорили: «Они сотрудничали с оккупантами». А детей мне было жаль.

– В 1952 году мы гостили у деда в деревне Новгородской области. Рано

утром стук в окно: «Кузьмич, пора на работу!» Дед со своей дочерью (моей тётёй) каждый день усталый возвращался поздно вечером. На один трудовой день в колхозе им выдавали 0,5 кг гороха. Тогда я наглядно ощутил, как жестоко эксплуатировали колхозников.

Школу я окончил с хорошими отметками и в 1954 году поехал в Ленинград продолжать обучения. Так я «вышел» в самостоятельную жизнь. Я был одновременно начитанным и наивным; патриотом, во многом воспринимающим мир через «розовые очки»; ответственным комсомольцем, воспитанным на традициях ВЛКСМ.

Вероятно, Господу было угодно, чтобы я не попал в ВУЗ, а поступил учиться в техническое училище на токаря-универсала. В 1954 году впервые в СССР были открыты технические училища, куда принимали после окончания средней школы. До этого рабочим профессиям обучали в ремесленных училищах и в училищах ФЗО, куда был организован приём с неполным средним образованием. Это был по сути дела своеобразный отсев подростков из неблагополучных семей, хронически неуспевающих и из детских домов, а также из многодетных семей, испытывающих крайнюю материальную нужду... В общем, выпускники таких училищ в народе были известными хулиганами, драчунами и шпаной.

Через год я окончил с отличием техническое училище по специальности токарь-универсал, стал работать на Невском машиностроительном заводе, одновременно поступив на заочное отделение Северо-Западного политехнического института.

Я всегда с благодарностью вспоминаю своих преподавателей технического училища, которые грамотно и терпеливо учили нас своему мастерству, воспитывали в нас профессиональную гордость рабочего человека. Кстати, на заводе я ближе узнал работающих рядом выпускников ремесленных училищ. Это были неплохие ребята, работяги, правда, очень матерились, многие курили и все не прочь были выпить. Я с ними дружил.

Затем два года службы в войсках ПВО. Служба моя в Советской армии проходила в Заполярье под Мурманском. В памяти навсегда осталась неотразимая красота природы этих северных широт. Сопки с причудливыми скальниками, изумительные закаты и восходы солнца, неповторимой прелести северные сияния – эти картины забыть невозможно.

И вот первый наряд на кухню. Мои сослуживцы из наряда, ленинградские призывники – парни шустрые и тёртые мигом разобрали все «тёплые» места на кухне. Мне досталось самое непопулярное место – кочегарка. Старший повар окинул меня оценивающим взглядом. Почему-то, вероятно, я, как говорят сейчас, прошёл у него фейсконтроль, и он, не нагружая меня вводным инструктажем, лишь проговорил: «Заготовь дрова и ложись отдыхать, а к растопке я тебя разбужу». Не имея никакого представления, сколько надо дров для приготовления пищи на 300 человек, я быстрехонько набросал небольшую охапку дров и со спокойной душой прилёг в кочегарке.

В полночь я проснулся от толчка в плечо и громкой рулады нецензурщины в свой адрес. «И это все твои дрова, салага?!...», – орал повар. И вот спешно в темень нам с ним пришлось носиться по части, разыскивая и выламывая на растопку какие-то доски, пилить и колоть чурки. Заготовили две солидные копны дров. Затопил две топки под котлы с кашей и водой. Повар подавал мне команды на трубе, проложенной от кухни наверху в кочегарку. Команда: «Шуруй!», и изо всех сил шуровал. На душе спокойно и радостно от завораживающей игры огня в топках. Новая команда: «Гаси топку!» Я быстро хватаю ведро воды, махом выплёскиваю воду в огненную пасть топки и заглядываю туда. Моё лицо сразу обдаёт жаркая струя тепла с паром, и в миг лицо приобретает серовато-грязный цвет. Вытираю пот с лица, и оно становится схожим с боевой маской североамериканских индейцев. Сквозь смог вижу, что пламя стало угасать, и я решил, что топка погашена. И здесь до моего слуха доносятся топот сапог бегущего ко мне повара и его стандартные маты. Уже потом я усвоил, что сначала надо убрать из топки горящие поленья, а уже потом плескать туда воду. В общем, каша наша пригорела. Вдобавок уже в обед наверху на кухне я по ошибке потушил плиту под компотом вместо плиты под супом. В результате ЧП – часть завтракала и обедала на час позднее. А капитан медицинской службы, принимающий пищу у поваров, увидел мою размалёванную физиономию, приказал: «Этого с кухни убрать!».

От пережитых стрессов и физического напряжения к ужину я еле волочил ноги. Как это часто бывало, природа не позволяла мне окончательно упасть духом. Выйдешь из душной прокопчённой кочегарки на свежий воздух, а кругом – изумительные сопки; удивительная лесотундра, поражающая всеми цветами радуги; чистое, прозрачное, как родник, полярное небо, и на душе становилось теплее.

Ко всем моим злоключениям у меня пропал колун, что выяснилось при сдаче дежурства. Это вызвало очередной приступ ярости у повара. Дело в том, что на территории части находилось много служебных помещений и казарм с печным отоплением, поэтому топоры и колуны были в цене. Мои товарищи по взводу успокаивали меня, заверив, что колун они достанут. Они действительно спёрли для меня где-то колун.

В конце дежурства мой повар немного остыл и уже миролюбиво произнёс: «Слушай, мне осталось служить 2 месяца, и ты уж, пожалуйста, не приходи в моё дежурство».

Со временем служба научила меня многому, такие казусы случались всё реже; много позабылось, но этот мой первый наряд навсегда остался в памяти.

Когда я рассказал эту историю зятю, он резюмировал: «Да, не в наше время ты служил, а то досталось бы тебе от дедов по полной». Наверное, мне действительно повезло, что в наше время не было этой отвратительной дедовщины, и, дай бог, чтобы она навсегда исчезла из нашей армии.

А жизнь текла своим путём. Работа по сменам на заводе, учёба на заочном отделении, а затем в вечернем институте. Время бежало быстро, но его хватало и на общение с товарищами, на музеи, кино, на вечера рабочей молодёжи, которые прекрасно организовывал ленинградский комсомол.

В 1960 году переехал к родителям в Иркутск, где работал на ИЗТМ им. Куйбышева, а в 1963 году, окончив институт, поступил работать в научно-исследовательский институт (НИИ). Я уже был женатым человеком, надо было содержать семью, а также зарабатывать квартиру (в НИИ такая перспектива была).

Начался новый этап жизни. Интересная научная работа (в области металловедения), частые командировки во все концы страны, конференции и семинары, изучение английского языка...

Приобрели дачный участок, и я стал приобщаться к работе на земле. В эти годы стал ходить с товарищами в тайгу, которую я страстно любил.

Перестроечные годы встретил с энтузиазмом – хотелось верить, что, сохраняя светлые идеалы коммунизма, страна сможет найти свой путь устранения всех тех недостатков, которыми мы так «обросли» за годы советской власти. Однако всё оказалось гораздо сложнее и непредсказуемее.

В 2002 году по ряду обстоятельств я ушёл из НИИ, потом работал в охране и токарил до 2007 года. И с этого момента пошёл новый отсчёт времени – я свободен от работы на производстве и могу полностью располагать своим временем. Я согласен с утверждением, что быть пенсионером – это искусство. Я знаю, что некоторые пенсионеры (в основном пенсионерки) закабаляют себя заботами о детях и внуках, что некоторые пенсионеры спиваются, для других основной целью жизни стало лечение, и их разговоры посвящены лишь своим болезням, кто где и как лечит...

Разумеется, у советского пенсионера много проблем, в том числе и «букет заболеваний». Цены растут быстрее, чем надбавки к пенсии, мы не в состоянии совершать турне по другим странам, как это стало модно у зарубежных пенсионеров-туристов. И я встречал людей своего возраста, которые прямо упиваются всем этим негативом, и разговоры их, и мысли только об этом.

Но я всегда восхищаюсь другими пенсионерами, которые не потеряли интерес к жизни, посещают разные клубы, кружки, увлекаются искусством, поддерживают своё здоровье соответствующим образом жизни, находят радость в общении с природой на дачах и в тайге. Во всём этом нам очень помогает Высшая народная школа. Здесь удивительно трогательное отношение к нам – пенсионерам. Такое отношение и возможность общаться по интересам является мощнейшим средством повышения нашего жизненного тонуса.

Моё отношение к религии

Моя бабушка по матери была верующей, учила молиться, водила в церковь на причастие. Тайно от отца – коммуниста меня окрестили. Мне рассказывали, что во время войны я молился за своих родных на фронте по-своему – по-детски: «Боженька, спаси моего папу, дядю Гришу и дядю Володю!» Все трое вернулись с войны; правда, были ранены.

Затем пионерия, в комсомолу я стал атеистом. Но где-то с 80-х годов моё отношение к религии стало меняться. Трудно сказать, почему это произошло? Возможно, это возрастное, когда человек чаще задумывается о смысле жизни. Несомненно, повлияла и перестройка, когда кончились гонения на религию и священнослужители стали появляться на экранах телевизоров. Конечно, это и своеобразный «результат» моего увлечения эзотерической литературой, а также книгами В. Лигре об Анастасии из серии «Звенящие кедры России». Я считаю, что Бог один, т. е. не может быть Творца православного или мусульманского, или буддийского...

Мои любимые молитвы: «Отче наш» и «Молитва ... старцев», а также собственные молитвы. Они мне очень помогают в жизни, заряжая оптимизмом, положительной энергией, укрепляя силу духа.

Моё отношение к КПСС

Я был очень активным комсомольцем. На Кировском заводе в г. Ленинграде мне предлагали вступить в партию, но я ещё был не готов к этому. При работе в НИИ я посещал открытые партсобрания, мне они нравились. Искренне верил в великую силу социалистического соревнования (в капиталистическом понимании – это конкуренция) и много сил отдавал его организации, был ударником коммунистического труда и неоднократно победителем социалистических соревнований года. Тогда же подал заявление с просьбой принять в ряды КПСС. Но в то время существовала разрядка по приёму в партию из среды интеллигенции, и я в эту разрядку не попадал.

Я до сих пор верю в идеалы коммунизма, но считаю, что наши партийные руководители были нередко увлечены борьбой за власть, излишне честолюбивы, по большому счёту не жили жизнью простых людей. Ими было совершено много ошибок. На совести партийных боссов тысячи погибших и раненых наших молодых ребят в Афгане, и, тем не менее, идеи коммунизма для меня священны. На всех выборах я всё-таки считаю самой достойной партией коммунистов и голосую за неё.

Об алкоголе

Я стал выпивать понемногу где-то с 16-17 лет. Выпивка веселила, на душе становилось спокойнее, лучше, общение с людьми знакомыми и незнакомыми приносило радость.

Так продолжалось до 80-х годов. Я стал замечать, что меня уже тянет к алкоголю, его мне не хватало. Решил взять его под контроль. Здесь были разные варианты: не пить совсем, пить только пиво, пить только по большим праздникам и т.д.

Но всё было понапрасну, во мне шёл какой-то физиологический неуправляемый процесс тяги к этому зелью. Самое отвратительное, что я стал уходить в запои – мог пить по 15-30 дней подряд. А это – неприятности на работе, проблемы со здоровьем. Но всё-таки разумные силы помогли мне встряхнуться, собраться с мыслями. Я увидел, что мои знакомые товарищи по выпивкам почти все ушли в мир иной в возрасте 50-65 лет. Чтение книг об Анастасии, знакомство с В. Г. Ждановым – страстным пропагандистом здорового образа жизни, убедили меня, что для моей природы самое эффективное – это сухой закон, которому я сейчас и следую. Посещение Высшей народной школы (для меня 4 раза в неделю) и встречи там с интересными людьми, участие в работе садоводческих клубов «Гармония» и «Органического земледелие», дача и тайга, литературная деятельность – для меня иммунитет против алкоголя.

Немного о личной жизни

Как и всякому юноше, мне в своё время нравились девушки, и я кому-то нравился, но взаимности не получалось до 1960 года. В этот год на Иркутской танцевальной площадке ЦПКиО я встретил свою большую любовь – Верочку. Мы поженились, вырастили двух дочерей и неплохо прожили до 2004 года, когда жена скорострительно скончалась, через два года я попытался создать новую семью, но не вышло.

Я уверен – люди должны для полной гармонии обязательно жить парами, и не теряю надежду встретить свою вторую половинку. В своих мечтах я вижу, как мы любим друг друга и вместе нам очень интересно; мы вместе трудимся на даче, ходим в тайгу, на лыжах; в зимнее время посещаем театры, музеи, выставки; совместно творим добрые дела, стараясь в своём окружении создать пространство любви.

Большую радость доставляет мне общение с внуками. Их у меня двое. Конечно, их проблемы – это проблемы родителей и мои проблемы. Они растут добрыми, уважаемыми ребятами. Очень хочется передать свой жизненный опыт им.

ПРОЗА

• **Отрывок из повести**

Владимир Крестьянников

КАНИКУЛЫ НА ТУНГУСКЕ

Глава четвёртая

Арина работала всю свою жизнь, кроме работы она ничего не помнила. Работала в детстве, работала в юности, да и после замужества работа была её главным занятием. Муж жалел её, стараясь всю тяжесть бытия взять на свои плечи, оставив для жены что полегче. Но разве есть в деревне лёгкая работа? А быть женой охотника – всегда тяжкий труд. С осени и до весны муж в тайге на промысле, и вся тяжесть домашней работы ложится на женские плечи. А летом: огород, скотина, покос, жатва и десятки других мелких забот по хозяйству. Нередко и на охоту ходила Арина, чтобы не разлучатся с мужем. Стреляла не хуже любого мужика и сети ставила, и заездки рубила, всякая работа кипела в руках Арины.

Удивлялись деревенские бабы, чем смог увлечь первую красавицу пришедший с фронта старший лейтенант Пётр Алымов невысокого роста, да к тому же эвенк по национальности. Но Арине

приглянулся этот невысокий, крепко скроенный молодой охотник. Прошли десятилетия, подросла дочь, но они всё так же нежно обожали друг друга. Вот и ещё одного наследника собирается подарить Арина своему Сергеевичу. Запоздали немного, но кто осудит два любящих сердца, что так поздно ещё раз улыбнулось им счастье.

Всё было хорошо, да вот напасть какая, хотела Арина чугунок с варёной картошкой поднять, чтобы свиней накормить, и вдруг хрустнуло что-то в спине. Боль разлилась по низу живота, да такая острая, пронизывающая боль, что еле до кровати доползла бедная баба. А тут, как на грех, дома нет никого, Сергеевич в магазине охотников отоваривает, сезон ведь скоро, а Катюха по своим девичьим делам по посёлку шастает. Устроилась Арина поудобнее в постели, и провалялась весь день, боясь пальцем пошевелить. Под вечер заглянула соседка по какой-то нужде.

– Ульяна, что-то прихватило меня, до магазина дойди Петра покличь, не посчитай за труд.

– Может, помочь чем, травки, какой заварить, я мигом.

– Нет, ты Петра позови, или, может, Катюху встретишь, ушла куда-то и душа не болит у девки. Ты что приходила, может, что нужно?

Ульяна махнула рукой и скрылась за дверь. Неплохой бабой была Ульяна, да жизнь не жаловала её, муж был запойным: и работающий, и лицом пригож, но любил водку, как олень кусок соли. А под хмельком любил Терентий покуражиться. Все свои обиды, которые всплывали в хмельном мозгу, и действительные, и придуманные, решал с помощью кулаков. А кулак у Терентия с хорошую кувалдочку. Кто испытал вес его кулаков, может подтвердить. Был у них сын, да по глупости утонул в прошлом году. С тех пор совсем свихнулся Терентий.

Лето напролёт пьёт, а Ульяна в слезах, нечёсаная, в грязном, старом халате бегаёт по соседям, ища защиты и умиротворения. Но, как только открывался охотничий сезон, преображался Терентий. Кормил и холил собак, закупал провиант, бегал по посёлку помолодевший и какой-то обновленный. Он спешил в тайгу, как в спасительную обитель, словно только тайга могла излечить его от недуга.

Отличный охотник был Терентий, любил он тайгу, и она отвечала ему взаимностью. Даже в самые неурожайные годы, когда приходили охотники с промысла налегке, Терентий приходил не с пустыми руками. Многие прощали ему мужики за его охотничий талант.

Пётр Сергеевич пришёл домой вместе с дочерью, не раздеваясь, бросился к кровати.

– Что с тобой, Аринушка, схватки начались? – он гладит её волосы, заглядывает в глаза, словно надеясь увидеть в них ответ на свой вопрос.

– Рано вроде бы, а что-то скололо всю поясницу, пошевелиться не могу. Там на полке у меня сирень настоящая, натри мне поясницу.

– Катя, сходи за Екатериной Михайловной, – повернулся Пётр к испуганной дочери, – попроси, чтобы пришла, не верю я в эти настойки. Я натру, а вдруг при беременности нельзя.

Дочь ушла, а Пётр Сергеевич достал из-за печки черную бутылку, понюхал, поморщился.

– Подождём Ариша, сейчас Михайловна придёт, а то, не зная, помажем, как бы лиха не случилось. Подождём, косатушка.

Он ласково гладит Арину по голове, поправляет подушку, весь какой-то виновато-расстроенный, этот всегда спокойный, уверенный в себе человек. Наклонился к печке, не понимая, что она холодная, подбросил дров, долил чайник и поставил на печку. Потом опять склонился к изголовью жены.

– Что-то Катюхи долго нет, может, мне самому сбегать? – он поднялся, собираясь идти, но на крыльце послышались шаги. – Кажется, идут, потерпи, Аринушка.

В дверях показалась дородная фигура поселковой повитухи. Она сразу заполнила половину горницы, а от низкого, почти мужского голоса, кажется, задрожала посуда в буфете.

– Ну что разлеглась, никак собираешься опростаться? Рано, милая, рано! Чем занималась, никак мешки таскала, тебе как раз в твоём положении.

Она сбросила с плеч какую-то фуфайку, наверное, копалась в огороде, подошла к рукомойнику.

– Дай-ка, Сергеевич, тряпку, руки вытереть, да идите с Катюшей во двор. Мы тут сами с Ариной разберёмся рожать нам или повременить.

Пётр Сергеевич с Катей вышли на крыльцо, сели на ступеньки, прижавшись друг к другу. Вечер был тёплым, ещё совсем летним, лишь иногда вечерний ветерок дышал прохладой. Мычали где-то ещё

недоенные коровы, лаяли собаки, да монотонно стучал в кузне припозднившийся кузнец. Милые звуки русской деревни.

Вся жизнь прошла у Петра в этом посёлке под аккомпанемент этих звуков. Здесь он родился, здесь охотились его родители, отсюда ушёл он в армию. Окончил годичную школу, а там фронт, фронтовая разведка, кровь, госпиталь. Господи, как снились ему на госпитальной койке родные места, даже Трезорка, его любимая собака, и та прибежала по ночам в его солдатские сны. Многих друзей похоронил Пётр Сергеевич, ох, многих оставил в чужой земле. А сам пришёл, через всю Европу добираясь до этих мест, сколько стран повидал и только здесь вновь почувствовал себя дома. Какое это счастье: родной дом, семья, друзья к которым прикипел сердцем с далекого детства, вот эта речка и тайга на том берегу. Как тосковал Пётр по своей тайге, по зимовьюхе, что притулилась в распадке у Золотого ключа. Полжизни прожил в той зимовьюхе. Катя хлюпает носом на плече у Петра Сергеевича.

– Ты что, дочка, сырость разводишь? Скоро мамка нам парня родит, братишка у тебя будет, счастье-то какое.

– Да, я ничего, папаня, мамку жалко, боль-то какая, вон, она как побледнела, хоть и вида не показывает.

– Сильная у нас маменька, Катя, – тихо молвит Пётр Сергеевич, чувствуя, что у него что-то запершило в горле...

Старый охотник отвернулся от дочери и протёр пушинку, попавшую в глаз. На крыльцо вышла Михайловна, потопталась, словно что-то вспоминая, потом снова направилась в горницу, через минуту вышла с фуфайкой в руках.

– Знаешь, Сергеевич, везти надо Арину в леспромхоз, там акушерский пункт, врач есть, а я ей помочь не смогу. Чугунку она подняла, вот и надорвалась. Беречь надо бабу, эх, грехи наши тяжкие, – крестится старая повитуха. – Вези, Петя, нельзя медлить, – тихо добавила Михайловна и пошла за калитку. Потом вернулась, как будто что-то вспомнила. Лучше водой, быстрее будет.

– Как же водой, – соображает Пётр Сергеевич, – скоро совсем темно станет. До утра ждать тоже не резон. За полтора часа на моторке с Божьей помощью доберусь. Нет, надо ехать.

Светило упало за горизонт, но небо ещё светлое, а макушки деревьев купаются в последних лучах солнца. Осенний день уходит на покой. По Тунгуске шустро скользит моторка, разрезая тёмно-фиолетовые воды. От холодной воды – мурашки по телу. Пётр Сергеевич прикрыл жену плащом, чтобы холодные брызги не

беспокоили больную. Арина прикрыла глаза и как будто дремала, но иногда, видно от боли, судорога искажала прекрасные черты лица.

– Прикрой лицо, дорогая, – предложил Пётр Сергеевич, – с полчаса потерпи, скоро приедем.

Арина молчит, широко открытыми глазами она нежно смотрит на мужа. Постарел её Пётр, а какой был мужчина. Эх, годы, годы, что вы с нами делаете? Арина вспомнила, как встречала деревня своих солдат, вернувшихся с фронта.

Их ждали с утра. Бабы накрыли столы скудной снедью, но мясо, рыбы, самогонки было достаточно. Мужики с утра ходили навеселе, поглядывая за реку, не покажутся ли дорогие гости. Но задержались в городе фронтовики, и там были старые друзья ещё по школьным годам, кого пощадила война.

Ближе к вечеру на противоположном берегу показались два всадника. Первыми, как всегда, увидели фронтовиков мальчишки, закричали, замахали майками пацаны. И тут с берега раздались выстрелы, это мужики, похватав ружья, салютуют защитникам, вернувшимся домой.

Кажется, боль, раздирающая тело женщины, немного опустила. А лодка бежит, чуть покачиваясь на волнах. И снова сладкие воспоминания трогают улыбкой губы женщины.

По броду лошади перешли реку, и солдаты оказались среди родных и близких. Улыбки, крепкие объятия и слёзы. Ну, как же без слёз в такой момент. Любят наши бабы поплакать: и с горя, и с радости, от безумного смеха, и задушевной песни плачут русские бабы. Рождаются со слезами, живут с мокрыми глазами и умирают, не успев вытереть слёз.

За столом Арина оказалась напротив Петра Алымова. Невысокий, крепко скроенный старший лейтенант, казалось, не обращал внимания на красивую таёжницу. Офицерская форма ладно сидела на нём, на груди скромно поблёскивал орден Красной звезды. Рубиновый цвет ордена был почти незаметен на кителе. Никакой позолоты, только рубиново-красный цвет войны.

– Что-то скромно, Пётр Сергеевич? – указывая глазами на грудь, смеётся Арина.

Пётр поднял глаза, два черных, бездонных омута и как-то по-хорошему улыбнулся.

– По Сеньке и шапка, красавица! Кто что заслужил, тем и бренчит. Был у нас повар, полный иконостас носил, да что-то никто не завидовал. Но и я в кусты не прятался, поверь на слово, и перед начальством шапку не ломал.

– Ох, и въедлива ты, Аришка, – вступился за товарища друг детства Витька Кузаков, – вернулся домой солдат, руки, ноги целы, а тебе ещё и ордена подавай. Ну, кончились ордена, не хватило на всех, теперь что и домой не появляйся? А ты его, Ариша, без орденов полюби.

Арина вдруг покраснела, хорошо, в сумерках никто не заметил, как растерялась эта бой-девка.

Гуляли долго, пили много, слушали рассказы фронтовиков, и плакали бабы, не у всех вернулись кормильцы. Во многих домах без отцовского пригляда подрастали пацаны. Остались семьи без мужских рук, значит, впрягайся снова баба, как в военное лихолетье, гни хребет, и нет тебе, бедной, заменушки. Расходились под утро, хмельные, полусонные, кто с песней, а кто и со слезами.

Терентий Рыбин, огромный, давно не стриженный, в белой рубаше с порванным рукавом, шёл по середине улицы, что-то напевая. Он был изрядно пьян, что соответствовало его повседневному состоянию. Его молодая жена шла следом с хворостиной в руках, перелопачивая в памяти перипетии минувшего вечера.

Аришка со своей подругой Верой Селезневой остановились у кузаковской баньки, что стояла на самом косогоре над рекой.

– Ты что такая дёрганая сегодня? – смеётся Верка, приводя в порядок развязавшиеся опорки на чирках.

– Тише ты, иди сюда, – Арина увлекает подругу в тень предбанника.

Зашуршали подвешенные веники, загремела под ногами шайка. Девчонки притихли в темноте, оставив дверь полуоткрытой.

– Сумасшедшая, да и только, – ворчит Верка, растирая ушибленное колено. – Я здесь в воду села, подумают, что обмочилась. Ох, сумасшедшая.

Из ворот выходили люди, и, как тени, пошатываясь и переключаясь, разбредались по деревне. Вскоре вышли трое парней. Арина до боли сжала руку подруги. Это были Виктор, Пётр и их товарищ по школе Сашка Однакурцев. Пётр курил, что-то тихо

рассказывая товарищам. Наконец и они стали расходиться, Виктор с Сашкой пошли на зада деревни, а Пётр побрёл вдоль по улице, попыхивая сигаркой. Он шёл в сторону от родного дома, вероятно, захотел человек прогуляться после шумного, пропахшего табаком и самогоном застолья. Ведь так хорошо дома после трудных и таких далёких дорог войны. Тихо где-то внизу под яром плещет в темноте река, и звезды такие яркие и загадочные мерцают совсем низко над головой.

– Заблудился, капитан, или из дома выгнали?

Пётр оглянулся, огромные, красивые глаза глядели прямо в душу, косынка, небрежно брошенная на плечи, чуть прикрывала высокую, нервно вздрагивающую, грудь.

Хороша девка, правда, на голову выше Петра, но он не придал этому значения, не думал солдат, что стоит перед ним его судьба, его единственная на всю жизнь, Богом данная, половина.

– Ты чья будешь, красавица? Как вы все выросли! На фронт уходил, наверно, без штанов бегала, а тут смотреть боязно, в глазах утонуть можно.

Арина нервно смеётся.

– А я помню, как вас провожали. Мать ваша белугой кричала, видно, чувствовала, что не дождётся.

Сигарка задрожала в губах Петра, он отвернулся от девушки, поправил ворот кителя.

– Чья ты красавица, убей, не вспомню? – перевёл разговор Пётр.

– Поликарповская я, отца ещё до войны медведь задрал, а маманя два года, как убралась. Живу теперь у тётки, а у неё своих огольцов четверо. Вы-то как? В город уедете или здесь жизнь налаживать будете?

– Здесь, девонька, здесь! Нет у меня на этой земле другого места. Звать-то тебя как?

– Ариной назвали, а для вас капитан, Арина Николаевна, – деваха звонко смеётся, хитро прищутив свои удивительные глаза.

– Ну вот что, Арина Николаевна, во-первых, не капитан, а старший лейтенант, а во-вторых не будем выкать, или я так стар, что по-другому язык не поворачивается?

Арина хохочет, ей легко и как-то особенно хорошо с этим тунгусом в офицерской форме.

– Ой, да конечно, старый, сколько тебе лет? Сорок? А я всего шестнадцатую весну отгуляла.

– Что ты городишь, каких сорок? – остановился Пётр. – Двадцать четыре года старшему лейтенанту Алымову. Жених хоть куда!

– Ой, держи меня, жених! Таких женихов у меня до Москвы ра...

– Ну и язык у тебя, Ариша, нельзя так, ведь ты же девушка.

– Простите, товарищ капитан, я ещё молодая, может, исправлюсь, если учитель хороший попадётся.

– Слышишь, петух на задах проснулся. Как давно я не слышал наших петухов, даже сердце зашлось. Как хорошо, Арина, как хорошо, что я дома.

...Моторка скользит по ночной реке, ровно и весело поёт мотор, а думы Арины там, в том далёком сорок шестом.

Свадьбу отгуляли шумную, по-деревенски пьяную и зажили молодые на виду у всей деревни. Кто осуждал, а кто и завидовал, были у Арины вздыхатели, кому перешёл дорогу Пётр Сергеевич. Даже стрелять пробовали. В тайге на охоте прилетела пуля, да, видно, не для Петра была отлита, впилась в дверную колоду, когда он с собаками возился возле зимовья. Никому не стал рассказывать Пётр о той оказии. Зачем, подозрения к делу не пришьёшь, а врагов плодить не в его характере.

...До леспромхоза оставалось совсем ничего, уже виднелись дальние огоньки между деревьями, когда страшный удар остановил лодку. Нос лодки поднялся высоко над водой, на корму, где был подвешен мотор, хлынула вода. Пётр Сергеевич не успел сообразить, что случилось, лодка, двигаясь по скользкому полузатопленному бревну, вдруг накренилась на один борт и, перевернувшись, ушла под воду.

– Арина, где ты, Арина! Кричит Пётр в темноту, но только журчание воды на перекате было ответом на истошный крик. Рука ухватила какую-то тряпку в воде, но это был всего лишь брезент, которым он укрывал Арину. Брезент зацепился за сук бревна и полоскался потоком. Пётр набрал воздуха и нырнул в темную, как чёрные чернила, воду. Дно было рядом, метра два, и Пётр нащупал

лодку. Её течением развернуло поперёк реки, она лежала, завалившись на один борт, но была пуста. Сколько раз Пётр выныривал и, набрав воздуха, снова погружался в холодную чёрную воду, но тщетно, Арины не было. Надежды таяли вместе с силами, последним усилием он ухватился за бревно, и вдруг понял, что это всё. Страшный вой не то человека, не то смертельно раненого зверя разнёсся над прибрежной тайгой. Сколько боли, сколько нечеловеческой скорби было в этом крике. Не дай Бог услышать кому-либо этот крик, эту скорбь человека, потерявшего всё, что связывало его с этой жизнью, что было дороже самой жизни.

Как он выбрался на берег, Пётр не помнит, как упал на холодную, подернутую первыми осенними заморозками землю. Когда он поднял голову, над тайгой робко вставал рассвет. Пётр сел, обхватил голову руками и долго так сидел, не соображая, что делать, куда идти. Его била нервная дрожь, он не плакал, нет, на искусанных губах запеклась кровь, глаза с ненавистью смотрели на реку.. Вдруг, что-то вспомнив, он вскочил, подбежал к самой кромке реки и долго обшаривал взглядом противоположный берег. Берег был пуст, он побежал вниз по течению реки, ища взглядом хоть что-то похожее на одежду, на любую тряпку, принадлежащую жене. Но ни единого лоскутка не отдала река. Долго бродил Пётр по отмелям, длинной палкой шарил по уловам, пробираясь через прибрежные кусты тальника, рвал одежду, ранил до крови руки и ноги. Он не знал, сколько времени прошло, где он находится, сознание отключилось. С трудом выбравшись из зарослей ивняка, Пётр упал на землю, сил больше не было. Одна мысль больно стучала в висок.

– За что, Ариша? За что? – Мужик плакал, страшно, больно плакал, слезами, которые не приносят облегчения.

А день разгорался, не по-осеннему тёплый день. Солнце уже поднялось высоко над деревьями. Вверх по реке прошла моторная лодка, но Пётр даже не пошевелился, чтобы остановить её, сил уже не было. Надо было вставать и идти к людям, но ноги отказывались нести брренное тело. Подняв палку, Пётр, тяжело опираясь на неё, побрёл вдоль берега. Он брёл к леспромхозу, огни которого они видели, плывя по реке. Тогда казалось, что посёлок рядом, но прошло больше часа, прежде чем Пётр услышал лай собак.

В леспромхозе гуляли свадьбу. Люся повариха из второй бригады выходила замуж за Саньку тракториста, длинноногого, рыжего парня, весельчака и гулевана. Пили уже второй день, кому надо было напиться – напился, кому надо было подраться – подрался.

На площадке перед баракom, где жила Люська, гармонист рвал меха старого баяна. Несколько человек отчебучивали что-то невероятное, плясали кто во что горазд: один бил чечётку, не попадая в такт музыке, другой выкаблучивал присядку перед своей хмельной подругой, ещё одна пара, прижавшись, друг к другу, пытается попасть в ритм фокстрота. Бедный баян, что он может чувствовать, выдавая такую белиберду за музыку. Это какофония оглушила единственную улицу леспромхоза, пугая собак, собирая толпу любопытных. Ребятишки с криком и визгом кружатся возле пьяной компании. Бегают собаки, в траве развалилась свинья, пьяный мужичонка присматривает рядом место для отдыха. Обычная деревенская картинка, обычная пьяная гульба. Но для двоих этот тарарам – начало семейной жизни. Кто знает, быть может, только Всевышний, как долго будет продолжаться это счастье: год, два, а может, им написано в книге судеб долгая и счастливая жизнь в кругу детей и внуков. А свадьба пела и плакала, пила и кривлялась, дралась и завязывала новую дружбу. Видно, это в крови русского человека: пить – так пить вусмерть, любить – так до гроба, или, в крайнем случае, до первой ругани.

Репертуар меняется, старый баян выдаёт вальс «На сопках Маньчжурии», толпа расступилась, молодые закружились в вальсе. Любили ли они, или тоска таёжной жизни, вечный инстинкт полов толкнули их в объятия друг друга. Сейчас они счастливы.

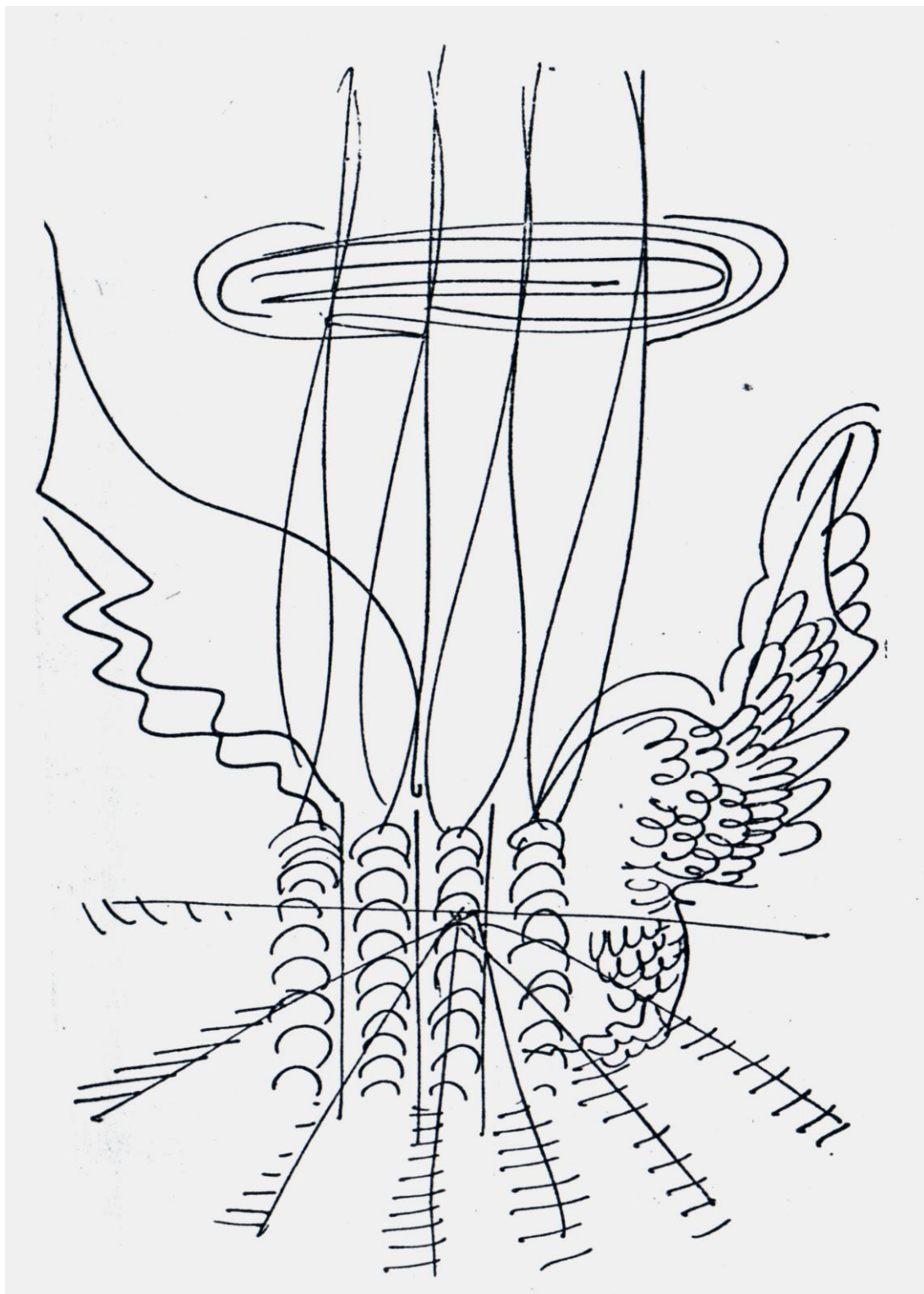
Вдруг музыка захлебнулась каким-то испугом, толпа развернулась и молча смотрит в сторону дороги, идущей от реки. Тяжело опираясь на палку, в грязной мокрой одежде, с лицом, покрытым засохшей кровью, к толпе приближается человек. « Кто он такой, откуда появился?» – Недоумевают люди, в нём трудно узнать Петра Сергеевича. Почти все в леспромхозе знали Алымова, но сейчас он мало походил на того спокойного, улыбчивого директора зверосовхоза. Потух огонь в глазах старого охотника, согнулась спина, седые волосы, спутанные, грязные, перебирает ветер. Он идёт, как слепой, не разбирая дороги, запинаясь о камни и колдобины. Страшен и жалок человек, все скорби земные давят его, и никто не может помочь ему в эти минуты. Он остановился перед толпой, тяжёлым, полусумасшедшим взглядом обвёл притихших людей и остановил взгляд на молодых. Счастливые, жених и невеста стоят перед убитым, потерянным Петром Сергеевичем.

– Пётр Сергеевич, что с вами? – бросается к несчастному кладовщик леспромхоза. – Вас что ограбили, избили?

Как безумный, оглядывая толпу, Алымов чуть слышно хрипит.

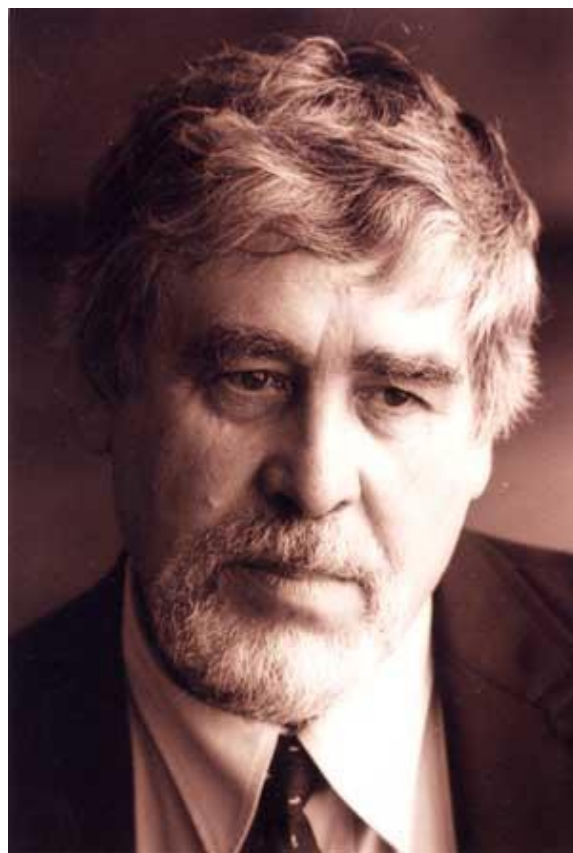
– Я сам себя убил, сам убил, – и опускается на дорогу.

ПОЭЗИЯ

Владимир Скиф

Владимир Петрович Скиф – русский поэт, доброход, который с первого года существования Высшей народной школы (ВНШ) проводит для её слушателей свои поэтические вечера. Владимир любезно предоставляет свои литературные произведения для альманахов, которые издаются слушателями, занимающимися в литературном клубе ВНШ. Талантливый оратор и задушевный собеседник, он по праву заслуживает звания народного просветителя.

Мы, слушатели и администрация Высшей народной школы, от всего сердца поздравляем Владимира Петровича с его 70-летним юбилеем. Желаем поэту крепкого сибирского здоровья, дальнейших творческих успехов и предлагаем читателям «Народного обозрения» подборку его новых стихов.

Я ОГНЕВОЙ И В ЖИЗНИ, И В ДУШЕ,,,

* * *

Я жду тебя, когда ты засмеёшься,
Заменишь серость многоцветьем дня,
Когда ко мне
 всем сердцем повернёшься,
Когда с размаху упадёшь в меня.

Когда в тебе ни горечи, ни страха
На йоту не останется уже.
Я жить привык со страстью
 и размахом,
Я огневой и в жизни, и в душе.

Я проснулся и вышел к Байкалу,
Он стамесками скалы тесал,
Осыпая стеклярусом алым
Полпланеты и не замерзал.

Льдистый берег скрипел под ногами,
Как земная усталая ось,
Где и вправду подпрыгивал камень,
Утром землю пробивший насквозь.

Я вернулся на дачу. Не шутка
Ощущать колебанья земли.
На столе пела «Белая дудка» –
И из книги мелодии шли.

Наш Байкал замерзает на святки...
Я подумал: – А знает Байкал,
Где находится древняя Вятка?
И наполнил «Шампанским» бокал.

Выпил за снегирей, за побудку,
За байкальский бессмертный рассвет
И, конечно, за «Белую дудку»,
Что прислала мне – русский поэт!

Снегири среди белого света
Не убавили яркий накал.
Я сказал: – Вот и Сырнева Света
Увидала наш зимний Байкал.

* * *

*Наша Родина самая лучшая
И богатая самая.*

Светлана Сырнева

Снова родину – вижу – малую,
Словно в космосе, необжитую.
Кто ломал её, кто обманывал
Мою родину, влёт убитую?

Где преступники хитроумные,
Что смели её и скукожили?
Где правители полоумные,
Что село моё уничтожили?

Не звенит оно, не осанится,
Не духмянится над покосами.
Сатанинский след в поле тянется,
Не затянется светом-росами.

Ой, поля мои светлолицые,
Вы богатыми были самыми!
И гречихою, и пшеницею
В мире славились за Саянами.

Простиралась даль неоглядная,
Где подсолнухи зрели жёлтые.
И стада коров благодатные
К дому с пастбища шли тяжёлые.

...Нынче мрёт земля убиенная,
Вся покрытая белым саваном.
Ой, ты, родина, моя бедная
И несчастная в мире самая...

В темноте глухой ей не дышится
Полегла в беде чудо-родина.
Но внутри земли голос слышится:
– Прорастёт зерно, что обронено.

* * *

Зима рассыпала по свету
Свои снега и жемчуга.
И в гости забрела к поэту
Певица – белая пурга.

Пурга высвистывала шутки
И пела посреди двора,
Потом уснула в старой будке,
Щенком свернувшись до утра.

Пурга во сне ещё скулила,
Снег будку ватой забросал.
Поэт, покуда вьюга выла,
Её романсы записал.

Снегири

Плеснула вьюга по соседству
С моим окошком, и в окно
Я вдруг своё увидел детство,
Как в неожиданном кино.

Вот дом родной, тайга густая,
Неосвещённая внутри,
Но там на ветках расцветают,
Как будто маки, снегири.

Они летят в морозном утре
В заиндевелый белый двор,
Где до земли развесил кудри
Густого инея – забор.

А солнце падает на крыши,
И еле виден бокогрей.
Я на крыльцо из дома вышел,
Чтоб встретить алых снегирей.

А снегири в снегу искрились
И, развесёлые с утра,
Как будто пламя, завихрились
Среди морозного двора.

Клубилась пламенная стая
Костром, аж вспыхнула сосна.
И снег от пламени растаял
И с неба рухнула весна.

2013

БУДУЩЕЛЫ –

***ЭТО МОЛОДЫЕ ЖУРНАЛИСТЫ,
ИДУЩИЕ В БУДУЩИЕ...***

- **Невыдуманный рассказ**

Евгений Шапов

СТРАННЫЙ НАРОДНЫЙ УМЕЛЕЦ

Во дворе залаял Дик. И, словно ему в ответ, в доме немедленно звякнуло окно. Резкий звук пробежал по двору, отскочил от забора и растаял в воздухе. Лай осёкся. Дик испуганно прижал уши, и тут же снова поднял их, смотря на окно хозяйского дома тем взглядом, который бывает только у очень удивлённой собаки. Затем, выпустив клуб пара из пасти, он залаял вновь. Лай был тревожным и явно выдавал обиду пса. Пес лаял и дёргал цепь.

Тихонько скрипнула дверь. Это Алексей вышел из дома посмотреть, что же вызвало беспокойство собаки. Дик кротко замахал хвостом и пошёл было навстречу хозяину, но его подрезала Дженни, юркая чёрная дворняга, «пролетевшая» между его лап. Дженни бегала по двору, гоня камень. Дик прижал уши и вновь обиженно заскулил, запрокидывая морду вверх. Алексей подошёл и потрепал страдальца по бурой шерсти. Он сразу понял, что псу хочется свободы, и искренне жалел его, но спускать с цепи горемыку не торопился. Поди, сосчитай, сколько уж раз хитрец, гуляя по двору, неслучайно оказывался по ту сторону забора. Он потрепал Дика ещё раз, ероша кудлатую шерсть.

Собака была привязана к воротам, так что, подойдя к ней, Алексей не мог не увидеть Их. Они стояли на гараже возле ворот, и они же были причиной, из-за которой одни соседи называли Алексея умельцем, другие –

бездельником, но и те и другие сходились во мнении, что Алексей не похож на них, и что «вообще он странный».

Не раз Алексей пытался вспомнить, когда он стал другим. Не удавалось. И тем не менее ему казалось, что это произошло задолго до того, как он сварил с помощью электрогазосварки первого из Них. Вероятно, что-то накаливалось в нём постепенно. Да, скорее всего, из года в год росло в нём что-то, чего объяснить он не мог, и что зачастую лишало его покоя. Но, будучи натурой кипучей, Алексей никогда не мог остановиться и постараться найти то, что не даёт ему достигнуть душевного спокойствия: мысли бегали и толкались, как ошалелые, в голове, он бегал вместе с ними, целиком отдаваясь бурлящей жажде действия. Работа отбирала массу времени, и на поиски себя его уже почти не оставалось. Но нет-нет да уколет заноза в душе, обращая внимание на себя. Вот и сейчас, увидев Их, Алексей снова страстно захотел разобраться в себе, понять, что же изменило его, сделав непохожим на тех людей, которые у соседей его звались «обыкновенными».

А пёс между тем скулил, не переставая. Ему хотелось сбросить сдерживающие оковы, хотелось свободы, и он изо всех сил демонстрировал это хозяину, натягивая цепь. Но Алексей уже не слушал собаку, погружившись в раздумья, он внимательно разглядывал свой дом. Это было тем более странно, что он знал его от крыши и до вросшего в землю фундамента «наизусть». Он закрытыми глазами мог найти почти любую трещинку в бруске и скол в краске, даже спиной чувствовал его зелёную крышу, ему даже вдалеке от Иркутска снились его подслеповатые окна, смотрящие на весенний мир сквозь кусты палисадника. И всё же он стоял и смотрел.

Это был всё тот же дом, в который тридцать лет назад привезли Алёшу из Иркутского роддома. В этом же доме он рос, бегая по обширному двору, играя на улице с соседскими ребятами, как все они, веселился и шалил. Да, дом помнит, и как Алёшка пошёл в школу. Смотрел он и запоминал, как в начале каждой осени он нарядный уходил в школу, в очередной класс. Сначала ребёнком, затем мальчиком, а в конце девятого класса совсем уж юношей.

Взрослел Алексей, как и все парни, проживающие в не очень-то престижных «спальных районах» города. Семья у него была самая простая: отец – столяром работал, мать – на Куйбышевском заводе. В школе с удовольствием посещал физкультуру, труды, и был бы самым обычным юношей, если бы не интересная деталь. В то время как на уроке музыки непреодолимая скука давила большинство одноклассников Алёши, сам он не чувствовал её «ноши» и с большим удовольствием ходил на урок. Да, музыка, да и искусство в целом – это то, что Алёшке нравилось всегда. Слушая музыку, он вырывался на время из «сегодня», из пыльного класса, и думал о своём, думал, как хотел... И это было крайне необычно, ведь Алёшка в общем-то ценил только то, что даёт практические навыки, и на дух

не переносил математику, физику и химию, искренне считая, что «ежели каждый будет ботаником, то кто ж тогда работать будет?».

А работать было надо: наступила перестройка. Предприятия разваливались одно за другим, пропадая в ненасытной перестроечной пасти. Съела она и Куйбышевский завод. Завод исчез, а люди остались. Осталась и мама Алексея без работы. Страсть к музыке была забыта, а Алексей после девятого класса поступил в «фазанку» на газоэлектросварщика. Кто знает, как бы жизнь повернулась, если бы его живой нрав не проявил себя снова. Природная сущность Алексея «не совпадала» с учебной программой, и он был исключён из училища, не сдав пару зачётов. Вот и остался путь один – в армию. Отслужив два года танкистом, он вернулся домой, и началась работа – сначала на фирме учеником столяра, затем мастером-строителем отделочных работ, а потом и вовсе уволился – стал работать на себя. Шпаклёвка, покраска... И всё это время он по-прежнему жил в доме своих родителей...

Алексей очнулся от воспоминаний, навеянных домом. Они ему подсказали: да, действительно, уже давно в нём появилось это НЕЧТО. Жил как все, и всё же был другим. И ведь он уже почти забыл, что в школе любил музыку. Бывало, спросит кто, какой в школе из предметов любил, он отвечал: «Ну, физкультура точно, труды... Что ж ещё?». Про музыку вспоминал редко, а если и вспоминал, то упоминал про неё вскользь. Неловко было что ли...

Дик смирился со своей участью и растянулся вдоль ограды. А Алексей снова обратился взглядом к Тем, что стояли на гараже. Невозмутимые, хоть и были невиданным чудом, плодом всего лишь его фантазии, но всё-таки они всегда дарили ему чувство какой-то непонятной гордости...

Вот этого, с топором, он сварил первым. Не то чтобы долго вынашивал идею или планировал заранее, все вышло спонтанно. Однажды он посмотрел кино, которое произвело на него яркое впечатление. Кажется, фильм назывался «Чингисхан». После фильма долго ходил и вспоминал средневековых воинов. Невиданная мощь, скрытая в облике воина, одетого в доспехи, приятно волновала и не давала успокоиться. Блестящие доспехи манили, хотелось их потрогать, хотелось даже их примерить... И тогда-то Алексею вдруг подумалось: «А не попробовать ли сделать такого же воина?». Сначала испугался своей же идеи. Вон соседи живут, за оградой ходят туда-сюда, увидят ещё, чем он занимается. Толки пойдут. Всем известно, что только попади на язык кому-нибудь из них – добра не будет! Скольких людей согнула людская молва, не пересчитать. Она же словно петля на шее. А соседи за неё и тянут... Пока не упираешься, идёшь, она не жмёт, и на неё не обращаешь внимания, а как захочешь проявить волю и остановиться – так начнёт давить, да так, что поневоле призадуматься. И ... вслед за ними пойдёшь.

Но уж слишком ярко сверкали доспехи в памяти Алексея! Идея захватила его, и ему не хотелось думать больше ни о чём, кроме как о

своём замысле. Поэтому он решил так: если ничего не получится – то на нет и суда нет, а если воин выйдет на славу, то подивятся, посудачат на улице, да и дело с концом.

Поиск материала занял не так много времени, как Алексей предполагал вначале. Благо, он как хороший хозяин тащил в дом всё что придётся. Детали от автомобилей, старая бытовая техника, ржавые инструменты неизбежно попадали на двор к Алексею, стоило тому заметить валяющуюся и не нужную никому вещь. Правда, чаще всего это были лишь останки вещей, но Алексея это не останавливало. Ведь мусор тоже из материала сделан. Никогда не знаешь, какая вещь пригодится в хозяйстве.

Так на верстаке появился хлам вроде рулевых реек, двигателя от старинного холодильника «Зил», листов железа, диска от циркулярной пилы и прочий металлолом. Алексей достал сварочный аппарат, включил музыку и принялся за работу. Энергия, бившая в нём большую часть времени хаотично, была направлена в определённое русло, и Алексей наконец-то успокоился.

Работа шла ладно, и уже через день он водрузил на гараж, что стоял у ворот, видного воителя в рогатом шлеме, стоящего в боевой стойке и бросавшего вызов врагу, вскинув обоюдоострую секиру над своей головой. «Славный вышел вурдалак», – подумалось тогда Алексею. Но воитель вызывающе смотрелся не только перед лицом неведомого врага. Он бросал вызов всей округе, всей улице, на которой жил мастер-затейник. Улица вызов приняла, и совсем скоро перед гаражом собралась галдящая толпа.

– Эй, видали, что Лешка выдумал?

– Ясно-понятно, а что ему? Одно дело – безработный.

– Какой же он безработный? На себя человек работает.

– Бизнесмен он...

– Да хватит вам! Смотрите, человек рукастый, что вытворил. Классно придумал.

– Точно, точно...

Тут калитка отворилась, и мастер вышел к собравшемуся народу. Тогда, как помнится сейчас Алексею, не успел он пожалеть, что показался всем этим людям, как к нему тут же подошёл Васька, худощавый мужик с блёклыми глазами, коричневым лицом и чумазыми руками.

– Ну, как тебе идея? – поинтересовался тот у него.

Лицо Васьки приняло улыбательную гримасу.

– Идея, конечно, классная. И как же ты этим своим, – тут Васька покрутил рукой так, как будто бы свинчивал невидимую гайку величиной с ладонь, – и как же ты этим своим менингитом додумался то до этого?

– Да само родилось как-то.

Васька поднял вверх грязный указательный палец.

– Вот! «Как-то». Ты и сам не знаешь, для чего ты его сделал. Тебе делать больше нечего что ль? Во дворе уберись тогда, коли время позволяет. Сварил басурмана какого-то и – доволен...

Лицо Алексея омрачилось. Стало обидно за себя и за вурдалака.

– Ты, Васька, это, не шебурши зря-то. Ну, давай, я дам тебе сварочный, деталей кой-каких, а ты покумекай да свари такого же!

– Да, сделает Васька такого, как же! – рассудила их толпа. – Натурально! Он умеет только вещам из дому ноги делать...

Лицо Васьки побагровело.

– Ну, вы-то помолчите! – прикрикнул он на толпу. – Какое вам дело, а? Я к вам всем в дом нос свой не тащу, и вы в мой не тащите!

Он снова обратился к Алексею.

– А я, может, сделал бы, но на кой оно мне? Что делать-то мне с ним? Время – товар нынче дорогой. Покупать его нужно подешевле – продавать подороже. А ты что же, а? Вот и выходит, что болван ты, Лешка. Молодец, конечно, но толку-то нема...

Толпа, до этого ловившая каждое слово, затаив дыхание, разом выдохнула и заголосила на разные голоса. До растерянного мастера долетели лишь обрывки слов «бездельник», «умелец», «болван» и «затейник» Он только плюнул с досады себе под ноги и скрылся за калиткой.

Воспоминание о том, как неоднозначно люди приняли его творение, так возмутило Алексея, что он тут же перестал вспоминать.

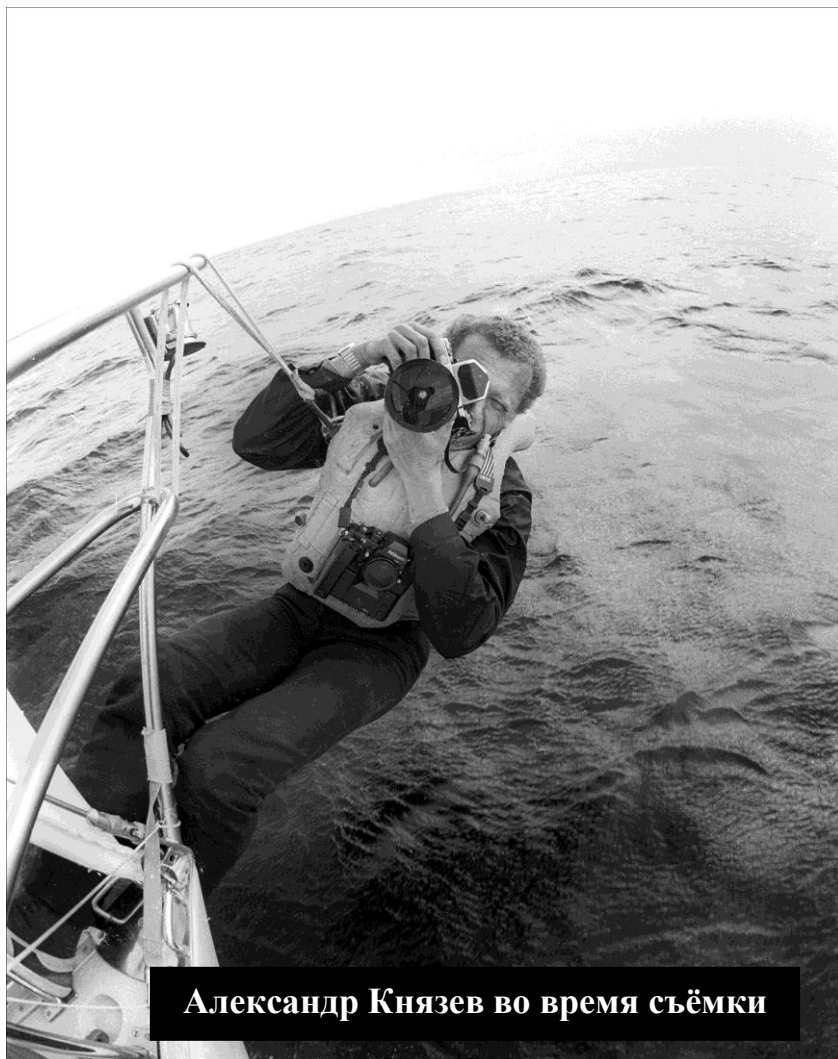
И хотя он по-прежнему стоял и смотрел на воителя с секирой, мысли его потекли в другом направлении. Ожившая старая обида наглядно показала ему, как далёк он от этих людей, и как они далеки от него. Все, что он считал достижением и ценностью – для них было лишь безвыгодным предприятием. Всё святое для него – было лишним для них. Теперь он думал о том, что люди бывают разных направлений, слоёв что ли... Классов, одним словом! И теперь, кажется, он начинает понимать, что чем «низшее» слой человека, тем «низшее» круг его интересов. Ему неинтересно то, что не несёт в себе упорядоченности, взвешенности, и что, следовательно, не имеет практической выгоды. Чем меньше в этом смысле «класс» человека, тем больше он нуждается в работе как особом каком-то средстве оправдывающем его никчёмную жизнь. А как же надо работать!

Долго ещё стоял так Алексей под тёплым и светлым весенним небом, думая, взвешивая и рассуждая. И простоял бы ещё дольше, как вдруг вспомнил, зачем вышел он во двор. Пёс всё ещё смиренно лежал вдоль забора, заглядывая искоса на молодого мужчину. Алексей улыбнулся, кивнул вурдалаку в доспехах, наклонился и спустил Дика с цепи. Затем, кивнув воителю ещё раз, скрылся за скрипучей дверью дома.

• Эссе

Ярослав Князев

ПО БАЙКАЛЬСКИМ ВЕТРАМ К БЕРЕГАМ АМЕРИКИ

Александр Князев во время съёмки

Эта история берёт своё начало в середине 70-х годов прошлого века. В городе Иркутске сложилась группа энтузиастов яхтенного спорта. Это были друзья, друзья знакомых, которые, увидев московские и иностранные журналы о яхтенном спорте, грезили мечтой поднять свои паруса над байкальскими волнами.

За неимением крейсерских яхт фабричной постройки, иркутские яхтсмены пытались своими силами, ограниченные в возможностях, строить корпуса, шить паруса. Эти постройки были достаточно успешными, яхты спускались на

воду, выходили в Байкал. Но всё изменилось в начале 80-х годов, когда появилась возможность покупать импортные яхты. Дело в том, что Польша задолжала СССР большие деньги, а долг отдавала в виде импортных яхт по Американским проектам «Конрат» и «Картер». Эти лодки были пластиковыми, не очень большими, и доставались они госучреждениям, работники которых по выходным становились настоящими моряками. Надёжная и проверенная конструкция

оказалась долговечной, и яхты данной конструкции сохранились до наших дней в отличном состоянии. Одновременно российские верфи стали продавать мультитонник «Марина», который превосходил размерами польские лодки и яхты серии «Микро», которые напротив были гораздо меньше.

С покупкой новых крейсерских яхт в Иркутске образовалось сразу три серьёзных яхт-клуба: «Водник», «Исток» и яхт-клуб Иркутского госуниверситета. В каждом из них было достаточно профессиональных яхтсменов, и поэтому были организованы большие парусные гонки по Байкалу. Уже в 1983 г. на Байкале состоялась 500-мильная гонка (1 морская миля = 1852 метра) с двумя промежуточными финишами в Чевыркуйском заливе и в бухте Загли. Впервые в таких соревнованиях участвовали экипажи из Братска и Усть-Илимска, где тоже образовались яхт-клубы.

В суровых байкальских штормах быстро окрепло мастерство иркутских яхтсменов, были выявлены лучшие яхты, экипажи и капитаны. Настоящей легендой стала яхта «Синильга», которая, выиграв абсолютный зачёт в байкальской гонке, стала регулярно первой приходить к финишу. У штурвала неизменно стоял Владимир Чепурной.

«Синильга», построенная, кстати, по проекту «Конрат» и доставленная из Польши, принадлежала Иркутскому государственному университету, в котором Владимир Чепурной работал преподавателем на физико-математическом факультете.

В Байкальской стихии быстро выросло мастерство иркутских яхтсменов, они стали участвовать в крупнейших российских и международных регатах. Владимир Чепурной, к примеру, два раза занимал призовые места во всероссийской гонке на Онежском озере и однажды с успехом участвовал в международных соревнованиях, проходивших на Эгейском море. С 1985 года в Иркутске начались постройки собственных крейсерских яхт класса «Гидра» по высочайшему классу. Они отличались от прежних яхт, бороздивших байкальские просторы, большими размерами, более сложной и прочной конструкцией, металлическими обводами. На таких яхтах можно было спокойно выходить в открытый океан. Организатором и исполнителем этих проектов стал Юрий Шейкин. Он успел построить около 10-ти яхт... одна другой лучше. Все они на воде, отличаются высокой мореходностью, скоростью, безукоризненным комфортом. Этими своими качествами они порой даже превосходят лучшие яхты европейской постройки. В 1990 году Шейкин получил заказ от Владимира Чепурнова на постройку яхты класса «Гидра» для перехода через Тихий океан к берегам Америки по маршруту командора Витуса Беренга. Экспедиция Беренга на двух кораблях «Святой Пётр» и «Святой Павел», в 1741 году выйдя из бухты, названной впоследствии в честь кораблей Петропавловска, достигла берегов Северо-западной Америки и спустилась вниз, исследуя побережье. Иркутские яхтсмены загорелись идеей повторить этот маршрут и финишировать

в Форт-Россе, где стоит русский острог, а приурочить этот переход к 250-летию Русской Америки. Авторами и организаторами экспедиции стали уже упомянутый ранее Владимир Чепурной и фотограф Александр Князев, который, попав однажды по заданию редакции на борт «Синильги», стал членом её экипажа. За год им удалось приготовить яхту к океанскому путешествию, получить разрешение на выход в международные воды, собрать деньги, набрать экипаж, в который вошли 11 иркутских яхтсменов, отточивших своё мастерство на байкальских ветрах, включая лучших яхтенных капитанов, таких как Василий Данилин, Александр Серебрянников, Валерий Турок. Более 50 человек – друзья, семьи купили билеты на самолёт в Америку, чтобы встретить путешественников в Форт-Россе. И вот в августе 1991 года яхта и экипаж поездом были перевезены в Петропавловск-Камчатский, где яхтсмены взяли старт и месяц шли по штормам до противоположного берега. Иркутянам повезло – яхта, построенная Юрием Шейкиным, ни разу не подвела моряков, а капитан Владимир Чепурной, участвовавший ранее в международных парусных регатах, имел опыт морских переходов. Но на российском берегу остался второй организатор перехода – Александр Князев. Незадолго до выезда экспедиции из Иркутска у него умер друг. Князев остался, чтобы присутствовать на похоронах и помочь его вдове и дочери. На это обстоятельство «наложился» августовский путч, и получить визу, чтобы догнать экспедицию, стало невозможно.

А на берегу Форт-Росса тем временем высадились иркутские яхтсмены. Им не доставило больших трудностей пересечь океан. Старые моряки говорят, что байкальские ветра и волны порой даже опаснее океанских. Волны на Байкале имеют меньшую амплитуду, нежели океанские, на которые яхта спокойно заходит и сходит, а об каждую вторую байкальскую волну яхта разбивается носом. Что же касается ветра на Байкале – он более порывистый и в любой момент может ударить из-под распадка с другой стороны, оттуда его никто не ждёт. Именно поэтому иркутские моряки прошли через Тихий океан уже обученные и закалённые в не менее, а порой даже более сложной байкальской стихии.

Отдохнув и посмотрев Америку, они решили не возвращаться в Россию, где в это время происходили глобальные перемены, и никто не мог с уверенностью сказать, что будет со страной. Первое время яхтсменам приходилось работать, где придётся. Они работали на стройках, красили заборы, чтобы заработать немного денег. Всё складывалось не так хорошо, как сначала могло показаться морякам. И они решили поднять паруса, и немного спустившись по Тихому океану вдоль западного побережья Америки, пересечь его и причалить к берегам Новой Зеландии. В море вышли все, кроме Владимира Чепурнова. Он остался в Америке. Имея специальность физика, Владимир долго не мог найти себе работу. Через несколько лет он освоил компьютерное программирование и даже успел

поработать в компании Windows и заработать хорошие деньги. Сегодня Чепурной живёт в крупном портовом городе Сиэтле, занимается недвижимостью, ходит под парусом. У него свой дом вблизи океана, жена, дети, внуки-американцы, собственная большая парусная яхта, на которой он часто выходит в море.

Что же касается остального экипажа, они успешно добрались до Новой Зеландии. Половина экипажа осела там, половина отправилась к берегам Австралии, где и осталась жить.

Александр Князев же, оставшийся в Иркутске, в том же 91-м году встретил девушку, которая через год родила ему сына. Александр стал известным фотохудожником, но под парус, как бы ни старался, вернуться так и не смог. Его экипаж разбрёлся по свету. Сегодня у Князева свой дом, сад, в котором он проводит много времени, большая семья, трое сыновей. Один из них, родившийся через год после того, как отчалила экспедиция, а Князев остался на берегу, не зная, что отец когда то ходил под парусом, сам с ранних лет стал яхтсменом, нашёл свой экипаж, ежегодно чувствует в парусных регатах и пишет сейчас эти строчки, которых не было бы, уйди Князев в 1991 году в Тихий океан.

• Интервью

Эдуард Бальжамиев

ШАХМАТЫ В ДВИЖЕНИИ

Владимир Савельевич Шафиров – человек-легенда в мире иркутского бильярда. Один из немногих, кто поспособствовал развитию этого благородного спорта в Иркутске. Он вырастил не одно поколение бильярдистов, которые сегодня успешно выступают на престижных турнирах различного уровня и занимают достойные места. Этот человек посвятил бильярду всю свою жизнь. Увлечение, появившееся в 17-летнем возрасте, остаётся его главной страстью и по сей день.

Родился Владимир Савельевич не у берегов Байкала, а в маленькой деревушке под названием Шимбилик, в Забайкалье, в семье военного. В 1932 году его отца перевели в Иркутск, в войсковую часть 235-го полка войск НКВД. С ним переехала и вся семья: жена и двое детей. И именно тут начинается бильярдная история

тогда ещё мальчика Володи Шафирова...

– Впервые я увидел бильярдный стол в военной части, в которой мы жили. Тогда мне едва исполнилось 12. Мой отец и другие офицеры вечерами собирались в бильярдной. А я наблюдал за ними. А днём, когда взрослые были на работе, путём проб и ошибок учился играть. Но моё увлечение бильярдом родители не одобряли, поэтому свободного доступа к бильярдному столу у меня не было. Да и вообще в то время бильярд был сродни картам и всем другим азартным играм. И хотя официального запрета на него не было, негласно люди недолго любили бильярд и всё, что с ним связано. Более серьёзно я начал заниматься в Доме офицеров, уже в 17-летнем возрасте. Там работал киномехаником мой дядя, дядя Петя. Я часто приходил к нему и из его будки смотрел бесплатно фильмы. Как-то раз он попросил меня помочь ему принести

аппаратуру. Спускаемся, значит, и я слышу «тук-тук» – стук шаров! Заглянул. Стоят четыре стола, хороших стола, 12-футовых. Ну, заглянул и дальше пошёл. А потом попросил дядю поиграть. Дядя Петя договорился с маркером, чтобы тот пускал меня играть, когда будут свободные столы. Работал маркером там Сан Саныч, шустрый такой, сухопарый, уже в годах мужик. Играл он довольно хорошо, на любительском уровне. Вот я и начал туда заглядывать, играл с Сан Санычем, он мне показывал кое-что. Смотрел, как другие играют, учился. Быстро у меня пошло. Через год я уже играл прилично, со взрослыми на равных. А в 46-м году равных мне уже не было.

– А чем зацепила игра?

– Понравилась. Стоило один раз встать за стол, и я понял – это на всю жизнь. Как спорт понравилась. Тем более далось легко. Видимо, увлечение крокетом и стрельбой в своё время помогли (улыбается).

– Расскажите о первых достижениях, победах?

– Однажды в Иркутск приехали гастролёры. Пять человек. Старик лет 60, мужик лет 30 и парень 17-летний. И две девахи-красавицы, одна блондинка, другая брюнетка. Подходит ко мне старикашка и говорит: «Не хочешь сыграть?». Я ему: «Сыграем». Встали играть в русскую пирамиду. Ну, я у него выиграл, он со мной рассчитался. И говорит: «Сыграем с моим парнем?». Я тут смекнул, что это была только разведка. Но согласился. Три партии подряд я у него выигрываю. Встаём дальше – выигрывает он меня. Тоже три партии. Я вообще ничего сделать не могу. Отыгрываюсь, ставлю на короткий борт, а он кладёт и кладёт. Разошлись мы, значит. Дед снова предлагает: «Втройне ставку поднимаем?». Тут я отказываюсь. Ко мне мужики подходят местные: «Ну что ты, мол, Володя, играй. Мы с тобой в долю идём, если проиграешь». Я согласился и выиграл четыре партии в ряд. Эти гастролёры в тот день все деньги проиграли. Это была самая тяжёлая для меня игра в те годы. Своеобразная проверка как будто была на прочность, на силы. И я её прошел.

– А дальше?

– Дальше? Окончил государственный университет, с дипломом геолога. С 1949 года начал выезжать в поля. В бильярд играл всё реже, но что удивительно – игра «не падала», те есть уровень игры. В 54-м году женился. Родился сын, да и жена не одобряла моё увлечение. А в 65-м сын заболел. Там и вовсе не до бильярда стало. Сына практически с того света вернули. Чтобы здоровье укрепить, возили его по санаториям разным, по всей стране. И тут-то я волей-неволей опять столкнулся с бильярдом. Тогда почти в каждой санатории, в каждом доме отдыха стоял бильярдный стол. Процедуры все пройдёшь – и «в бильярд». А что

делать-то? (смеётся). А в 1975 году меня назначили председателем Восточно-Сибирского центрального комитета профсоюза геологов. На месте я практически не сидел, командировки за командировками. За это время объездил весь Союз. И опять же волей-неволей, да в бильярдные заходил, в каждом городе. Но нигде ни разу не проигрывал...

В 93-м ушёл на пенсию. Ну, думал: всё – зачехну. У нас ведь как? Всю жизнь работаешь, то в полях, то ещё где. А выйдешь на пенсию и в четырех стенах запрёшься. На этом жизнь и заканчивается... Но меня бильярд выручил. В 97-м открыли на «Баргузине» бильярдную. Я стал там бывать, играть. Тут как раз решили организовать первые официальные соревнования – чемпионат города. Меня тогда уже многие знали как игрока и пригласили главным судьёй. После этого начали регулярно проводить турниры.

А в 2001-2002 годах на одном из турниров познакомился с Владимиром Михайловичем Верешней, ныне вице-президентом СФБ ИО. Он тогда уже открыл свой клуб. И у него была идея – при клубе открыть школу. А меня в качестве тренера пригласить хотел. Я согласился не раздумывая. С этого моя тренерская деятельность началась. Три раза в неделю по два часа.

– Много учеников было?

– Интерес был громадный. Группы полные были. И дети, и взрослые, все ходили. За всё время более двух тысяч учеников было у меня. Внуку своему привил любовь к бильярду. Всё, что знал и умел, ему передал. Теперь он один из лучших игроков в Восточной Сибири.

– Владимир Савельевич, с высоты своего опыта, игрового и жизненного, как можете охарактеризовать бильярд?

– Это интеллектуальная игра. Игра нервов. Многому учит. Учит быть спокойным, учит сдерживать себя. Выдержка должна быть хорошая у бильярдиста, железная. А ещё – общение с людьми. Это, наверное, самое важное. Душевно отдыхаешь. Люди разные приходят в бильярдную. С кем только не общался, кого только не видел. И крутых (блатных), и знаменитых, и влиятельных. Но за бильярдным столом все равны. Это большое дело.

• **Фельетон**

Екатерина Соболева

ДЕТСКИЙ САД

Для родителей мы всегда остаёмся детьми, сколько бы лет нам ни было. Такова человеческая природа. Только неприятно, когда взрослый человек, мужчина средних лет, ощущает себя дитятей, забывая о своём возрасте, положении в обществе, обязанностях перед своей собственной семьёй. Принимая решение, он, горемычный, бежит за советами к папочке, принося тем самым немало горя другим людям, и тогда зал заседания суда превращается в детский сад, судья – в воспитателя группы, супруги, делящие имущество, – в дошкольников, и только родители этих ребят остаются самими собой.

Размолвка молодых

Ясный мартовский день. Ярко светит солнышко, звенит капель, поют птички. Весна. Самое время влюбляться и терять голову. Только молодой «семейной паре» пятилетних дошколят не до романтики. Машенька и Вовочка не могут поделить машинку, игрушечный кухонный гарнитур, футбольный мяч и коробку конфет. Разрешить проблемы юной ячейки общества стараются воспитательница Валентина Ильинична и отец Вовочки.

– Ну что же вы соритесь, ребята? Мало того что кушаете на разных столах во время обеда, да спите теперь в сончас за километр друг от друга. Так теперь и игрушки делите, – стыдит малышей воспитатель.

– Пусть делят. Не женское это дело в машинки играть. Отдай, Машка, подру-поздорову машинку Володьке! По-хорошему говорю, отдай!

– Не отдам, – совсем не с детской настойчивостью отвечает Мария, – Мне она самой пригодится, наших с Вовочкой кукол в школу возить. Хоть мы и не дружим теперь, а деточки-то у меня остаются.

– Вот именно, что у тебя. Ты настроила кукол против меня, они совсем не хотят со мной общаться, а я им всё-таки отец! – вступает в разговор Вовочка.

– Сам виноват, не надо было злоупотреблять гранатовым соком и шоколадом, а потом разбрасывать кукол по всему саду, как будто это теннисные шарики!

– Не было такого, не лги! – сдерживая себя, чтобы не замахнуться на Машу, кричит мальчик.

– Тише, тише, ребята, – успокаивает их Валентина Ильинична.

Не прав был Володька, да и Маша была не совсем чиста душой, перед разборкой с воспитателем она, ничего не сообщая Вовочке, съела их общую коробку конфет, подаренную им на конкурсе «Мистер и Миссис детский сад-2012». Хорошо, что бывший муженёк забыл о сладости, а то шуму было бы ещё больше.

– Давайте так, – предлагает отец, – машина остаётся Вовочке, а кухня так уж и быть Маше. Каждому своё...

– Категорически не согласна! – вопит малышка со слезами на глазах.

Цирк устроили

На том и расходятся до следующего разборки. Стороны разбирательства – обиженные и недовольные. Воспитательница Валентина Ильинична – озадаченная и самая пострадавшая, «милые бранятся, только тешатся», а ей этот спор разбирать... Чтобы разрешить ситуацию хоть как-нибудь, воспитательница и группа детсадовских активистов рисуют стенгазету, на которой призывают Машу и Вову помириться. После чего вся

четвёрка собирается на новое заседание, инициатором которого выступает Машенька.

– Как же так, у нас тут драма, развод, раздел имущества, а они про нас плакаты рисуют, как будто мы тут в прятки играем. Просто возмутительно!

– Не волнуйся, деточка, во всём разберёмся, – успокаивает её воспитатель, – Вовочка, будешь делиться с Машенькой машинкой?

– Нет, и не думаю даже, машинка моя – и точка!

– Но, Володя, тебе же достался мячик, а Маше кухонка. Машинку тоже нужно поделить, она же ваша общая.

– Нет, машина для мужика, не слушай их, Володька, – даёт приказание отец.

– Тогда принеси мне гербарий вместо машинки в качестве компенсации, я его хотя бы на уроке труда учителю отдам и оценку получу, – предлагает Маша.

– Никаких тебе цветочков-корешочков, ишь чего удумала, – продолжает отвечать за Вовочку отец.

Опять осталось нерешённой тяжба...

Неожиданный отпуск

Тем временем на дворе уже было начало июня. А дело всё не идёт на лад, и споры Маши и Володеньки лежат тяжким грузом на сердце Валентины Ильиничны: всё-таки такие беспорядки в группе... У ребят тем временем устраивается личная жизнь. Машенька ухаживает за детками, водит их в кукольную школу, работает поваром, а Вовочка, не теряя времени даром, начинает дружить с Анжелой, играет с ней в догонялки и катает на машине. И вот снова решают собраться бывшие супруги, родитель и воспитательница, назначают дату, договариваются. Всё путём. Глядь, а Машенька уезжает к бабушке на Аршан, решив, что «лучше гор, могут быть только горы».

«Я устала от всех этих тяжб, эмоционально выгорела», – объясняет свой отъезд она.

Мировое соглашение

Ничего не поделаешь, приходится переносить встречу на другое число. И вот уже в холодную осеннюю пору, когда листочков во дворе стало много (всяких, на любой цвет и вкус!), отец Володьки идёт в парк и собирает гербарий для бывшей жены детяти. – Сына как-никак из беды нужно выручать, а то не отстанет от него настырная Машка.

Последняя встреча супругов была холодной, без прежнего накала страстей. Отец с Вовочкой, сильно жалея, но всё-таки отдали Машеньке альбом с двадцатью видами листиков и цветочков. Она же в глубине души погрузила о том, что гербарий, пусть и немаленький, но это всё-таки не автомобиль, но в целом осталась довольна. Самой счастливой в этой ситуации оказалась Валентина Ильинична, ребята больше не ругаются, в группе мирно и тихо: значит можно вздохнуть полной грудью и наконец-то успокоиться.

• Записки путешественника

Яна ШUTOва

ОНИ НАЗЫВАЮТ СВОЮ РОДИНУ СУОМИ...

Страна, сотни лет просуществовавшая под властью чужих государств, – Суоми – только в 1917 году «подняла голову», с невероятным трудом скинув с себя оковы зависимости. Финляндия – это страна, напоминающая сегодня осколок России, поросший лёгким европейским мхом...

Незнакомых людей встречают по одежке, незнакомую страну – по аэропорту. Именно с аэропорта Хельсинки и началось моё путешествие в страну, жители которой называют свою родину Суоми.

Откуда же взялось это странное самоназвание? По одной из версий, оно произошло от финского слова *suomi*, что значит «чешуя». Причём же тут чешуя, подумаете вы? Оказывается, древние племена, жившие на территории Финляндии, шили себе одежду из рыбьего «оперения». Другие учёные считают, что слово *suomi* пришло из эстонского языка и имеет значение «земля болот». И совсем уж противоположная и, вероятно, наиболее приятная для финнов версия:

в соответствии с анализом гидронимов самоназвание Финляндии расшифровывается как «поющая страна». Хотелось бы и нам склоняться к романтической третьей версии, но оглушающая тишина финских улиц и вместе с тем стойкий характерный запах рыбы заставили волей-неволей придерживаться варианта с чешуёй.

Мне показалось, что главный финский аэропорт как две капли воды похож на своих европейских собратьев – тихий и приятный, оборудованный бесплатной зоной Wi-Fi, а ко всему прочему ещё и по-европейски наивный – никаких рамочных металлоискателей, да и получение багажа проходит без контроля (в иркутском же аэропорту номер багажной бирки обязательно сверяют с номером отрывного талона!). Как и любой столичный аэропорт, он расположен за чертой города, до которого ещё нужно добраться автобусом. Российского туриста, впервые оказавшегося в Европе, неприятно удивит цена проезда – транспорт здесь на порядок дороже. Но из финского аэропорта билет до города стоит не так уж и много – 4,5 евро. Водитель автобуса, глянув в мои кристально чистые, правдивые глаза и вместе с тем не заглянув в паспорт, принял меня за 17-летнюю девчонку и продал билет всего за 2,30 евро. К слову сказать, в других европейских городах цена поездки из аэропорта в город на общественном транспорте доходит до 15 евро – именно столько мы отдали, чтобы добраться из французского аэропорта Бове в Париж.

Но вернёмся в Финляндию. Преодолев несколько километров до гостиницы, мы насторожились – город был пуст. Чем дальше мы отходили от центра, тем всё больше погружались в безлюдную тишину. Разгадку этому явлению я так и не нашла – возможно, воскресным вечером финны предпочитают сидеть дома у телевизоров или проводить время в театрах и кино. Зато недостаток людей на улицах возмещается огромным количеством птиц: они вольготно разгуливают по тротуарам, пешеходным переходам, паркам и совершенно не пугаются при приближении посторонних.

Наша гостиница расположилась в портовой части города, и, чтобы добраться до неё, пришлось пересечь почти всю столицу. Если бы меня привезли в Хельсинки с завязанными глазами и, сняв повязку, спросили: «Где ты сейчас находишься?», я бы, не задумываясь, ответила: «В России», – настолько роднится архитектура наших стран. Преодолевая километр за километром по городу в поисках своего отеля, мы с каждой минутой убеждались, что дух России так и не выветрился отсюда почти за сто лет независимости: весь город усыпан знакомыми серыми домами советского типа, очень сдержанными и невзрачными. И хотя местами столица Финляндии поблёскивает витринами, с наступлением темноты она гасит свои огни и погружается во мглу – это вам не европейский мегаполис, который с удовольствием окунается в ночную жизнь.

Наконец, мы достигли ворот гостиницы, в которой нас уже ждала уютная комната с прекрасным видом на вечерний порт. Отплывающие корабли наполняли финский воздух тяжёлым гулом, а к нему добавлялся звонкий крик чаек, кружащих над пристанью. Но стоило захлопнуть окно – звуки исчезли в мгновение.

Пришло время знакомиться с нашим временным пристанищем. Отель приятно удивил нас солнечными и аккуратными коридорами, буквально «вылизанными» номерами, не носящими ни единого следа пребывания бывших постояльцев, полностью укомплектованной кухней, идеально чистым душем и туалетом, бесплатной финской (а какой же ещё!) сауной. Вот только шанс попариться безвозмездно выпадал лишь в ранние утренние часы, когда большинство туристов предпочитают понежиться в постели.

Едва разложив вещи, мы тут же отправились на поиски круглосуточного супермаркета, чтобы утолить многочасовой голод. Искать пришлось достаточно долго – финские магазины не работают допоздна. Но один найти всё-таки удалось – благодаря услужливому финну, подсказавшему нам дорогу на чистейшем английском языке, которым, кстати, владеет большая часть европейцев. В Финляндии между тем два языка признаны официальными: финский и шведский. Именно поэтому все городские таблички, указатели и надписи выполнены в двух вариантах. Примечательно, что такую же картину можно наблюдать в северо-восточной части Испании, где располагается автономная область Каталония: там все письменные и устные объявления делаются как на испанском, так и на каталанском языке.

В финских супермаркетах мы наткнулись на несколько непривычных для нас, но, как выяснилось, очень полезных вещей. Во-первых, это аппарат, выдающий чек на очередь за мясной продукцией – чтобы не возникло желаний нагло втиснуться в вереницу ожидающих покупателей. Хорошей задумкой также нам показался «календарь свежака» – круглая таблица, на которой для каждого месяца указаны поспевающие в этот период фрукты и овощи.

На следующий день во время прогулки мы сделали немало полезных для себя открытий. Например, выяснили, что финский транспорт ничуть не дешевле европейского. Одна поездка на метро в пределах города поглотит из вашего кошелька 2,20 евро (а это почти 90 рублей!). Менее затратной альтернативы, можно сказать, нет: стоимость проезда в автобусах и трамваях равна двум евро.

Говоря о транспорте, нельзя не упомянуть о любви европейцев к велосипедам. Львиная доля жителей Старого Света выбирает этот дешёвый, экологичный и удобный вид передвижения. Причём двухколёсного

друга можно взять напрокат и оставить практически в любой точке города за небольшую сумму, чем горожане активно пользуются. В Финляндии велосипедистов меньше, чем в других странах Европы. А, кроме того, финны используют сей транспорт чаще в спортивных целях. Если во Франции и Испании можно каждое утро наблюдать потоки велосипедов с солидными дядечками и тётечками «на борту», то в финской столице такое множество велосипедистов можно увидеть лишь в парке отдыха.

Кстати, в Суоми очень серьёзный подход к спорту. Во время путешествия мы наткнулись на огромный парк, полностью оборудованный для занятий физкультурой. Он представляет собой длинную двухполосную (для бегунов и велосипедистов) дорожку, опоясывающую пруд; в остальных частях парка располагаются физкультурные комплексы и огромные интерактивные экраны, позволяющие горожанам самостоятельно выбирать подходящие упражнения и фиксировать свои спортивные результаты. Стоит ли говорить, что все эти дорогостоящие конструкции (лакомые кусочки для российских вандалов) целы и невредимы.

В первые же дни путешествия мы уяснили, что в Финляндии за всё принято платить. Недаром туристы из Петербурга, с которыми мы случайно столкнулись в лифте нашей гостиницы, сетовали на отсутствие бесплатных парковок. Платным оказался даже Интернет в гостинице. Обещанный при бронировании номера Wi-Fi, мысль о котором приятно согревала душу во время полёта до Хельсинки, по прибытии оказался нам не по карману: За сутки пользования Интернетом просили сумму, равную стоимости месячного подключения в безлимитному Интернету в Иркутске. Удивило, что платными оказались и туалеты в некоторых кафетериях. После вкусного обеда вам потребовалось бы ещё 50 центов, чтобы попасть в клозет.

Собираясь в Финляндию, мы не удосужились составить себе план посещения культурных достопримечательностей, потому, наверное, многие исторически значимые объекты прошли мимо нас, точнее, мы прошли мимо них. Как я уже упоминала, в большинстве своём финская архитектура не вызывает приступов восхищения, но даже среди череды однотипных строений нам посчастливилось наткнуться на несколько примечательных зданий. Первым из них стал главный вокзал Хельсинки – бурлящая артерия города, с перронов которой каждую секунду уносятся вдаль десятки поездов в разных направлениях. Внутри – вокзал как вокзал: шумный, расторопный и пытящий. Зато снаружи – настоящее произведение искусства! На его фасаде две пары огромных колонн взмывают вверх, превращаясь в силуэты мужчин – каменных, непроницаемых гигантов, будто охраняющих спокойствие жителей и гостей Хельсинки. В руках эти грозные стражи символично держат глобусы, тем самым словно приглашая переступить порог вокзала и тут же отправиться в любую точку мира.

Вторым архитектурным объектом, который привлёк наше внимание, стал памятник Александру II, установленный прямо в центре столицы, на Сенатской площади. Чем же заслужил русский царь признание финского народа? Ответ, конечно, кроется в истории освобождения Финляндии от Швеции: именно Александр II придал финскому языку в царской России статус государственного, а также подарил Финляндии собственную денежную и почтовую марку. А в ответ благодарные жители Суоми в 1894 году воздвигли русскому государю этот роскошный памятник.

Разумеется, мы не могли обойти стороной живописный порт Хельсинки. Климат города, особенно вблизи порта, один в один схож с питерской погодой: сияющее солнце оказывается бессильным, когда его тёплые лучи поглощаются порывами холодного морского ветра. В порту заманчиво раскинулись привлекательные для туристов палаточные базары. Продукция, предлагаемая гостям в качестве сувениров, до боли напоминает наши российские диковинки: всё те же замысловатые деревянные украшения и фигурки, всё те же меховые шапки и настоящие шубки невинно убитых пушистых зверьков, всё те же грибы и ягоды. Неповторимым финским духом пропитаны лишь всевозможные сувениры с изображением оленей.

Столкнуться с российскими реалиями пришлось ещё не раз: в нескольких частях Хельсинки на стенах домов мы обнаружили трафаретные граффити с комическим изображением Путина и надписью «Little Brother is watching you» («Маленький брат следит за тобой»). Параллель с антиутопическим произведением Оруэлла «1984» очевидна: образ деспотичного Большого Брата, который «следит за тобой», переносится на президента России. Оставляют эти надписи сами финны, российские эмигранты или туристы – это так и осталось загадкой. Тем не менее позиция авторов ясна: Россия неизбежно превращается в тоталитарное государство, прикрываясь ширмой демократии, и за этим процессом наблюдает весь мир.

Спустя пару дней мы уже держали в руках билеты на паром – это значило, что пришло время прощаться с Финляндией. Впечатление, которое в итоге оставила страна Суоми в наших сердцах, оказалось неоднозначным: Финляндия значительно проигрывает другим европейским столицам в архитектурной уникальности и насыщенности, она очень спокойная и размеренная, сероватая и невульгарная, а её жители поражают своей похвальной любовью ко всему естественному: природе, здоровью, чистоте. Финляндия напоминает маятник, который неуверенно колеблется между Европой и Россией, не решаясь, в какую сторону качнуться чуть сильнее и замереть.

• **Эссе**

Ирина Рыжакова

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧУЖИМ ПЕНАТАМ

Приходилось ли вам когда-нибудь в своей жизни возвращаться в родные места, где вы не были несколько лет? А если к тому же это место – ваш родной дом, где вы родились и выросли и откуда выпорхнули во взрослую жизнь? Не так давно я провела зимние каникулы дома и пробыла целый месяц в окружении родных мне людей – родителей, сестры и других родственников.

На своей малой родине, в небольшом посёлке Кропоткин, который находится на севере нашей области в Бодайбинском районе, я не была два с половиной года. К сожалению, родителей не видела столько же. Я жила самостоятельно. Сама справлялась со всеми возникшими трудностями и

проблемами. Сама постигала все горести и радости взрослой жизни. Мне казалось, я совершенно не скучала. Меня просто перестало тянуть обратно, к родным пенатам...

Иркутск, как только я переступила его границы, стал для меня новым домом. С самой первой секунды я всеми частичками своего тела почувствовала – это моё! Здесь, в этом небольшом, но удивительном городе, я смогу прожить всю оставшуюся жизнь. Здесь я ощущаю невероятную лёгкость, спокойствие и умиротворённость. Его чарующая атмосфера и какой-то даже немного волшебный запах буквально заворожили меня. Вспоминается песня группы «Танцы минус», в которой пелось: «Город – сказка. Город – мечта. Попадая в его сети, пропадаешь навсегда. Глотая воздух простуд и сквозняков, с запахом бензина и дорогих духов». Так и я попала в сети этого города и осталась, как мне кажется, навсегда. Возникало даже такое ощущение, что я всю свою жизнь прожила именно здесь: казалось, что каждый уголок Иркутска был мне очень хорошо известен, несмотря на то, что город на тот момент я абсолютно не знала.

С этим чувством я жила год, два... Гуляла по набережной Ангары, наблюдала, как над ней кружили чайки, а по воде против течения плыли ондатры. Наблюдала, как на площади возле памятника Александру III встречались влюблённые парочки, как дети резвились на велосипедах и роликах. Наблюдала, как в конце декабря перед встречей Нового года в сквере имени Кирова возникали скульптуры изо льда, как в центре красовалась ёлка, а рядом стар и млад со смехом и улыбками скатывались с построенной ледяной горки. Наблюдала, как холодную снежную зиму сменяет солнечная и тёплая весна, как ей на смену приходит жаркое лето и дождливая осень. Училась, посещала лекции, читала книги по зарубежной и отечественной литературе, «сдавала сессию». Отдыхала, смотрела новинки кино в городских кинотеатрах, посещала кафе с друзьями. Я наслаждалась жизнью...

В один из дней меня озарило: я поняла, что не была дома очень долгое время. Практически три года прошло с того момента, когда я была в родных краях последний раз. Я настолько привыкла к этому городу, что в голове даже не возникали мысли о том, чтобы съездить хотя бы на недельку к родителям. Я подумала, что это как-то неправильно. Многие мои однокурсники хотя бы раз в месяц оставляют город и уезжают на выходные дни по домам. А я всегда здесь, я всегда в окружении городской суетной

жизни. И в голове возникла мысль о поездке. Родители, как только узнали о моих планах, были, конечно же, «за», и с нетерпением ждали моего приезда...

Представьте себе, что вы чего-то очень сильно хотите и жаждите всеми своими силами. Вы очень долго вынашиваете идеи о том, как будете это «чего-то» достигать, как будете к нему стремиться, прилагать все свои усилия. Думаете, что ещё совсем немного и вот оно столь долгожданное «что-то» свершится, и вы будете счастливы. Но когда получаете, что хотели, то возникает чувство некоего разочарования – всё не так. Можно сказать, что то же произошло и со мной...

Решение о поездке принято окончательно и бесповоротно. Как говорится, обратной дороги уже нет. Необходимо решить множество насущных дел: сдать сессию пораньше, выбрать дату отъезда, купить тёплые вещи и билеты на самолёт, и многое другое...

Наступает тот момент, когда дата отъезда выбрана, договорённость с преподавателями есть, и даже уже куплены билеты. Остаётся просто ждать. И ты продолжаешь жить вроде бы привычной для тебя жизнью: просыпаешься, завтракаешь, едешь на учёбу, скучаешь на парах, возвращаешься домой, занимаешься какими-нибудь важными делами, засыпаешь. Но что-то вдруг меняется. Все твои мысли заполняются лишь отъездом и грёзами о нём. Перед сном ты представляешь, как это будет происходить: как ты сядешь в самолёт, как он взлетит и приземлится, как увидишь родителей, как будешь ехать в такси до посёлка, как по дороге будешь наблюдать красивые зимние пейзажи и как переступишь порог родного дома.

С каждым днём мысль об отъезде становится всё больше и больше. Она словно маленький воздушный шар, который поместили в тесную коробку и пытаются его там надуть – чем больше шар надуваешь, тем больше он становится и заполняет собой всё пространство. В моей голове происходил тот же процесс. Мысли о доме стали расти с каждым днём всё больше и больше. Я не могла ни о чём другом думать. Стало даже абсолютно всё равно – сдам я экзамены или нет. Я засыпала и просыпалась с одними и теми же мыслями. Возможно, именно это каждодневное думанье о доме и грёзы о самолёте, парящем в облаках, послужили тому, что моё разочарование было так велико...

Мне казалось в последнее время, что я начала уставать от этого города, от суеты. Каждый день начинался и заканчивался одинаково, происходило по сути одно и то же: квартира, университет, квартира. Мне думалось, что, сменив обстановку и съездив домой на какое-то время, я смогу набраться сил, смогу отдохнуть, как следует, и вернусь в привычную городскую суетную жизнь. Вернусь пусть не новой, но обновлённой и со свежими мыслями....

И вот, наконец, чемоданы собраны. До отъезда остаётся лишь пара дней. Даже немного страшно становится. А почему страшно абсолютно непонятно, ведь ты едешь домой, а не в далёкую и незнакомую Африку, где на каждом шагу в джунглях или пустыне ты можешь стать обедом для какого-нибудь племени или дикого животного. Но спокойней от этого не становилось. Проходит час, другой, так протекает день, за ним второй. Наступает ночь перед отъездом. Эта ночь – самый волнительный для тебя момент: ведь уже завтра ты будешь засыпать на старом-новом месте?!

Настаёт столь долгожданный день отъезда. Утро. Звонок будильника. По телу пробегает какой-то странный озноб. Нет, не от холода, это всё от волнения. Допиваю чай, собираюсь, беру сумки, сажусь в машину и еду... На дорогах города практически никого нет. Жители Иркутска ещё пьют ароматный кофе на своих кухнях, смотрят утренние телешоу и только собираются начать новый рабочий день. Я еду в машине и смотрю, как за окном мелькают фонари и огни полиса. Как одна улица перетекает в другую, создавая бесконечное полотно, по которому мчатся автомобили и их владельцы. Начинаю нервничать, чувствую себя первокурсницей, которая боится своего первого экзамена...

Аэропорт. Захожу в его здание, смотрю на улетающих и прилетающих. Кого-то провожают родители, вытирая слёзы носовым платком, кого-то встречают друзья с букетами цветов и радостными криками. Рядом стоит любимый человек, держит тебя за руку. Ты чувствуешь его заботу, и становится немного легче. Но ненадолго. Вскоре тревога вновь возвращается. По громкой связи передают объявление: «Началась регистрация на рейс «Иркутск – Бодайбо». Подхожу к стойке регистрации, сдаю багаж, получаю посадочный талон и ухожу ждать отлёта...

Ждать, когда откроют зону досмотра и когда уже всех пассажиров рассадят по местам в самолёте.

Проходит час. Наконец всех на автобусе подвозят к самолёту. Взбираюсь по трапу, вижу стюардессу, которая, несмотря на раннее утро, встречает меня приветливой и дружелюбной улыбкой. После этого она

рассказывает об аварийных выходах и желает приятного полёта... Но этого уже никто не слышит, потому что звук мотора заглушает всё вокруг. Я включаю плеер с музыкой. Открываю плейлист с любимыми песнями. Слышу завораживающий голос Майкла Джексона, который поет «She's so dangerous. The girl is so dangerous», и по телу как будто разливается энергия и душевное тепло.

Но чувство тревоги не дремлет и всё-таки опять напоминает о себе. В голове летают мысли, и вдруг я понимаю, чего боялась и чего боюсь. Страшно не узнать всё то, что когда-то я видела каждый день. В моей памяти остался лишь небольшой отпечаток всего этого...

Попытайтесь представить, к примеру, свою любимую игрушку из детства и подробно её описать. Получилось ли у вас это сделать? Думаю, что вряд ли... В вашем сознании есть некий клочок, какая-то яркая деталь этой игрушки, но четкий образ давно стёрся. Нет, вы не виноваты в том, что забыли. Вы стали лишь заложником времени, оно сделало так, что с каждым днём из памяти песчинки улетают в вечность...

Я как-то невольно вспомнила главного героя романа Сартра «Тошнота»: он знал, что воспоминания, хранящиеся в нашем сознании, имеют свойство изнашиваться. Извлекая из своей головы какое-то событие или представление о человеке, он очень бережно к нему относится, чтобы вдруг не поцарапать и не испортить, и практически тут же возвращает его обратно в общую коробочку памяти. Когда он вспоминает о своей пассии Анне, он начинает бояться того, что не вспомнит её при встрече. Когда он видел девушку изо дня в день, он знал каждую частичку её тела. Но как только встречи стали редкими, он не стал её забывать специально, просто память начала изнашивать его воспоминания об этой женщине...

Я боялась, что забыла лица родителей! Да, я слышала их голоса, когда разговаривала с ними по телефону, я представляла себе какие они, как они выглядят. Но это представление полиняло как яркая футболка на солнце, от этого всего осталась лишь только форма. И страшно от того, что сохранившаяся в голове форма могла не совпасть с тем содержанием, которое я должна была увидеть через пару часов полёта...

Я смотрела в иллюминатор, видела, как вереницей тянутся горы, как в тайге между деревьев протекают реки, поражалась, насколько эта девственная природа красива с высоты птичьего полёта. Потом вдалеке заметила Мамаканскую ГЭС и поняла: «Скоро прилетим!». Самолёт пошёл на посадку. Сердце начало бешено биться. В груди что-то сдавилось, и от этого дышать стало тяжело. Шасси коснулись взлётной полосы... Все

пассажиры мгновенно оживились, начинали надевать куртки и шапки, звонить родным и сообщать о том, что они (о чудо!) приземлились...

Чемодан в руках. Шаг, ещё один... Осталось совсем немного, сердце бьётся так сильно, что ещё чуть-чуть, и оно выпрыгнет и побежит вперёд, чтобы выплеснуть скопившуюся в нём энергию. Подхожу к воротам, ведущим в город, и вижу толпу встречающих. Боюсь поднять голову и посмотреть вперёд. Но нахожу в себе силы, направляю взгляд в толпу людей, пытаюсь разглядеть знакомые лица, и вот мои глаза «встретились»! Все страхи, мучавшие меня, отпали. И мама, и сестра остались такими же, какие были раньше. Правда, мама немного постарела, да и сестра выросла. Но главное, что все страхи развеялись в один миг. Выдох... Мне показалось, что дальше всё будет хорошо и никаких страхов и боязней больше не будет. Но как-то всё равно всё было не так...

И вот я приехала домой, зашла в знакомую квартиру. За время моего отсутствия здесь многое изменилось: новая мебель, обои, посуда на кухне и т.д. От моего проживания остались лишь детские фотографии и несколько мягких игрушек. На мгновение стало спокойно и легко...

Прошёл день, два, неделя... Все были мне рады. Соседи удивлялись появлению «нового» человека в доме, а после того, как узнали, что это я, то удивлялись ещё больше, потому что сильно изменилась. Первые дни мне казалось, что, сменив обстановку, я смогу отдохнуть. Но это была иллюзия. Как и в городе, каждый день здесь был точно такой же, как и предыдущий. Разница лишь в том, что рядом были родители, которые рады твоему приезду. Постепенно мне начало всё это надоедать. Я чувствовала себя не в своей тарелке. И хотелось уже только одного – уехать обратно. Обратно в этот город, в эту суету. Почему же это происходило? Почему, несмотря на то, что я не была столько лет здесь в родном доме, не видела родственников, так жаждала этого приезда – уже через неделю захотела обратно в город?

Кажется, что ответить на эти вопросы сложно, но на самом деле ответ очень прост: я выросла. У меня началась своя собственная жизнь. У меня появился свой собственный уголок, свой родной дом, по которому я уже скучаю, и куда мне хочется вернуться. Я стала взрослым самостоятельным человеком. Я начал создавать свой мир, свою семью, свой домашний очаг, который занял в моей жизни главное место. А родительский дом стал, а, точнее, остался, просто домом моего детства, моей прежней жизни.

То, что испытала и прочувствовала я на своём опыте, рано или поздно испытает каждый человек, ведь все мы вырастем, просто у меня это получилось испытать очень остро и даже немного болезненно...

То, что раньше было твоим домом, стало лишь местом, где ты гостишь. Тебя больше не тянет то, что когда-то стало отпечатком и воспоминанием в твоей голове. Нить, связующая нить, соединяющая тебя и родные пенаты, стала настолько тонкой, что даже без малейших усилий она разорвётся и все разделится на два мира: тот, что мой сейчас, и тот, что был когда-то моим...

Когда в следующий раз я навещу своих родных, увы, не знаю. Но одно я знаю точно – в какой-то момент родные пенаты стали не моими, можно сказать, чужими. И теперь я в них уже просто гость...

• **Эссе**

Екатерина Тимофеева

БОЛЬШАЯ ИГРА В БОЛЬШОЙ ПУСТЫНЕ МАЛЕНЬКИМИ ПЕШКАМИ

Люди спешат. Наскоро одетые, наспех причёсанные, бегут по делам, на ходу перекусывая и страницы газет перелистывая. Каждый день, словно путники в пустыне, стремятся к своим миражам, мчатся, хватая горячий воздух пересохшими губами.

Плохи или хороши эти миражи? С одной стороны, хороши, потому что для каждого стремящегося они означают одно – счастье, заключённое в разные формы. Для одних это пьедестал почёта или сундуки с золотом, для

других – семья или духовные открытия. И так далее и тому подобное... Но пустыня по имени жизнь от этого не перестаёт быть пустыней. А призрачные жизненные цели от этого не перестают быть миражами...

Людам кажется, что они видят впереди себя что-то совершенное. Бегут к своим «идеалам» с широко закрытыми глазами. Им кажется, что они к ним стремительно приближаются. Ещё одно усилие и... Вот-вот, ещё чуть-чуть, осталось только протянуть руку... Но – стоп! «Идеал» растворяется в воздухе...

Всё происходит как в фильме итальянского режиссера Фредерика Феллини «Город женщин». Герой фильма – Снапораз лезет на высокую башню, чтобы сесть на огромный воздушный шар, в котором находится его идеальная женщина. Как только он, задыхаясь, залазит на шар, казавшаяся реальной женщина-мечта превращается в резиновую воздушную бабу, которая несёт его над землёй. Шар сдувается, некогда идеальные черты лица женщины-мечты приобретают ужасные, искажённые очертания. Духовно-нравственная концепция режиссёра оказалась невольно близка к образу лирического героя цикла стихов Александра Блока, у которого Прекрасная Дама, «оправдав» опасения героя, меняет свой романтический облик, превращаясь в нечто совсем не похожее на его мечту-идеал.

Беда наша в том, что миражи, или, если хотите, «резиновые воздушные бабы», Прекрасные Дамы паразитируют в нашем сознании. За короткую человеческую жизнь можно сменить тысячи миражей, так и не уразумев, что все они пустышки.

Но можно ли жить без «миражей»? Как можно не стремиться к простому земному счастью, даже если оно постоянно ускользает?

Наверное, для начала следует остановиться и отдышаться: соображать на бегу очень даже тяжело... После того как дыхание восстановлено, имеет смысл отвести взгляд от идеальной искомой субстанции и посмотреть вокруг себя: назад, по сторонам, под ноги.

А так ли страшна та «пустыня», по которой бежишь? Может быть, это и не пустыня вовсе? Вокруг существуют люди, которые могут стать тебе друзьями, растут цветы, которые могут принести тебе вдохновение... В конце концов, в недрах земли, что у тебя под ногами, хранятся золотые россыпи, которые принесут, при желании, неслыханное богатство.

Следующий вопрос: «А так ли важно нестись сломя голову, если то идеальное, что ты видишь, исчезнет, как только ты подойдёшь к нему ближе?» Жизнь должна быть в движении, безусловно, но не надо её превращать в бессмысленный бег. Тем более что для того, чтобы чего-то достичь, совсем необязательно бежать. Остановившись и разобравшись в ситуации, можно построить своё счастье где угодно – «пустыня» большая!

Отвечая на эти вопросы, многие дружно закивают головами: «Да, да! – Жить нужно настоящим, реальным...». Однако после торжественного произнесения этих слов они так же дружно побредут по пустыне за своими «миражами».

Понимая разумом весь трагизм веры в «миражи», человек сердцем, совершенно неосознанно следует за мечтами, желаниями, иллюзиями. Провести грань между этими нематериальными субстанциями сложно.

С желаниями всё более или менее понятно. Желать выспаться, наесться, повеселиться; желать доброго утра, здоровья, процветания. Желание чаще связано с чем-то бытовым и материальным. Желать, проще говоря, это просто хотеть, чтобы что-то произошло быстро, удовлетворить какое-то своё неотложное желание.

Сложнее, на мой взгляд, разграничить мечты и иллюзии? Можно ли вообще это сделать?! Да, интуиция подсказывает, что пустые иллюзии – несут в себе что-то отрицательное. Мечты, даже недостижимые, наоборот, доброе, возвышенное. Но грань между содержанием многих понятий в мире, даже между такими, как «добро» и «зло», «возвышенное» и «пошное» настолько, при ближайшем рассмотрении, тонка, что ни один человек в мире не в силах определить, где иллюзия, скрывающаяся под личиной мечты, а где мечта, рождающаяся в лоне иллюзии.

Петрарка воспевал Лауру, Блок Прекрасную Даму. Чистое идеальное начало жизни – иллюзия это или возвышенная мечта? Коммунизм, например, был великой мечтой людей в начале 20 столетия и великой иллюзией в его конце.

Не будь люди большими мечтателями, были бы созданы самолёты, машины, Интернет в конце концов?

Не будь люди большими мечтателями, было бы создано ядерное оружие? Учёные мечтали, что если в мире появится такое оружие, то война потеряет смысл и на Земле больше не будет массового кровопролития. Во имя этой высокой и доброй мечты, однако, погибли тысячи японцев, когда в 1945 году на Хиросиму и Нагасаки были сброшены атомные бомбы.

Мечты, реализованные и нереализованные, мечты, превратившиеся в иллюзии, и иллюзии, превратившиеся в мечты, желания – всё «миражи» в «пустыне», в которой мы все живём.

Кто-то всю жизнь слепо следует за ними, и никогда их не достигает. Кто-то смотрит на них издали и, как художник, создаёт свой «мираж», воплотив их в своих произведениях. Кого-то «миражи» губят, а кого-то делают великим...

Опасная, однако, это игра, человеческая жизнь, в которой желания, иллюзии и мечты устанавливают свои, ежесекундно меняющиеся правила. А человек – маленькая, еле заметная пешка на карте великой «пустыни», бежит с пересохшими от горячего воздуха губами от миража к миру, стремится к реально несуществующему. Убегает от реальной жизни, создаёт то, что не может быть осуществлено, а потом сам, подобно мне в данный момент, разрушает это «собственными руками».

• **Эссе**

Владислав Тарасенко

ШКАТУЛКА ДРАГОЦЕННОСТЕЙ

Свою беседу о человеческих ценностях с самим собой и вами, уважаемый читатель, мне хочется начать с близкого к тексту пересказа притчи Толкина о шкатулке с драгоценностями.

Однажды один король приказал придворному мастеру-ювелиру сделать лучшие во всём мире драгоценности – десять перстней с самоцветами, пять браслетов, три ожерелья и золотого тельца. Ювелир взял бронзу, серебро и золото, 87 видов драгоценных камней, 13 видов дерева и слоновую кость. Долго трудился он, не покладая рук, вкладывая в своё дело всю душу.

В конце он изготовил шкатулку и украсил её хрустальным змеем. Поместил туда все драгоценности и закрыл. Но уже совсем скоро открыл снова и залюбовался – стало ему жалко своей работы, дела рук своих... Он постоянно думал: «Какой я чудесный мастер, раз изготовил эту красоту! Я так старался – сокровища дороги мне – никому не отдам!» Много месяцев говорил он королю, что заказ ещё не выполнен. Но в один день терпение монарха лопнуло.

Король явился вместе со своей стражей в мастерскую – всё перевернули вверх дном, прекрасную шкатулку забрали, а самого ювелира выгнали из города прочь – с пустыми руками.

Монарху драгоценности пришлись по душе. Он стал хранить их у себя в покоях. И думал: «Какой я чудесный король, раз у меня есть такие сокровища. Прекраснее перстней нет ни у одного короля в мире!»

На встречах с правителями соседних стран он надевал все перстни и браслеты на себя и сверкал, подобно горе самоцветов в лучах десяти солнц. Цари и князья стали завидовать его богатству – так началась война – королевский замок взяли штурмом и разграбили.

Один из рыцарей ворвался в покои и пронзил короля своим мечом. Он увидел, что тот из последних сил прижимает к себе шкатулку. Герой распахнул её – и понял, что великая удача улыбнулась ему! «Какие прекрасные драгоценности, – подумал рыцарь, – я знаю одну даму, она идеально подходит к этим ожерельям!»

И, вернувшись из похода домой, он подарил шкатулку этой даме в надежде, что она поймёт, наконец, какой он замечательный рыцарь!

«Какие чудесные драгоценности!», – воскликнула дама! Надела на себя ожерелья – стала смотреться в зеркало: «Ах, какая я замечательная дама, когда на мне такие прекрасные украшения! Зачем мне этот грубый рыцарь?» – и отправила доблестного воина восвояси. Хранила она свои сокровища с особым трепетом – и даже надевать боялась на балах – вдруг кто узнает? Вдруг завидовать будут? Украдут! И каждый вечер она перебирала перстни, и всё мерила браслеты да ожерелья.

Но однажды прилетел дракон, похитил он в городе двенадцать девственниц, среди которых была и наша дама. Дракон сжимал её в когтях, она же в «когтях» сжимала свою шкатулку...

Не удержала – уронила, раскрылась шкатулка в воздухе и рассеялись все сокровища по полям.

Рыцарь же, как узнал о случившемся, тут же отправился в поход – отвоёвывать свою шкатулку. Долго шёл он к дракону, претерпевая трудности и лишения пути, пока не пришёл к страшной пещере, в которой жил дракон. Вызвал змея на бой. Бились они три дня. И рыцарь одолел змея только лишь благодаря тому, что знал какая награда ждала его. Ворвался он, израненный, истекающий кровью, в пещеру, схватил свою даму и орёт: «Где сокровища, что я тебе дал!? Где!?!» – «Уронила! Уронила! – запричитала она». Рыцарь тут пошатнулся, да так и умер...

По пыльной дороге под звенящим солнцем, среди полей шёл, опираясь на посох, странник в ветхой одежде. В грязи под ногами он увидел – что-то блестит – это оказалось золотое кольцо. Странник поднял его и стал разглядывать – как сплелись три вида металлов, и как самоцветы 87 видов ослепительно сверкают на солнце. И вдруг рассмеялся, долго хохотал до слёз, чуть не надорвался. «Вот остолоп!», –

воскликнул он, – весь блеск от солнца! Вот где настоящее украшение мира!», – и пошёл дальше.

В городке, что встретился ему на пути, бывший придворный ювелир выгодно выменял у путника перстень на осла, мешок хлеба, чистую одежду... Немного отдохнув, путник отправился дальше – в путь, улыбаясь...

Драгоценности – золото, нефть – клады земли. Каждый мечтает обладать драгоценностями по своим силам, например, красивыми вещами. Но не только... Красивые вещи – эстетика, и ощущение достатка и «передостатка». Деньги – ощущение власти и могущества, осознание собственной важности! Материальное богатство не такое уж и материальное, если приглядеться. Очень часто – это всего лишь реализация комплексов.

Образ дракона – у Толкина – Смауг, но лучше его прообраз – Фафнир. Фафнир, который убил своего отца, ради того, чтобы завладеть золотом (а золото – это выкуп за смерть его брата). Сел Фафнир на золото – и стал его сторожить. Пришёл герой, Сигурд, победил змея и завладел кладом, а особенно – проклятым кольцом, которое умножает богатство. Карлик Андавари проклял это кольцо – обладание им обрекало людей на гибель. Так и случилось: из зависти жалкий и нищий Гутторн ночью заколол победителя дракона, самого храброго, могучего и богатого из Вельсунгов.

Сага, миф – да. Но ведь так испокон веков и ведутся войны, и плетутся интриги среди рода людского. И ведутся они в борьбе за ощущения и представления о могуществе, о власти. Противоборствующим хочется испытывать состояние, ощущение власти над другими людьми. Для них это высшая ценность...

Я несколько не против идеи власти, и тем более глупо отрицать материальные ценности, и денежную систему... Ленин хотел отменить деньги? – «Ха-ха!» Деньги сами по себе ни хороши и ни плохи, потому что распорядиться ими можно по-разному. То же и с властью: подданные мудрого правителя не знают, кто ими правит... И то же – с левой рукой (и пусть правая рука не знает, что делает левая!), для кого-то и она может стать воплощением мирового зла...

Недавно «наткнулся» на «желтоватый» заголовок в газете: «БУДИЙСКИЙ ЛАМА-АСТРОЛОГ: *«Начало третьей мировой войны зависит от Путина»*». Автор заметки, ссылаясь на высказывание Ламы, пишет: «Это знак волевого, добивающегося своих целей человека, он хороший тактик, именно в данный момент выходит так, что у него есть реальный шанс повлиять на нечто масштабное, такое даётся только раз в жизни. Он имеет влияние на Крым, в целом, это шанс для Путина». Но одновременно с этим, по убеждению священнослужителя, Путиным движут эмоции и такое чувство, как алчность, что не может благоприятно сказаться на деяниях.

Конечно, по причине алчности, с точки зрения буддизма, ситуация накалилась вплоть до вооружённых столкновений. Одним словом, если такие чувства над Путиным возобладают, будет третья мировая война, – предсказывает Сандан-лама».

Мнение этого зурхай-ламы мне очень (чертовски!) нравится. Получается с его точки зрения, что не что-то внешнее есть проблема, а внутренне психофизическое наше отношение к ней, которое и порождает её. Это нездоровая, не ведающая, что делает, страсть... По-буддийски: *неведение – источник всех в мире трудностей*. И правда... Именно незнание человека о том, КТО он, и ЧТО он ТУТ делает, заставляет искать его «драгоценные шкатулки», а потом «выпячивать» перед самим собой и другими найденную мнимую ценность.

Сейчас я говорю не только о деньгах, о предметах роскоши, но о многих и многих вещах. *О системах ценностей*. Ведь незнание, недостаток внутренней целостности, недостаток любви – ведут ко всем видам насилия. Почему из революций не выходит ничего хорошего? (это я говорю образно, конечно, что-то хорошее выходит). – Потому что построены они на крови, на манипулировании, в конечном итоге, на невежестве одних и алчности других.

А как же «Свобода», «Равенство», «Демократия»? – спросите вы. На мой взгляд, это – выплеск накопившейся энергии (в большинстве своём в виде обиды, агрессии) и грамотное (но не мудрое!) её использование, с помощью манипулирования сознанием человека. Вот и вся Свобода, всё Равенство, вся Демократия.

Люди пытаются заткнуть ценностями внутренние раны своего сознания – так ценности искажаются. Например, *семейные ценности* – великая драгоценность, оплот любви и личностной защищённости. – Спору нет! Но сколько клановых войн? Вендетт? Монтекки-Капулетти? – Сколько трагедий возникло на этой почве! Если вы услышите, что кто-то говорит: «Все ради семьи!», «Семья – самое главное!» – знайте, этот человек «болен»... И не пугайтесь этой мысли. Каждый из нас по-своему в каком-то смысле «болен». Иначе бы мы назывались буддами или, на худой конец, сверхчеловеками...

«Выпяченные драгоценности» рожают трагедии – когда встречаются два «правых» человека – белый и красный. Белый – защищает родину. Красный – борется за идею. Оба несчастны, потеряны и агрессивны...

Образование – ценность несомненная. Но почему-то в нашем университете старые преподаватели журналистики изумляются: «Как так? – студентам пофиг на то, что мы им говорим? О краеведении, о старых мэтрах, о заповедях журналиста!? Такой замечательный курс – а эти невежды не слушают!»...

Обида, чувство собственной важности колеблется до никчёмности и обратно. А студенты – другая эпоха, «старые шкатулки» им кажутся хламом.

Государственные ценности – воспетые Римом Аэтерной (пока ещё стоит, но уже давно не тот!), применяемые везде и всюду – Америкой и когда-то Советским Союзом. Но ведь и государственные ценности должны быть! И здоровый человек – всегда связан духовно со своей страной, всегда знает «свою историю», то есть историю своей страны. Иначе – он нездоровый нравственно...

Абсолют – Господь Бог! И даже эту *сверхценность сверхценностей* умудряются упрятать (и как успешно!) в шкатулку церкви... Монополизировать право на посредничество между Богом и человеком и говорить: «Мой Элоим лучше твоего Астарта!», «Как так – такие классные ценности – и не принимать? Язычники, погань!», «С нами Господь, а с вами... А хрен с вами!» То же можно сказать о Боге – есть множество людей, которые без идеи о Боге в той или иной форме – начинают болеть и мучиться...

Деньги, Семья, Родина, Бог – что это за ценности? Это – проявления любви. Любовь – прекрасна, но – искаженная, не так понятая, не так почувствованная любовь...

Может быть, читающим эти строки всё, что я пишу, кажется отвлечённым, абстрактным? Пустопорожними рассуждениями? Но это действительность. Разве не на ложных ценностях проявились события в Украине? Разве не шкатулка драгоценностей национальной чистоты – нордических арийцев поспособствовала возникновению фашизма в Германии в 30-е годы прошлого века? Говорите – манипуляция, внушение, массовый психоз? Но, по моему мнению, тот, кому что-то внушили – настолько же виновен, как и внушающий... Это принципиально, потому что он в итоге добровольно делает выбор, каких ценностей и идей ему придерживаться в жизни...

Почему я пишу обо всём этом? О ценностях? Потому что о ценностях говорят тогда, когда их не чувствуют, когда надо их внушить или (лучше) выстроить. Сейчас для меня такое время. И не только для меня... В массовом социальном сознании, по крайней мере, России – ценности и драгоценности держатся с трудом, с УСИЛИЕМ (часто ложные как ложка!) крайности.

И единственный (для меня) путь к их восстановлению хотя бы для себя – это обратиться к истоку – непосредственному переживанию времени и пространства. Потому что для меня нет такой ценности, за которую я мог бы «уцепиться» и следовать ей. За ней или в направлении неё...

Мне вдруг сейчас показалось, что всё написанное выше звучит весьма глупо и «максималистично». Ну что ж, почитаю хотя бы через год – оценю...

Как-то Митцуги Саотомэ в своём философском труде «Айкидо и гармония в природе» сказал: «...Во времена, когда так много страданий, одна разделённая чашка чая является выражением благодарности за то,

что «сейчас я жив». Его вкус – это вкус жизни, его острый аромат полон торжества одного вечного мгновения. Как драгоценно это короткое время бесконечного покоя, эта память, которую воин, как подарок, хранит в своём сердце. Это приостановленное мгновение жизни, мгновение настоящих человеческих отношений и общности. Это и встреча, и расставание, радость и горечь. Неважно, сколько вы проживёте. Жизнь — это мгновение за мгновением, и мера вашей жизни – то, как ваш дух расцветает в каждое из этих мгновений. Одна жизнь одна встреча...».

Истинная драгоценность – вот она. Не нужно за ней куда-то идти, даже усилий прилагать не нужно. Да не то что не нужно, а даже вредно и губительно...

Что такое эта истинная драгоценность? – Момент здесь и сейчас, в котором нет ничего лишнего. Центр мира. Всё – неразделимо, всё – драгоценно. Мир – это возможность всего, безграничность и одномоментность, многовременность.

Семья – это драгоценность! Государство – драгоценность! Деньги – драгоценность! Как и чаша вина, и пиала чая, как и жук, ползущий по солнечной дорожке, как таракан в куче мусора, как вкус черствой краюхи хлеба, как лист, упавший с дерева, как танец. Кусочек сахара на языке – великая драгоценность. Слово «Привет». Марш на улице – праздник девятого мая, горы и долины, книги и знания, – всё это – величайшая драгоценность. И жизнь – драгоценность, и смерть – величайший подарок!

И даже боль – подарок мира, подарок от Бога человеку! Боль – это любовь. Болью мир говорит нам – что мы «косячим», не даёт погубить себя и других раньше времени. Боль – учитель. И даже самые ужасные вещи (буду банален) – массовые психозы – концлагеря, насилие – это драгоценный опыт человечества. (Отвернулся? Забыл? Смотри!)

Мысли драгоценны, знания драгоценны, храмы и дома драгоценны. Золото и песок. Всё связано. Ничем нельзя обладать по-настоящему, ни в чём нельзя найти прибежища, кроме целостности. Неведение – корень всех трудностей. Поэтому, заканчивая, а может быть, начиная (так как в мире все относительно!) это эссе, хотелось бы сказать словами мудреца: *«Веду себя, как попрошайка, нахожу пропитание, как птица. Но в чём-то я богач, владеющий Сокровищем внутренней удовлетворённости»* (Джецюн Миларепа).

Краткие сведения об авторах⁹

Байборodin Анатолий (Байборodin Анатолий Григорьевич) – член Союза писателей России, автор 11 художественных и художественно-публицистических книг, среди них: «Диво. Сибирские байки, сказы рассказы» (2001), «Утоли мои печали. Романы, повести, рассказы» (2006), «Не родит сокола сова. Роман, повесть» (2011), «Озёрное чудо» (2013) и др.

Лауреат Всероссийских литературных конкурсов «Литературная Россия» (1979), «Традиция» (1995), «Отчий дом» имени братьев Киреевских» (1999), имени Василия Шукшина (1999). «Большой литературной премии России» (2007), Третьего международного конкурса детской и юношеской литературы имени Алексея Толстого (2009); областных – имени святителя Иннокентия Иркутского (1997), губернатора Иркутской области (2002, 2011, 2012).

В последние десятилетия возглавлял издательство «Иркутский писатель», работал главным редактором альманаха народов Восточной Сибири «Созвездие дружбы». Ныне – исполнительный редактор журнала «Иркутский Кремль».

Бальжамиев Эдуард – студент факультета филологии и журналистики ИГУ.

Бендер Александра – студентка факультета филологии и журналистики ИГУ.

Богачёв Александр – студент факультета филологии и журналистики ИГУ.

Богачёв Константин – студент факультета филологии и журналистики ИГУ.

Гордин Александр (Гордин Александр Иннокентьевич) – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики и психологии Педагогического института ИГУ, кафедры журналистики и медиаменеджмента филологического факультета ИГУ, член Союза журналистов России, автор 50 научных публикаций, в т. ч. 4-х монографий и 4-х учебно-методических пособий.

Автор пяти сборников стихов «Скрипка дерева» (2007), «Ночной приют странников» (2007), «Язык шершавый сумрака» (2009), «Голос ослепшей птицы» (2011), «Предчувствие» (2015), брошюры «Восхождение (2005) о творчестве Марины Цветаевой; сборника рассказов, баек, афоризмов и стихов «Сибирский валенок» (2013); а также нескольких сотен научно-популярных литературоведческих эссе, художественно-публицистических статей на разные темы, опубликованных в различных газетах и журналах Иркутской области в период с 1985 по 2015 годы.

Лауреат премии общественно фонда «Творческая интеллигенция – школе» XVI Всероссийских педагогически чтений, посвящённых 100-летию М.И.Цветаевой (1993 г.). Руководитель литературного клуба ВНШ. Член совета директоров ВНШ.

Жилина Мария – студентка факультета филологии и журналистики ИГУ.

Зоркин Виталий (Зоркин Виталий Иннокентьевич) – преподаватель ВНШ, профессор ИГУ, заслуженный работник культуры РФ, член Союза журналистов России, член Союза писателей России Лауреат регионального конкурса профессионального мастерства в номинации «Лучший журналист года» (2003 г.); лауреата премии губернатора Иркутской области за книгу «Иркутские градоначальники: воеводы и вице-губернаторы (2007 г.); лауреат Всероссийского конкурса Фонда развития отечественного образования в номинации «Лучшая научная книга» (2007 г.).

Автор более 600 публикаций в периодической печати, а также научно-популярных книг и учебных пособий: «Сибирские землепроходцы и мореходы» (учебное пособие). – Иркутск, 1998; «Не уйти от памяти» (воспоминания о А. Вампилове). – Иркутск, 1997; «Не уйти от памяти» (расширенное издание). – Иркутск, 2007; «Иркутские градоначальники: воеводы и вице-губернаторы». –

⁹ Данные о студентах публикуются в соответствии с моментом написания материалов, опубликованных в альманахе или участия в его создании.

Иркутск, 2007; «Роковая любовь великих людей». – Иркутск, 2008; «Бывают странные сближенья» (Пушкин и Сибирь). – Иркутск, 2010.

Кулехов Михаил – (Кулехов Михаил Евгеньевич) – исследователь истории, журналист, издатель и редактор. Работал и публиковался в газетах «Байкальская открытая газета», «Александровский Централ», «Восточно-Сибирские вести» (ныне – «Байкальские вести»), издавал и редактировал газеты «Шаман-Камень» и «День Сибири».

Крестьянников Владимир (Крестьянников Владимир Дмитриевич) – слушатель ВНШ, автор книг «Каникулы на Тунгуске. Повесть» (2012 г.), «Командировка на Кавказ. Повесть» (2013 г.), «Повести и стихи» (2015 г.).

Князев Ярослав – студент факультета филологии и журналистики ИГУ.

Люлько Мария – студентка факультета филологии и журналистики ИГУ.

Лукьянкова Татьяна – студентка Педагогического института ИГУ.

Мигалёв Павел – (Мигалёв Павел Михайлович) – журналист, исследователь истории Иркутска и Сибири. Работал штатным сотрудником иркутских газет: ДПР, «Советская молодёжь», «Номер один», «Восточно-Сибирский путь», «Копейка». Сотрудничал с «Иркутской электричкой», «Торговой газетой», альманахом «Ветер странствий» и с некоторыми СМИ районных центров области. Активно публиковался в сибирской литературной народной газете «Александровский Централ». Есть публикации в центральной прессе.

Пешкова Елена – студентка факультета филологии и журналистики ИГУ.

Постнова Елена – студентка факультета филологии и журналистики ИГУ.

Рыжакова Ирина – студентка факультета филологии и журналистики ИГУ.

Смирнова Дарья – студентка факультета филологии и журналистики ИГУ.

Соболева Елена – студентка факультета филологии и журналистики ИГУ.

Семнадцатый Владимир (Арсеньев Владимир Иванович) – слушатель ВНШ.

Шапов Евгений – студент факультета филологии и журналистики ИГУ.

Скиф Владимир (Владимир Петрович Смирнов) – известный русский поэт, член Союза писателей России, председатель Иркутского регионального отделения Союза писателей России, секретарь правления Союза писателей России. Автор многочисленных сборников стихов, опубликованных в различных изданиях России, в т. ч. вышедших в свет в московском издательстве «Молодая гвардия» – «Русский крест» (2008 г.) и в Иркутске – «Молчаливая воля небес» (2012 г.).

Владимир Петрович Скиф – лауреат Всероссийской литературной премии имени П. Ершова, победитель международного поэтического конкурса «Золотое перо России» (2008), обладатель девяти медалей, из которых наиболее важными для него стали медали имени маршала Жукова, адмирала флота Кузнецова, Золотая Есенинская медаль «За верность традиции русской культуры и литературы», а также орден «За службу России».

Тимофеева Екатерина – студентка факультета филологии и журналистики ИГУ.

Тарасенко Владислав – студент факультета филологии и журналистики ИГУ.

Чернова Любовь – студентка факультета филологии и журналистики ИГУ.

Шутова Яна – студентка факультета филологии и журналистики ИГУ.

Научно-популярный
Художественно-публицистический альманах
НАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки – *Юрия Скорнякова*
Фотографии – *Ярослава Князева, Александра Богачёва,
Марии Жилиной, Александры Бендер, Игоря Дорохова* и др.
Компьютерная вёрстка – *Татьяны Лукьяненко*
и *Александра Гордина*.

Подписано в печать 19.05.2015 Формат 72X104 1/16
Бумага мелованая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,5. Тираж 150. Заказ 0720

Изготовлено в ООО «Типография «Иркут»
г. Иркутск, ул. Новаторов, 3
ул. Ф. – Каменецкого, 24, офис 204,
тел.: 203-523

